

Annotation

Что движет героем? Как человек решает вершить судьбы и что он может сделать, если задача не выглядит понятной и даже решаемой?

— *Что было раньше, курица или яйцо?*

— *Бульон.*

Здравствуйтесь.

Честно говоря, начиная эту историю, я нахожусь в недоумении. Не вдаваясь в подробности, сообщаю одно: сейчас мне сложно представить, что когда-нибудь — через пять лет или через двадцать, я смогу вспомнить дни, когда я писала строки этой истории, не как Альфу и вершину своей жизни. Потому что таково мое отношение к ее миру, который изливается от самого сердца в мои руки и наполняет ощущением летящим, пульсирующим и грациозно-пластичным.

Представьте себе шарик, окруженный мерцающей сине-зеленой завесой, посреди бескрайней пустоты.

В нем живут люди, а кроме них в нем живут стихии: огонь, вода, земля, воздух и лес. Все они есть в этом маленьком шарике, и его спокойный полет через пустоту обеспечивает равновесие сил, гармония, которая в прошлом не раз была нарушена и сейчас, буду откровенна, находится на грани катастрофы для всего шарика — такой катастрофы, что уничтожит и шарик, и завесу, и сам мир.

Вообразите это. Кто там живёт? Что они делают? Что произойдет и чем все закончится? Запишите себе куда-нибудь результат. Или не записывайте, кто я, чтобы распоряжаться.

Получилось?

Это риторический вопрос.

Спасибо.

Пожалуйста, читайте книгу. Чтобы стать художником, нужно убить в себе художника, которым не можешь стать. Чтобы спасти мой сине-зелёный шарик, летящий через пустоту, нужно отложить ваш шарик, который, возможно, мне не удастся спасти.

Вместо пустых обещаний дальше будет моя интерпретация, довольно субъективная, но очень искренняя и простосердечная. Пожалуйста, постарайтесь ознакомиться с ней и только после этого вернуться к вашей истории. Если вдруг у вас получилось описать что-то, чего не будет в последующих событиях, мыслях и локациях, вы знаете, как со мной связаться.

На этом не прощаюсь. Я ещё буду встречать с комментариями по ходу книги, всегда вот в [таких] скобочках. Понимаю, что это несколько вредит повествованию и вашему погружению в происходящее, поэтому постараюсь беспокоить пореже. Правда как можно реже, но оставлю за собой такое право.

А теперь, чтобы не мяться на трамплине слишком долго, позвольте очертя голову ринуться напрямик в бездну, потому как настало время познакомить вас с Зэбором.

Глава 1

Представьте знакомый вам каменный лес. Сотни одинаковых домов, глухие массивы стен и нескончаемое количество квартир в них, где за каждым окном кто-то живет, чувствует, думает, и многое из этой массы вам недоступно. А на улицах пестрая масса людей течет по мостовым, набивается в общественный транспорт, и вершит свои важные, или скучные, или срочные, дела.

Вообразите себя дикарем в каменном лесу. Пигмеем, чужаком в набедренной повязке. Деревья, трава, грязь, птицы и даже крысы — все они ваши братья из понятного вам мира, в отличии от давящего множества непонятных, пугающих людей. Вы идете по городу, а весь поток проходит мимо, и стоит зацепиться за облик одного человека, как он уже далеко, а вместо него вас окружает десяток других лиц.

В то мгновение, когда вам удастся ощутить ритм каменного леса как совершенно лишней, давящий и сложный, а себя чуждым, одиноким и ненужным большинству мелькающих перед вами лиц — вот с такого ощущения я и начну свой рассказ. Потому что Зэбор Эзобериен Салмели Отрофон Кессей — это тот самый дикарь, что должен отправиться из знакомой его натуре каменный человеческий город. Ему впервые хочется, чтобы его звали Эзобериен, а не привычным первым именем.

В набедренную повязку он не одет. Скорее напротив, на нем закрытый, обнажающий лишь голову, стопы и ладони наряд из коры, сухой протертой травы и вечнозеленых листьев. Наряд этот весьма удобен, и Зэбор, а я осмеливаюсь называть его именно так, обидится, если сказать, описывая его, что такой наряд не подходит для цивилизованного человека.

Продолжая образ скажу, что он довольно высок, хорошо сложен, однако же его руки короче длины, которая привычна нам. Он подобающе, по меркам лесного народа, вооружен и к тому же наделен, что не сразу заметно за общей вычурностью его облика, красивыми чертами лица. У него широкий и покатый лоб, острые нос и подбородок, но первое, что замечаешь — его выразительные, глубоко посаженные янтарные глаза под густым покровом длинных, пышных ресниц.

Но не только цвет глаз и, этнический, назову это так, костюм Зэбора выдают его чуждость и дикарскую натуру. Черные волосы Зэбора убраны во множество плотных кос, в которые вплетены перья, засушенные листья, цветы, и ягоды. И если вдруг при встрече удастся справиться с впечатлением от этого антуража, включая естественный аромат, всюду сопровождающий дикаря, вы заметите его ладони — они сплошь покрыты шрамами от порезов, многие из которых выглядят весьма свежими.

Этим утром Зэбор проснулся незадолго до рассвета, разбуженный шелестением листвы. Открыв глаза, он увидел низко склонившуюся ветвь. Листочки дрожали и тянулись вниз, будто чувствовали собрата. Если бы кто-то увидел дикаря со стороны, поразился, как хмурое лицо озарилось улыбкой, а в глазах появилась надежда — словно внутри них свеча зажглась. Он протянул дрогнувшую руку к ветви, ожидая услышать дыхание жизни, о котором слышал так много. Пальцы коснулись листьев. И — ничего.

Светало, и Зэбор решил больше не ложиться спать. Он был далеко за границами Отрофон-Кессеев, и даже не на землях лесных магов. Он направлялся в город Рин, что на полуострове Родави-воку.

И ему было страшно.

"Глухие жители Архипелага, вы доверяете бальтским захватчикам и позволили закатать свои дороги в камень. Зачем вы укрылись от Солнца под панцирным кровом? О, однажды вы пожалеете — когда скальная армия вторгнется в ваш дом, когда и у вас заберут самое дорогое. Ваш мир умоется кровью, и умрет, сгинет насовсем ваше прошлое. Пеплом рассыпется ваш мир, неужели вы не видите. Бедные водные маги, зачем же вы впускаете Бальтрат, к чему открываете свои тайны, свои гостеприимные двери. Молчите, о, молчите, лучше б вы смолкли совсем и сокрыли ваше звенящее сердце от этих тиранов. За улыбкой их прячется необоримое зло, мы знаем его, мы помним, от чего же вы глухи к нашей памяти?"

Вы знаете, что случилось с моим домом, но упорствуете в невежестве. Неразумные гордецы, о, вам еще предстоит просить нас о помощи, плакать об утерянном благодатном крае. Бальты призовут демонов Фелла и пройдут стальным сапогом, вырвут Блуждающий источник из самого сердца вашего дома.

Отчего вы не пытаетесь забыть о нас, это же ваше будущее — скитаться по миру, лишенными ваших драгоценных песен. Те, кто уничтожил нас, сейчас за вашим столом. Они ходят по вашим улицам, пользуются вашим гостеприимством и скрывают свой жуткий лик за подарками, которыми покупают вас."

Так думал Зэбор, и больше я не буду говорить о его скорби, поскольку она невыносима и для непривычных ушей, и для всех, не принадлежащих к его племени — Отрофон-Кессеям. Горе и безнадежность пронизывали его жизнь, они были их сутью и отличием. Его племя, как и все лесные маги, собирали знания, скорбели о Роще Старейшин и жили в гармонии с лесом. Само их название говорило об утраченном чуде — разрушенной столице когда-то великой лесной цивилизации — города-древа Отрофонека.

Последние три сотни лет Отрофон-Кессеи собирали свидетельства того, что грядет пришествие второго Творца. В башнях Сеадетта, в легендах магов и разговорах приходящих на Праздник звучала надежда на это великое событие, которое должно пробудить Лес. Отрофон-Кессеи называли эти слухи легендой о Предреченной. Великий план Пробуждения Леса гласил, что она будет равна по могуществу Творцу и поправит причиненное им зло. Соплеменники Зэбора собирали частицы этого знания, но годы шли, а Предреченной все не было.

Жизнь Зэбора текла размеренно до дня, когда белоснежный, грациозный лерасс Озори Фонны пришел за ним — кажется, уже целую вечность, а на деле двадцать дней назад.

Теряясь в догадках, какое дело до него матери Отрофон-Кессеев, Зэбор поспешил на зов.

То был день, когда мир снова, как в детстве, сумел застать врасплох готового ко всему следопыта. Любой из его соплеменников узнал бы это сам, лишь поговорив с птицей, но Зэбор не слышал язык леса.

Озори Фонна сообщила тревожные вести сама, чем в десятый, сотый раз заставила сердце Зэбора биться сильно и неистово. Слова матери племени и сейчас легко всплывали в памяти, а стоящий за ними неотвратимый смысл вызвал желание еще раз убедиться, что нож спрятан надежно и незаметно.

Вдруг он заметил силуэт птицы, скользнувший по поляне. Зэбор узнал сокола и вскинул руку. К птичьей лапке было привязано послание: "Доброго дня, Эзоберием. Предначертанную видели и в Сеадетте, и в одном из племен Ассеев на юго-востоке, и, по одному свидетельству, она посетила Грасварат. Воины Бальтрата не переходили границ. Возможно, мы опоздали, но продолжаем поиски. Где ты находишься?" Он быстро написал о

своих планах, и сокол улетел. Если не будет новостей, птица вернется завтра утром и будет искать его близ города Рин.

Новости были плохие. Предначертанную видели в столице Бальтрата, а значит она вполне могла перейти на сторону магов земли.

Сердце Зэбора звало назад, ведь его рука и копье нужны племени, если разразится новая война. Но долг гнал его дальше и дальше, в чужие земли, на север, к островам Архипелага.

Зэбор закончил завтрак, собрал и увязал нехитрый скарб в заплечный мешок. Постоянно проверяя спрятанный в складках одежды кожаный нож, он направился к городу напрямик через заболоченный лес. Привычный к длинным переходам, он сделал лишь один привал, чтобы войти в город с наступлением сумерек. Он крутил пальцами деревянную бусину, вплетенную в косу и размышлял, как безопасней послушать разговоры горожан.

Город Рин с каждым шагом казался ему все опасней.

Ловкий и достаточно вооруженный, обычной стычки он не боялся, а земные захватчики, построившие город, не станут пользоваться магией на глазах мирных жителей.

Но все же первый шаг на цельнокаменную дорогу, дался непросто.

Таясь в тени домов, перебегая от укрытия к укрытию, Зэбор пробирался по вражеской территории.

Дома вокруг были живой насмешкой, не иначе. Высотой они были примерно с деревья Роши Старейшин. Пестрящие разноцветными огнями впадины мертвых стен были жалкой пародией на древесные окна Отрофонека. Кроме того, построены они были из мертвого дерева, собранного в квадратные конструкции, которые, как озаботился узнать Зэбор, назывались здесь срубы. Тяжело вздохнув и еще раз проверив, легко ли покидает ремешок-петельку нож, Зэбор решил, что хватит с него геройства на цельнокаменной дороге, и устремился с нее на привычную землю. Почва, удушенная в жутком городе камня, все же плодоносила фруктами и овощами, посаженными отвратительными, противоестественными рядами, на манер бальтских захватчиков.

Домов, к счастью, было немного. Зэбор заранее сверился с картой и примерно представлял, что ищет. Про Предначертанную на Архипелаге ходят слухи, по которым станет понятно, искать ли ее здесь.

Охотней всего люди говорят за вкусной пищей, вином и сладким медом в домах, которые называют тавернами. Зэбор заметил цветную вывеску с двумя ракушками и понял, что нашел нужный дом. Тот был ниже остальных, но тоже покрыт крышей.

Внутри, что неожиданно, было тихо. Зэбору пришлось подобраться к самому окну и аккуратно поддеть ставень.

- Тогда белый волк заговорила с мальчиком и сказала: ты стал одним из нас, за те десять лет, что живешь с нами, сын лягушки. Теперь я не смогу направлять тебя, а другие звери не смеют выдерживать твой взгляд, так что поспеши в поселения двуногих, где ты найдешь силу, способную остановить великого убийцу. Помни, что сила эта, по сути, двоякоострый клинок, что одной стороной режет врага, а другой — держащую его ладонь. И сын лягушки отправился...

Дальше Зэбор не услышал, поскольку на крыше таверны, куда он забрался в приступе неопределимого страха и где пытался унять бьющееся, казалось, прямо в гортани, сердце, не было понятно, что происходит внутри.

Чей это голос? Откуда он знает о его миссии? Почему говорит столь открыто?

Неужели кто-то следил за ним и рассказывает все мерзким бальтам? Или хуже — вдруг

там скальные воины и сейчас его укрытие обнаружат?

Отойдя от первого шока, Зэбор обнаружил, что судорожно сжимает нож, и тремя длинными скачками перенесся в тень дымохода.

Пусть он на земле Архипелага, но бальты выстроили этот город. Быть может даже крыша, на которой он сейчас, их сообщник. Незамедлительно проверяя догадку, он поддел ножом черепицу и тщательно изучил отколовшийся кусочек.

Обожженная глина, могут ли ее подчинять бальты? Вполне возможно.

Вот откуда они все знают — вероятно он, задумавшись, говорил сам с собой.

Проклиная свою постыдную трусость, Зэбор устремился с крыши на благословенную почву, но, немного поразмыслив, забрался на ближайшее дерево. Это была яблоня, он залез так высоко, как выдерживали ветви.

Там, переводя дыхание, он полоснул ножом по левой ладони, окропил ветвь кровью и прижался к ней спиной, испрашивая защиты и пытаясь сосредоточиться. Древний ритуал его народа, позволяющий получить помощь стихии, ни разу не приносил ощутимых результатов, но Зэбор пытался еще и еще. Это помогало ему не бежать, но бороться.

Если здесь есть маг земли, способный удерживать на своей стороне кровлю, он уже знает о приходе Зэбора в город и собирает воинов, желая остановить его. Нужно быть наготове.

Зэбор натянул лук.

Время шло, а никто не нападал.

С яблони, где укрылся Зэбор, хорошо была видна дорога, но пока он увидел только одного человека — прошел не вражеский боец, а женщина, что спешила по своим делам вниз по улице.

Постепенно способность рассуждать вернулась к следопыту. Зэбор постарался вспомнить все, что видел и слышал, как можно более точно.

И сразу нашлось несколько несовпадений.

Прежде всего, его деморг змея, а не лягушка. А у отца деморг барсук, которого еще сложнее спутать с лягушкой. В племени он всю жизнь, а не каких-то десять лет, и не пришел в него, а там родился. Да и зверям он неинтересен, от того и не смотрят в глаза.

Но почему белый волк и кого еще можно описать словами “великий убийца”?

Он убрал нож и постарался успокоиться, чтобы вспомнить больше деталей.

Голос, что говорил ужасные слова, был не злой, а скорее певучий, чуть тянущий звук «о», как говорят на общем языке уроженцы Архипелага. Да и внутреннее помещение дома, увиденное Зэбором, было полно не скальных воинов, а водного и земного народа, присутствовали женщины и дети, причем — и теперь он понимал это явственно — все они смотрели туда, откуда раздавался источник голоса.

"Да и волк-лерасс Озори не мог говорить со мной, я же не пойму его речь," — с горечью подумал Зэбор, потихоньку слезая с яблони. Происходящее в таверне уже не казалось ему враждебным, но на совпадение не походило.

Следовало продолжить наблюдение.

Была и другая причина вернуться: он хотел узнать, чем закончится рассказ про двоякоострый клинок.

Вернувшись к таверне, он обнаружил, что ставни распахнуты. Внутри говорил уже другой человек, на незнакомом диалекте Архипелага. Зэбор понял лишь несколько общих корней — в них не было ни слова об Отрофонеке или пришествии Предначертанной.

Рассуждения велись о морали и благе, о том, что такое для человека семья и дружба.

Любопытствуя, Зэбор перебрался под другое окно так, чтобы увидеть говорящего.

В таверне собралось много людей, которые сидели за столами, на лавках, на лестнице, а кое-кто даже на полу. Все они слушали молодую женщину с пышной копной медных волос, одетую по моде Архипелага, которая говорила поставленным голосом профессионального оратора, глядя куда-то вверх, на потолок, расфокусированным взглядом. Ей кивал немолодой мужчина с окладистой бородой.

Чуть в стороне, там, где открывался хороший обзор, стоял темнокожий высокий человек с огромным куском гранита на спине. Это был первый балытский воин, которого Зэбор видел в городе.

Воин бдительно осматривал помещение, а за ним сидела девушка в белых одеждах, от одного вида которой Зэбору стало понятно, что тут происходит.

По всему миру ходит лишь одна девушка в многослойной белой юбке, расшитой серебряной нитью. Лишь одна пара ног ступает только по ткани и всегда босиком.

Однажды, в день Мертвых деревьев, он слышал ее истории. Сказочницу звали Аштанар, она была уроженка Архипелага. Даже без традиционных символов — серебряного подола, расчесывающего ее волосы ребенка и двух толмачей по бокам, ее выдал бы приметный облик — белая, лишенная всякого цвета кожа, белые же волосы и переливающиеся, радужные глаза.

Девушка заплетала волосы в косы, и увидев это Зэбор понял, что застал одну из последних сказок.

В тот раз, на Празднике Пробуждения Леса, ее сказ тоже закончился быстро, из-за ее толмача, которого теперь Зэбор не видел среди собравшихся. Толмач тогда объяснил сказку тем, что если верить, то случится чудо, способное исправить любую беду. Но этим словам, как верно рассудила Озори Фонна, не следует звучать в день Мертвых Деревьев. Что печально, Зэбору совсем не показалось, что сказка должна была быть истолкована именно так, и все же толмач выражался предельно ясно, насмехаясь над утратой Отрофон-Кессеев и всего мира.

Зэбор все же собирался заговорить с Аштанар в тот вечер и узнать, что она сама думает про сказку, и был удивлен, узнав от соплеменников, что сказочница не разговаривает и не отвечает на вопросы, а за нее говорят толмачи.

Темнокожий воин был при сказочнице и в день Мертвых деревьев, Зэбор помнил, как уже одно его появление на празднике вызвало недовольство Отрофон-Кессеев, но тогда их все же пустили.

Зэбор смотрел, как сказочница с толмачами принимают благодарности и уходят в гостевые комнаты на верхние этажи. Взобравшись по стене, он оценил расположение комнат и начал думать. Сказочница ушла в комнату отдельно от толмачей, значит не привлекая внимания пока что удастся поговорить либо со Сказочницей, либо с толмачами. В самом деле, не стоило и ожидать, что балыт уйдет, оставив водных одних, чтобы он мог расспросить Сказочницу через толмачей. Что ж, даже если он не узнает сказки про двоякоострый клинок, потеря будет невелика — Зэбору было некуда записать ее, кроме бумаги, и истории сказочницы противоречили собираемым Отрофон-Кессеями осколкам памяти мира, так что основная задача была важнее. Немного расстроенный, Зэбор отправился дальше слушать пересуды в таверне.

Он был под окном и слушал, и хорошо, что разговоры велись в основном на общем

языке. Сказали, что Нарилию, как здесь звали Предначертанную, видели в разных народах и что она делает странные вещи. Зэбор записал основные места и события, мрачней с каждой строкой. Судя по словам, Нарилия, появившись три недели назад, успела побывать по всему миру, и ее поступки, они... У сказанного было много признаков сплетен, и Зэбор понял, что придется пробраться дальше на Архипелаг, где диалект острова Нити, который он немножко знал, будет для него понятен и удастся услышать правду.

Как он ненавидел бальгов с их лживой натурой, столь же ценил нрав жителей Архипелага. У Кессеев даже есть присказка — "научи водного мага врать", так говорят про бессмысленное и при том трудозатратное дело. И правда — заветы жителей Архипелага, которые они называют Песнью Потока, учат, что все едино, и говорить и действовать следует прямо, сообразно своей натуре. Так что лучший способ для водного мага хранить тайну — не знать ее.

Однако, следовало сделать еще одну вещь. Сказочница не станет разговаривать с ним, но, может быть, она захочет написать. Что ж, письмо позволит перечислить вопросы к ней и поможет сформулировать мысль, не опасаясь быть прерванным. Кроме того, ответ можно будет передать через лерасса вместе с сегодняшним списком, а это хоть какой-то результат перед днями, которые он будет без связи с соплеменниками на Архипелаге.

Между тем стемнело и Зэбор устроился в укрытии кустов смородины, выбрав место так, чтобы пятно света, льющегося из окна соседнего дома, давало ему возможность видеть написанное. Он достал из заплечного мешка чернильницу и несколько пергаментов. Выбрав среди листов наиболее чистый, он начал писать, вспоминая все, что знал о языке водных магов. Две строки спустя, совершенно запутавшись в корнях и приставках, он зачернил написанное и перевернул лист.

Там уже были строки, оставленные незнакомой рукой.

"Привет. Я, ну, не очень представляю, как говорить, как писать то, что очень нужно сказать тебе. У меня, знаешь ли, вообще с письменной речью не очень, как-то после школы особо не доводилось писать, особенно когда это может на что-то повлиять, так что не обессудь. Ох, мне наверняка будет стыдно за эти строчки при следующей встрече, но, слушай, вообще нет времени подкарауливать тебя, да и отвечать на все вопросы, которые ты захочешь (и можешь!) задать. В смысле, может быть сможешь. Я не знаю. Да, в общем, список дел к о л о с с а л ь н ы й. Так что я подумала, что напишу тебе и подкину этот листок, когда ты будешь спать или типа того и, ну, по черновикам выходило, что ты скорее найдешь его вскоре, чем нет. Еще раз прости пожалуйста, что не пришла сама и не говорю, как есть. Может быть когда-то что-то и будет, правда, тут обычно сбоит, такие многоходовки довольно сложны для просчета. Но вот что уж точно стоит понять, это что черновики...А-а-а, извини, я снова хожу кругами. Вот что. Тебе сейчас кажется, что ты знаешь, что важно, но я в общем-то прекрасно знаю, что нужно делать, список, пойми, составлен, хотя об этом я вроде уже говорила. Вообще нет времени переписать, так что вот тебе кредит доверия: в ближайшие дни я буду в горах, все-таки поучаствую в этой странной презентации меня, которая пройдет в третьей башне Сеадетта, и посету город на реке, ну как его. Но не ходите туда. Потому что потому, может потом расскажу. Вот тебе планы, передавай дальше, мне не жалко. Плохо представляю все последствия того, что вываливаю на тебя все это, но, стоп,

к делу. Ладно, вот плохая новость. Конечно же, разумеется, очевидно, я попыталась вернуть столп огня. Не вышло. Так что не ищи меня для этого, разруливаю как могу, вот. В общем скажи своим, кого встретишь, что искать меня не нужно. Вы и так сильно рискуете, высовываясь из своей чащи, не хочу, чтобы кто-то из вас подставлялся напрасно. Я и сама передам, так что забудь, можешь не говорить. А ты, вы, ну. Попробуйте разбудить лес, может это поможет. Да, вот конструктивные слова, сейчас все будет. Поговори с Аштанар, она хорошая, это точно: она укажет тебе путь к пониманию леса. Ну и вообще молодец. Если не поймет, что вам по пути, скажи, что ты из ее сказок и она может говорить с тобой. Скажи, что я так сказала, хотя ты меня не видел, но я выразилась предельно четко и однозначно. Ребята, пожалуйста, не ссорьтесь. И, да, надеюсь, тебя не смутит весь этот сумбур. Радуйтесь и не переубивайте друг друга, а я все сделаю. С уважением, Нарилия, сестра Бога."

Ужас падения и ледяная вода, что смыкается высоко над головой — вот что испытал Зэбор, когда прочитал строки, написанные Предначертанной и совершенно очевидным путем ставшие его имуществом. Пережитый шок мог бы оставить на нем неизгладимый отпечаток, в таком случае дальнейшее повествование сводилось бы к старательному описанию долгих часов молчания, попыток переосмыслить свою жизнь и кризис, который переживал следопыт, но правда в том, что оправится он довольно быстро. Во всяком случае он быстро начал действовать, однако последующие события лучше списать на состояние шока, поскольку разумными их не назвать.

Зэбор незамедлительно и совсем не таясь вернулся к таверне, влез в окно второго этажа и сел в оконном проеме, ожидая, пока уляжется буря эмоций, вызванных его появлением.

Аштанар вопила, он не слышал ни звука.

На крик в комнату ворвался балът, Зэбора скрутили, и довольно крепко.

Тяжелый хват камня, и жесткость шерстяного ковра, на который его как-то переместили, он ощущал будто через толстый слой опавшей листвы.

В детстве, когда наступал листопад, дети собирали кучи листьев и падали на них, и закапывались внутрь, вдыхая запахи.

Вроде бы однажды Зэбор даже лежал на листьях, прижавшись щекой вот так, как сейчас на ковре.

Звуки доходили словно сквозь пелену, и смысл сказанного Зэбор не понимал. Потихоньку приходя в себя, он заметил, что не с пониманием речи беда, а с тем, что говорили на незнакомом диалекте Архипелага.

Сказочница сидела на кровати, обхватив голову руками, бородатый толмач стоял над ней и о чем-то оживленно бранился со скальным воином, которого Зэбор увидел в шаге от себя. Второго толмача, женщины, нигде не было видно.

Отреагировав на то, что скованный каменной плитой пленник задвигался, балът потянулся забрать оружие, и Зэбор попытался закричать. Рот оказался заткнут, так что он издал лишь протестующее мычание, но Сказочница подняла голову на звук.

Два взгляда, янтарный и радужный, скрестились и застыли. Несколько долгих мгновений он смотрел, а потом слышал сказанное на общем языке:

- Уберите кляп, послушаем, что он скажет.

Мужчины обернулись на голос, а Сказочница пожала плечами и сказала:

- Расскажу какую-нибудь маленькую коротенькую сказочку, переживем.
- Vauderolutoare. - сказал балът на незнакомом диалекте Архипелага, и убрал кляп.
- Пустите. — Сказал Зэбор.
- Вот еще. Ни за какие алмазы, — сказал балът.
- На что ты вообще рассчитывал? Вломился в личные покои, радуйся, что здесь лишь мы, а не стража. — сказал бородатый.

— Я не таился, вы же видели.

- Я смотрю на тебя, но не понимаю. — сказала Ашганар. Зэбор промолчал, и она продолжила: — Ты влез как вор через окно, напугал меня, хотя мог воспользоваться дверью. Ты не похож на грабителя, что же произошло с тобой? — Она хотела продолжить, но замолчала под взглядом толмача.

- Что-то невероятное. — более подходящего ответа Зэбор и представить не мог.

В этот раз радужный взгляд наткнулся на янтарный под негодующий ропот сопровождавших сказочницу мужчин.

- Да что вы с ним разговариваете, госпожа Камайн. Добрые люди к незнакомым девам входят через дверь и просят дозволения. А так, ясно, что злодей какой-то. Может грабитель, или кто похуже. Госпожа, давайте мы его допросим да сдадим течению, или хотя бы этой вашей земной страже. Чельдо, что думаешь, найдем управу на парня? — Несколько вычурно рассуждал бородатый.

Скальный тоже говорил, но на языке Балътрата. Его Зэбор немного знал, тем более, что охранник произнес довольно известную пословицу, примерно переводимую на общий как "сказанного не воротишь".

Сказочница что-то сказала на диалекте Архипелага, после чего перешла на общий язык:

- Что тебе нужно?

- Говорить. — враз охрипшим голосом ответил Зэбор.

- Так говори.

- Только ты.

- Как с вами говорит этот лесовик, госпожа! Зачем вам вообще слушать такое? — разбушевался бородатый.

- Кажется, этот человек имеет в виду, что хочет поговорить наедине. — отозвался балът.

- Совершенно исключено! Какая наглость!

- Почему ты хочешь говорить только со мной? — вкрадчиво, тщательно выговаривая каждую букву, спросила Ашганар.

- Письмо. — ответил Зэбор, и ее брови поднялись в удивлении.

- Что за глупости? Я не понимаю. Я тебе что-то писала?

- Нет.

Ответ вызвал новый взрыв возмущения. Бородатый говорил, а балът выразительно молчал. Сказочница подождала тишины и продолжила:

- А про что письмо?

- Спасти Лес.

Радужные глаза чуть расширились.

Для любого, кто побывал хоть раз на дне Мертвых деревьев, оставался лишь один Лес, с большой буквы л, который надлежало спасти. Лес стометровых деревьев, сухих до скелетов прожилок в листьях, с облетевшей корой. Недвижимый даже под дуновением ветра лес безвинно почивших величайших магов. Как уроженка Архипелага, Ашганар наверняка знала,

что действительно сильные маги испытывали столь сильное родство со стихией, что рано или поздно желали раствориться в ней без остатка.

У культур многих стихий было свое священное место, куда маг мог прийти, чтобы закончить жизненный путь своего тела — Блуждающий родник у Архипелага, Вулканы огненной долины у презренных Феллов, Дом ветров горы предков у дневных воздушных магов, и когда-то была Роща Старейшин.

В далекие времена Кессеи допустили разрушение столпа огня союзом Бальтрата и Фелла. Тогда они потеряли покровительство стихии. Роща умерла, с нею и Отрофонек умер. Так настал конец одной из величайших цивилизаций, и деревья Рощи не виновны в своей ужасной судьбе. Аштанар должна была знать это. Как и понимать, почему этот разговор не продолжится в присутствии охранника-бальта. Правда в том, что письмо он хотел скрыть и от бородача, но может быть сказанного будет достаточно.

- Пожалуйста, заберите у него оружие и оставьте нас наедине.

- Совершенно исключено, госпожа! Я обещал вашей матушке беречь вас от опасностей, что будет непросто сделать, если продолжите так себя вести. — ожидаемо воспротивился бальт.

- Чельдо, ты же знаешь, сколько для нее это значит. Наверняка этот молодой человек видел ее на празднике, она весь вечер бегала и спрашивала, как Лес спасти. Он добивается доверия нашей госпожи, а ты забываешь советовать, запрещая ей, будто ребенку. — водный маг говорил, и Аштанар прислушалась, заметно было, что она сомневается. — Как Сказочница может помочь тебе спасти Лес и почему ты вломился к ней?

- Понять Лес. — Сказал следопыт.

- Довольно. — Сказала Аштанар. — Если этот человек и правда злодей, и причинит мне что-нибудь нехорошее, передайте матушке, что вы сделали все возможное, но не смогли уберечь от собственной глупости. Но не сожрет же он меня, в самом деле. Оставьте нас наедине, я настаиваю.

Зэбор указал на колчан, лук и, поискав, нож. Каменная хватка ослабла, скальная порода с грохотом и сухим хрустом переместилась обратно на спину бальта, а толмач протянул открытую ладонь:

- Бусину, если есть, тоже сдавай.

- Не маг он, Глэн, не видишь что ли?

- Конечно вижу. С чего бы не видеть, но вдруг у него чужая. — ответил бородач. Зэбор помотал головой, и это было первое движение, которое он сделал с момента, когда оказался на ковре.

Вздыхая и поглядывая на Сказочницу — вдруг передумает? — мужчины затворили дверь и удалились. Зэбор поначалу еще слышал, как Глэн толкует с Чельдо о том, как отличать нима и откуда ему здесь быть в одежде лесного народа, а потом стало совсем тихо.

Аштанар наблюдала за ним. Глядя, как Зэбор поднимается с ковра и разминает затекшие руки, она выпрямила спину и поставила ноги на пол очень ровно и прямо.

- Надеюсь, твое дело и правда стоит ссоры с моими людьми.

Зэбор вздохнул, и сказал очень тихо:

- У меня письмо от Предначертанной Нарилии, в котором сказано, что я из твоей сказки.

По лицу Аштанар нельзя было и предположить, сколь многое, как позже узнает Зэбор, значила для нее эта фраза.

- Да какое письмо, кому письмо, откуда оно? Ты видел ее? Уже? Как?

- Не видел. — в памяти следопыта всплыла формулировка, строчка письма, каленым железом пылая перед внутренним взором. — Но она выразилась предельно четко и однозначно.

- Это еще что значит?!

Зэбор достал из рюкзака лист пергамента, проверил с обеих сторон на всякий случай, и написал на всеобщем (он не рисковал снова связываться с языком Нити): "Пообещай, что не будешь обсуждать то, что я покажу, со своими толмачами, с охранником, и вообще со всеми, особенно бальтами и феллами. Не будешь говорить в их присутствии на эту тему, показывать записи, и не будешь рассказывать об этом кому-то, с кого не сможешь получить такое же обязательство." Сказочница прочитала, скривилась и ответила:

- Обещаю.

— Напиши это.

Сказочница взяла из руки Зэбора перо и написала ниже свое обещание.

Когда эта условность была выполнена, следопыт достал письмо Нарилии, положил на стол, и оба склонились над текстом. Перечитывая строки, Зэбор все же больше следил за сказочницей, наблюдая за ее реакцией. Вскоре Зэбор заметил, как Аштанар скользнула взглядом вниз листа, к приписке, и начала заметно дрожать.

Хорошо, это значит, он все же не излишне бурно реагировал.

В процессе чтения Аштанар несколько раз терла лоб. Дочитав, она немного помолчала и сказала, улыбаясь:

- Не вижу, чтобы тут было о том, как спасти Лес. Если я могу помочь тебе понять Лес, а ты из моей сказки, то, хм. Когда выступаем?

Настал черед Зэбора ужасаться. Размахивая руками и подбирая слова, он со стороны сильно напоминал бородатого толмача.

- Стой. Нет, совсем не так. Пожалуйста, погоди. Что значит выступаем, никуда не выступаем. Ты что, не видишь, что надо сделать сначала?

- Хм, мне все довольно ясно. А что ты собрался делать?

Зэбор подхватил со стола письмо и прочитал еще раз, вышагивая по комнате. В такие мгновения он сам себе напоминал мечущегося в клетке дикого зверя, каких не раз доводилось спасать в рейдах по землям нимов. Строчки письма Предначертанной выглядели все так же опасно, и он спросил быстрым речитативом:

- Мне нужна свободная поверхность, и если у тебя вдруг запас готовых чернил, я бы предпочел получить их, а то мне еще пара листов и новую порцию разводить, можно?

- Да, сейчас, держи.

Зэбор присел за стол и написал:

1. Предреченная нас знает и ее зовут Нарилия2. Она может нас найти3.
"Сумбурная"4. Мне пора заняться лесом (!)5. Перестать вешать на нее дела — ?6. 0.
Нужно быть командой7. Узнать значение отдельных слов8. Как работают сказки?
Сын лягушки?9. ЧТО?

Аштанар прочитала список.

- Сумбурная не вежливое слово, хоть и очень подходящее. Заняться лесом — не знаю пока, чем могу помочь, но видимо могу. Про команду — тоже да, я с тобой.

— Пожалуйста не произноси вслух ничего конкретного, нас все еще могут слушать.

— Хорошо.

Зэбор указывал отдельные слова, а Аштанар объясняла, как поняла их смысл. В целом выходило, что послание не имело подтекста.

Но свиток от Предначертанной мог быть любим, но не таким.

Зэбор вспомнил про другую тему, спросил про двоякоострый клинок, и Аштанар рассказала, нет, пересказала историю человеческого ребенка, жившего среди зверей по заветам Леса. Двояко острым клинком звалась лава, а великим убийцей был оборотень-людоед. Аштанар пояснила, что оборотень был деморгом, терявшим разум и обретавшим ярость под полной луной. Аштанар не знала, что было с оборотнем дальше и в сказке не говорилось о том, где он живет или как общается со зверями. Аштанар не выбирала эту сказку специально, на выступлении она читает по наитию.

С новой информацией Зэбор перечитал письмо, а затем список, кивнул и принялся рисовать стрелочки, составлять подпункты, дописывать и перечеркивать.

— Что ж, вроде становится понятно, можем пойти куда-нибудь, где сможем поговорить без лишних ушей?

- Да, хорошо, давай.

Тут только он заметил, что Сказочница за ходом его рассуждений не следила, а сидела, глядя в окно и, судя по направлению взгляда, весьма интересовалась третьим ярусом дома напротив.

- Что там, что ты заметила?!

- А, ничего, нет, извини. — Аштанар удивительно напоминала сейчас живую статую со скромной улыбкой. — Ты уже разобрался, что нам делать дальше?

- Прежде всего мы идем в место, где нас не подслушают. Извини, но я не доверяю... — он понизил голос еще больше, — твоим спутникам.

- Так давай отошлю их. — Аштанар повысила голос. — Глэн, Чельдо, сходите прогуляйтесь, поешьте что-нибудь.

Послышалось отдаленное "Но мы и так в таверне." Что-то возмущенное сказал женский голос. Открылись и закрылись двери, Зэбор услышал шаги трех пар ног, а выглянув из окна убедился, что бородатый, медноволосая и скальный воин вышли из таверны и направились вниз по улице, к морю. Зэбор закрыл окно.

- С первого этажа нас не услышат, и можно здесь говорить. — сказала Сказочница.

— Есть еще кое-что. Потолок глиняный, и я не уверен, что мы можем говорить свободно.

— Глина ломается руками, ее не могут использовать скальные воины.

Зэбор моргнул.

— Зачем Бальтрату строить город, в котором их воины могут контролировать только дороги?

— Не знаю, это правда так важно?

Он замешкался. Вопрос касался разведки, а не его основной миссии, а Аштанар доверяла бальту.

— Пожалуй нет, но я не могу сходу сообразить, куда можно отвести тебя, учитывая ковер.

— Значит остаемся. Так что ты придумал?

- Я сделал кое-какие выводы, но может быть ты сначала расскажешь, что думаешь обо

всем этом, чтобы не вышло, что каждый из нас что-то упустил и план действий сформирован без учета каких-либо важных деталей.

- Так, хорошо. Я думаю, мне следует пойти с тобой в Отрофонек и попытаться рассказать тебе или всем вам свои истории, потому что с точки зрения Предреченной это может быть важно. Я думаю, Нарилия ждет, что это произойдет между нами и что там или тут у нас уже есть все знания, чтобы оживить Лес без ее руководства и черновиков, какие бы бумаги не имелись в виду.

В прическе Зэбора была березовая бусина, которую он катал между пальцами, когда крепко задумывался, пытаясь сформулировать достойный ответ. Зачем-то же вплели ее чуть ниже скулы так, чтобы бусина попадала в поле зрения. Настало ее время и, сформулировав, он сказал:

- Я ждал услышать от тебя про твои сказки, и кто ты вообще такая. Честно говоря, я очень удивлен тем, что Предреченная послала меня к тебе и думаю, что разгадка в твоих способностях и знаниях.

Аштанар заговорила, как будто ждала вопроса и ответ был заготовлен. Она часто и много улыбалась, и во время рассказа смотрела в основном по сторонам — направо или рассматривала точку под потолком, где паук свил паутину, в которой запуталось немного сора.

- Меня зовут Астонор Камайн, родилась на острове Ои, росла там же. Отец четвертого лада, матушка третьего. В детстве утонула, но меня спасли, и тогдашний течение Ои знал, что произошло, и сказал родителям, что я буду вот такая, в смысле, раньше вроде бы были цвета не только в радужках глаз. Как видишь, он был прав. Мама говорит, течение сказал, во мне совсем нет водной магии, поэтому в восемь лет меня отдали для обучения тогдашней сказочнице Фелине Трим. Я училась у нее, переняла часть историй и ремесло, а затем стала сказочницей вместо нее. Правда в том, что историй очень много и я не знаю, откуда они приходят, и не понимаю их зачастую. Я их как-то понимаю, но не всегда могу определить последствия того, что стану говорить по своему разумению. Но это у всех сказочниц так. Тут, конечно, очень выручают толмачи, без них я бы не знала, что и почему говорить. Кстати, пожалуйста доверяй им, а особенно моему телохранителю. Он не балет, как ты мог подумать, он тоже с Архипелага. Ян охранял еще мою маму и со мной по ее поручению с тех пор, как получил лад скальной магии, а Глэн мой добрый товарищ и многое мне объяснил, и сказал очень правильные вещи. Сейчас он наставляет Магуи, как толковать. Вы не знакомы, но думаю, она тебе понравится, она тоже ним, как и мы.

- Да при чем тут твоя история, расскажи, откуда сказки берутся, ты вообще не слушаешь меня что ли? — Зэбор чувствовал, как мысль постепенно ускользает, заслоняясь потоком бесполезных фактов, и его это злило. Если Аштанар так важна, он будет ее расспрашивать, но лучше бы ей поскорее начать говорить что-то ценное и стоящее затрачиваемых усилий. — Ты вообще понимаешь, что происходит? Нас буквально свела Предначертанная, мы должны что-то сделать, при чем тут твои проблемы и детство, дело точно в самих сказках! Вашей династии шесть сотен лет, если бы было что-то особенное в вашем ремесле или биографии, это уже было бы известно!

Аштанар вздрогнула, а ее взгляд легонько расфокусировался. И снова лишь сильно позже Зэбор смог узнать больше и понять силу нанесенного ей удара.

- Хорошо, извини. Я понимаю, что это не важно. Так, про сказки, хм. Разные истории придумывались, сколько я себя помню. Стоит на что-то долго посмотреть, подумать и

сильно впечатлиться, возникают обрывки, а если их говорить — они связываются в историю — каким образом не понимаю, я ничего активно не делаю, они сами соединяются. Как будто до того, как я впервые рассказываю сказку, у меня в руках находятся осколки зеркала, а стоит начать — как полагается, на сцене, и все соединяется, трещины исчезают, и я говорю, глядя в зеркало, только скорее не зеркало, а как бы открытое окно в какую-то порой совсем странную и другую историю, которая при этом очень реальна. — Сказочница сглотнула и заговорила поставленным "от живота" голосом. — Окно это так близко, словно можно протянуть руку, коснуться холодного стекла и уйти туда, выбраться в другой мир, раствориться в нем, и может быть даже никогда не вернуться. Но сказка заканчивается, окно исчезает, а я вышиваю все, что удастся запомнить на новой юбке.

- Ох, понятно, ну, это многое объясняет. — Зэбор подошел к столу, дописал "*10. Окна*". Только что он грубо прервал возможного союзника, а предстояло обсудить еще одну очевидную идею и Зэбор подобрал слова: — Я могу показаться бестактным, но сейчас кажется правильным изучить твои юбки.

Аштанар кивнула и села. На ее талии был закреплен широкий пояс, который удерживал десятки слоев тончайшей белой ткани. Нижние пятнадцать были вшиты накрепко, остальные закреплялись скрытыми крючками, подвязками, узлами тесьмы и даже карабинами. Ткань слоев юбки могла несколько различаться, но неизменно была прекрасного качества и в руках Сказочницы, уверенно перебирающей подол за подолом, иные слои казались тоньше паутины. Вышивка украшала подол каждой юбки спереди, сужаясь и пропадая совсем к бокам, начинаясь примерно на пядь выше края ткани и в самом широком месте доходя до середины лодыжки.

- Есть несколько сказок про лес и довольно много про конец мира и Бога. — Она продолжила говорить, отыскав нужную юбку. - Сказка с сыном лягушки не про лес, а про джунгли, и не очень похожа на истории о Предреченной. Ну, я так не чувствую. — Она заложила складку юбки и, чуть нахмутив лоб, прочитала. — Вот здесь змея и какой-то фелл ищут детей и страдают из-за китов и обезьян. В конце упоминается, ну, конец. — Она покраснела. — Мира, в смысле. Киты, как я поняла, это наши гигантские кэльпи, а вот почему важны обезьяны — не знаю, может имеются в виду лерассы, у вас есть лерассы, похожие на обезьян?

- У нас не видел, но могу уточнить про земли на западе земель нимов. Знаешь, как выглядит фелл?

- На самом деле, примерно как я, только мужчина.

- А можешь про змею подробнее рассказать?

- Ну, я вижу гигантскую черную змею, немного красноватую.

- Гигантскую это какой длины?

- Метров шесть, я думаю. Может больше.

- А в цветах уверена? — спросил Зэбор, дописывая "*11. Найти детей?*"

- Да. О, и кстати, обезьяны были в джунглях, тех что из сказки про сына лягушки.

- Что ж, понятно. Обезьяны. А как ищут этих детей?

- Там есть такая книга, в которой все сказано, и один из них взял и нашел. Очень удобно, хоть я и не поняла, откуда эта книга взялась. Но это тоже наверняка что-то значит.

- Может быть. Похоже на башни Сеадетта, но сначала я задам вопрос нашим, это же тоже как книга, может какой-то ребенок и отыщется. Что еще?

- В этой все. Но вот есть еще одна. Тут чернильная собака, часовщик, человек с

деморгом совы, девушка и еще какой-то король разбираются, что произошло с клоуном.

- С кем?

- С клоуном. Эти такие особенные люди, про одного из таких тоже есть сказка — ходят с размалеванным лицом, постоянно смеются, падают, вроде того.

- Слушай, не похоже, чтобы все это имело к нам хоть какое-то отношение. — про себя он отметил, что про клоуна и часовщика нужно передать дальше, и вероятно может понадобится помощь Ллойта, обращающегося в сову. Но кто в этом перечислении он, а кто Ашганар?

- Ну, в обеих есть конец света, так что, может быть, это то, чем я могу помочь. Вот что я подумала...

- Постой, в этом нет смысла. Сын лягушки, башни, часовщик, обезьяны. Когда я прочел это, все уже перевернулось, но тебе удастся запутать еще больше. — Он потер лицо руками и устался на письмо. — Ладно, похоже, мы все еще не замечаем чего-то важного. Придется работать с тем, что есть. Хотя погоди. — Его взгляд зацепился за одну из последних строчек. — Тут написано, что я из твоей сказки. — Он взглянул на Сказочницу, та молчала, а ее и без того тонкие губы сжались в тонкую полоску. — Ты сразу переменила отношение, говоришь вот со мной, хотя тебе по профессии не положено, выкладываешь свою историю и хочешь помочь. И ты не говорила, что такое "из твоей сказки".

- Понимаешь, это все идея Глэна. Он говорит, может быть, сказки это не просто окна в другие миры, а реальные описания событий неочевидных, но имеющих место в нашем мире. Он говорит, возможно, все что в них имеет свои образные, вроде так, значения, и мое дело быть для нашего мира линзой, то есть стеклом, но все же исказить истории. В общем, может быть в этих сказках персонажи и не персонажи вовсе, а, не знаю, что-то вроде концентрации иначе не доступных сил стихий, например, а может и боги так говорят через меня. В общем, я вышиваю все что приходит на ум после сказки, вспоминаю как могу детали, и Глэн про все это рассуждает, причем довольно складно. Думаю, тебе лучше поговорить с ним на счет того, что такое "из моей сказки", потому что я правда запуталась и уже ничего не понимаю. Хочу сказать, эти слова для меня значат, что ты тут не просто так и явно, эх, очень важен.

Зэбор кивнул и сказал: "Что ж, подытожим." Он взглянул на свой список, добавил пару отметок, и начал рассуждать вслух:

- Мы знаем, что последние лет двести или триста в Сеадетте говорят о Предначертаной. У нее или него будут все силы и возможности, считается, что можно ждать конца мира. И есть некая Нарилия, о силе которой идет молва достаточно, чтобы ее обсуждали в небольшом торговом городе на юге Архипелага, и которую называют Предначертанной. Далее у нас есть письмо, подписанное Нарилией, сестрой Бога. Но мы не знаем, написано ли оно Предначертанной, потому что нельзя проверить из-за отсутствия образца почерка или хоть какой-то уникальной информации.

- Стой, такая информация есть.

- И какая же?

- Просто поверь мне, пожалуйста. Я читала письмо внимательно, как и ты, и оно точно написано кем-то всезнающим.

- Слушай, перечисленные факты можно было узнать путем простых проверок. Достаточно смотреть и слушать, а не игнорировать то, что вокруг, и информация будет исчерпывающей. А если еще и самому вопросы задавать, можно и не таких результатов достичь. Я переубедил тебя? Если нет, скажи, как есть, что ты видишь. Я буду молчать.

- Никто не знал, что я считаю персонажей своих сказок реальными людьми. Впрочем, моя наставница знала, что я чувствую себя собственным персонажем, но она убедила меня молчать об этом. Но я никогда и никому не говорила, что вижу в этих, ну, окнах, других реальных людей. А здесь сказано — ты из моих сказок.

- Постой, сказки реальны? Но сколько мы не сравнивали, твои истории не описывают историю мира достоверно. А что я из твоих сказок, это что значит?

— То и значит, — ее голос дрогнул.

— Так хочешь сказать, ты знаешь мою историю? — Предположение стало правдивым, стоило до него додуматься. — Так вот оно что! Ты знаешь, что со мной будет?

- Да, я думаю, что знаю. Все довольно туманно, но я почти уверена. И, пока не начал спрашивать — ты не должен знать саму историю. Держись рядом, а я направлю тебя, где будет нужно.

- Погоди. — Здравому смысла перед такими перспективами Зэбору хватало лишь с очень большими допущениями. — Если толмачи объясняют смысл того, что ты сказала, значит они говорили тебе и смысл моей истории, значит в тайну посвящены три человека, значит это не тайна уже вовсе.

- Они не знают. Это мое толкование.

- Значит оно может быть неверным — ты не до конца понимаешь, что чувствуешь и говоришь, иначе тебе не были бы нужны толмачи. Потому что если их можно исключить, то зачем они говорят за тебя?

- Ах я не понимаю! — вскинулась Сказочница. — Может я и не знаю многих вещей, но это говорю твердо. Поверь мне, вот и все. — Радужный взгляд встретил янтарный, они недолго боролись, а затем:

- Хорошо, письмо подлинное. Тогда мы знаем, что всеильная Нарилия, называющая себя сестрой Бога, которая как-то может предопределять события и не хочет, чтобы на нее, цитируя дословно, вешали дела, в союзе с кем-то еще или в одиночку не смогла пробудить столп огня и хочет, чтобы группа лиц — ты и я, или я и еще кто-то — помогли Лесу. Вызывает вопросы, что именно она имеет в виду — должны ли мы пробудить Рощу, или можем как-то вернуть столп огня, или может быть речь о возвращении всей древней цивилизации леса. — В горле пересохла, и он продолжил, старательно контролируя голос, чтобы тот не дрожал. — Что ж, это решаемо, созвать праздник, попробовать еще раз. Могу заняться, но перед этим наверное нужно что-то узнать от тебя или еще как-то включить тебя в спасение Леса, в таком случае нужно сначала решить эту задачу, а уже затем собирать праздник. Что меня сейчас смущает, так это понимание леса — что Нарилия хотела сказать?

- Может нужно прочитать мертвые деревья?

- Исключено, их невозможно прочитать. Язык деревьев, он... — Зэбор задумался и поскреб бусину, подыскивая пример. — Как твоя вышивка на юбках, странная и малопонятная, но, если ее убрать, сказки не останутся, будет только тряпка.

- Ну, не только. Будут дырочки от иголки, след узора. Все не может быть так просто. Знаешь, я начинаю думать, что нужно найти ее и поговорить с ней лично. После этого письма с его стилем и этим, хм, переключением ответственности, думаю, мы имеем право узнать больше. Хотя бы потому, что с дырочками от иголочек или такими туманными описаниями мы не сможем помочь.

- Хорошо, мне нравится такой первый шаг. Вот она пишет, где будет. Горы звучит размыто, Сеадетт — ты можешь попасть в столицу?

- Да. Я бывала в каждой башне.
- Тогда можно попробовать встретиться там с нею.
- В ближайшие дни? Трудно представить, но можно попытаться.
- Ты права, это же краткосрочные планы, наверняка уже не успеваем. Она пишет о какой-то презентации, знаешь, что это?
- Выступление или доклад.
- Понятно. Может, это будет не быстро. Предположим, что мы можем успеть. Я спрошу, когда повстречаю лерасса, выступала ли уже Нарилия с презентацией.
- Можно быстрее, Глэн может уточнить у моего отца. Тот наверняка знает.
- Нет, никто не должен знать, мы же договаривались.
- Хорошо. Тогда через своих. — Аштанар просмотрела письмо. — Есть еще город на реке.
- Тоже не конкретно. Все города такие.
- Вообще-то, есть один, который находится прямо в реке. Стебиндес, кажется. Он расположен на острове, посреди реки, очень кстати красиво, бывала там пару раз. Можем попробовать встретить ее там.

Зэбор развернул карту. Город Стебиндес на ней был обозначен прямо на ниточке реки, и до него, судя по расстоянию, была всего-то пара дней пути.

— Что ж, предлагаю выдвигаться на рассвете.

Аштанар помедлила и кивнула.

— Хорошо. Как мы встретимся?

— Я встану на ночь неподалеку, буду ждать в паре километров на юг от города, в стороне от дороги.

— Не останешься с нами?

— Не хочу привлекать внимание.

— Хорошо, встретимся на дороге на юг. У нас повозка.

Зэбор собрался идти, но Аштанар остановила его:

— Послушай, я, ну, я говорила с тобой. То есть, говорила вслух. Я теперь должна рассказать тебе сказку, это как бы традиция. Так что подожди пожалуйста. После я буду только писать, или могу кивать и все такое. Так что, больше ничего не хочешь обсудить?

— Вроде нет, я буду завтра двигаться с вами и связаться со своими, а дальше попробуем найти Нарилию.

— Понятно. — Сказала Аштанар, расплетая волосы. — Тогда у меня последний вопрос — а как тебя зовут то?

— Эзоберием Салмели Отрофон Кессей.

— Ой.

— Ничего сложного, имена лесных магов все одинаковые. Внутреннее имя для племени, его я не сказал. Внешнее имя, Эзоберием, для других народов и когда обсуждают. Салмели это имя рода. Кто такие Отрофон-Кессей ты и без меня знаешь. — Зэбор улыбнулся. — Приятно познакомиться, Астонор. Ты можешь звать меня Эзоберием.

— Хорошо, Эзоберием. Пожалуйста, зови меня все же Аштанар. Я очень рада знакомству. Итак, далеко и однажды...

Повозка тряслась по дороге, двигаясь куда быстрее привычного.

— Ох и попали мы в историю, госпожа. Нет, если так нужно ехать за этим вот лесовиком, то и пожалуйста, но почему тогда он не может к нам присоединиться хотя бы, вот этого не пойму. Хотите, я приглашу его. — Аштанар кивнула и я вылезла из повозки.

Дикарь шел впереди, и стоило немалых усилий догнать его.

— Эй, подожди! Эзобериен, послушай меня!

Лесовик обернулся и уставился своими жуткими желтыми глазами:

— Что-то случилось?

— Нет, ничего, — Поспешила успокоить я, — Нас кстати не представили. Меня зовут Магуи, я служу госпоже Аштанар и учусь толковать для нее.

Эзобериен кивнул.

— А тебя же зовут Эзобериен, правильно? Я прежде не общалась с Отрофон-Кессеями, но слышала, что вы тоже знаете много сказок?

Он пожал плечами.

— Все это так интересно, что за удивительное совпадение! Мы хотели спросить, может быть ты хочешь поговорить, ведь у нас столько общего? К примеру, может быть ты устал идти и хочешь присоединиться к нам в повозке? Мой наставник, толкователь Глэн, очень хочет познакомиться с тобой, и, признаться, я тоже. — Я очень старалась быть мила, хоть дикарь и пугал одним своим видом. Пусть он страшный и совсем не вежливый, но он отчего-то важен госпоже, а значит нужно выказывать доброту и уважение.

— Не хочу. Мы и так движемся слишком медленно.

— Но быстрее нельзя, лошади и так устают!

— Так пусть ваш балыт пройдет, — пожал плечами Эзобериен.

Я представила, как передаю эти слова, и задохнулась от возмущения. Разумеется мне совсем не понравилась идея срочно ехать куда-то неизвестно за чем в компании незнакомого лесовика. Что до Яна Чельдо, тот весь вечер крошил лед, рассуждая о коварстве кочевых магов леса и импульсивности Аштанар. Он бы и продолжал, но та написала ему помолчать.

— Если тебе так нужно, чтобы Ян шел пешком, стоит хотя бы потрудиться рассказать, куда мы так спешим. — фыркнула я.

— Я бы сказал, если бы вам следовало это знать.

Поблагодарив за разговор, я не нашла сил продолжить его и поспешила назад. Вне себя от ярости, я вернулась в повозку и сказала:

— Твой Эзобериен ужасный, мрачный тип и совершенно не знает манер. Мало того, что он отказался, хотя я была предельно вежлива и аккуратна, так еще и не поздоровался, не представился и не поблагодарил. Топают себе по дороге, и плевать на всех хотел. — Испугавшись своих слов, я взглянула на свою госпожу, но та, кажется, не обиделась. Все же я решила держать мысли при себе и молчала, в отличие от Глэна.

Глэну было недостаточно тех скурых сведений, что Аштанар дала нам, и он стал пространно распространяться о том, что хоть следопыт пока что ничем не заслужил всеобщего недоверия и не проявлял себя сколь-нибудь враждебно, все же этого недостаточно, чтобы безропотно нестись за ним, собирая каждую ухабину и загоняя

лошадей. Ян слушал его и кивал с очень мрачным видом. У меня так и не повернулся язык передать, что ему Эзобериен вообще сказал идти пешком. Аштанар пожимала плечами, отворачивалась, выглядела мрачной и угрюмой. Нужно было что-то делать, пока Глэн не разозлил ее. Я заговорила:

— Госпожа, может быть ты можешь хотя бы намекнуть, что за общее дело у вас с лесовиком. Или может мы сами зададим вопросы и догадаемся, что скажешь, так можно?

Астонор пожала плечами. Значит, на эту тему она хотела отвечать и я задала вопрос, который возник, когда я пристальнее рассмотрела Эзобериена. При всей мрачности и пугающем облике, он был красив собой.

— Неужели тебе нравится этот дикарь?

Астонор пожала плечами

— Магуи, я думаю, ты не там ищешь. Посуди сама, у лесных есть их язык и легенды, наверное он вчера предложил записать сказки в Отрофонеке. — поддержал разговор Глэн.

— О, это было бы замечательно. Это так, госпожа? Дело в том, что это сюрприз?

Астонор вздохнула. Теперь-то понятно, почему Эзобериен не хотел говорить. Город-дерево большая тема для Отрофон-Кессеев, понятно, почему он избегает разговоров. Да и находиться рядом с Яном, когда тот наряжен как балет, Эзобериен попросту боялся. Наверное он думал, что Ян увидит что-нибудь лишнее и донесет другим магам земли.

Словно камень упал с моих плеч. Ян никогда не стал бы вредить Лесу, тем более что Эзобериен был важен для нашей госпожи Аштанар. А это значит, что проблема решится, как только дикарь узнает, что мы не злодеи. Осталось только переубедить его. Я улыбнулась, показывая, что рада перестать волноваться:

— Какая честь, госпожа! Знаете, я всегда хотела увидеть это их дерево. Говорят, оно внутри как целый город, и все стены в записях, неужели мы увидим все своими глазами?

Аштанар взглянула на меня неожиданно грозно. Наверное, она ожидала, что мы не догадаемся, и не хотела даже слышать разговоров на эту тему. Все же, я видела, что Глэна и Чельдо также устроило такое толкование. Мы говорили на другие темы до самого привала. Я спросила, хочет ли госпожа что-то передать Эзобериену, она кивнула и начертила записку на общем языке с предложением обсудить, как нам путешествовать дальше. Я подсмотрела, в записке еще был вопрос, что она может сказать своим спутникам о цели нашей поездки.

Я отнесла записку Эзобериену, который остановился отдельно от нас и сосредоточенно что-то жевал. Он прочитал текст, перевернул лист и посмотрел на обратную сторону. Я улыбалась и ждала, пока он прожует. Он сказал:

— На юго-запад и ничего.

— Извините меня, что вы сказали?

— Я сказал, передай Аштанар: на юго-запад и ничего.

Я передала его слова и Глэн обреченно вздохнул. Все надежды на то, что мы поняли цель визита, рухнули. Отрофонек был на юго-востоке. Мы продолжили путь. Опасаясь новой волны возмущения, я спросила:

— Госпожа, но на юго-востоке только земли нимов. Что нам делать там с лесовиком? Ладно мы с Глэном, но Чельдо снова привлечет лишнее внимание, да и вам нельзя будет просто так покидать повозку. — Она молчала. — Аштанар, намекни пожалуйста хоть как-нибудь.

Не дождавшись ответа Аштанар, мне ответил за нее Глэн:

— Ты всегда задаешь столько вопросов, а между тем учишься на толкователя. Истолкуй

Эзобериена, как если бы он был сказкой. Этот Эзобериен, он кто такой?

— Ну, он лесовик. — Я начала рассуждать. — Только необычный, по наряду ясно, что лесовик, но вот именно таких я только на празднике Пробуждения Леса видела. Как понимаю, он из того племени, что живет у Роши Старейшин. Но непонятно, почему он так далеко от своих земель. Впрочем очевидно, раз он идет с нами и зашел так далеко от своих земель, что он искал сказочницу. Но ему не нужно было просто говорить о сказках, иначе он бы уже это сделал, ему нужно, чтобы сказочница оказалась где-то еще. Не у Отрофонека, как мы теперь знаем. И направляемся мы в земли нимов. И сам он ним, хоть и выглядит как лесовик. Он считает, что сказки зачем-то нужны нимама?

— Так, а теперь собери все это в одну мысль. Кто такой Эзобериен?

— Он ним из лесного племени, который хочет, чтобы мы толковали сказки для нимов. Может быть, он предает свое племя?

Аштанар высунулась из двери повозки. Я успела заметить ее разгневанное лицо. Что я наделала! Мы надоели ей? Или мои догадки оказались слишком близки к правде? Глэн тоже выглядел встревоженным. В любом случае, эту тему развивать больше не следовало.

Госпоже наверное было плохо, я тронула ее за рукав и позвала:

— Извини, пожалуйста, я переусердствовала с заданием. Я волнуюсь за тебя, вот и болтаю всякое.

Аштанар забралась обратно и благодарно посмотрела на меня. Нужно было как-то еще показать, что мы заботимся о ней и поддержим, даже если ее затея нам не по душе.

— Госпожа, я верю, что дело важное и ты знаешь, что делаешь. Что думаешь, может отвлечемся и немного потолкуем какие-нибудь из старых юбок? — Сказал Глэн. Кажется, он думал так же, как я.

Аштанар кивнула и мы достали из сундука юбки прежних сказочниц. Толковать их был труд неблагодарный, многие узоры недоступны для понимания, поскольку у сказочниц не было общего алфавита, они лишь шили быстро и так, чтобы сами потом могли вспомнить. Все же, это занятие всех успокоило и заняло нас до вечера.

Когда начало темнеть, мы собирались свернуть к постоялому двору, но Эзобериен позвал нас дальше. Мы ехали в надвигающейся темноте и сделали привал лишь глубокой ночью, сильно устав в дороге. Эзобериен давно спал, когда мы закончили ставить лагерь и готовить ужин. Я постелила нам с госпожой на сиденьях повозки, что обычно мы делали, только когда переходы приходились на дикую местность.

День был тревожным, и не удивительно, что сон мой был прерывистым. Проснувшись до рассвета, я обнаружила Чельдо также бодрствующим. Он сидел у тлеющего костра и напряженно всматривался во тьму. Дозоры были делом обычным, но в землях нимов, а мы еще были на территории Архипелага, где было безопасно.

Впрочем, его можно было понять. Мы были уже далеко от столпа Земли, и сюда могли забрести случайные нимы. Я решила выйти к Яну и, увидев меня, он сказал:

— Прилетала какая-то хищная птица и долго сидела рядом с Эзобериеном. Он что-то ей передал и птица улетела. Не нравится мне все это. Думаю, он поддерживает связь с племенем и нам стоит ждать засады.

Сон как рукой сняло. Я задумалась. Чтобы не волновать Яна еще больше, тем временем я налила травяной отвар из чайника, греющегося в углях, в две глиняные чашки, села рядом с Чельдо и передала ему напиток. Он с благодарностью принял чашку и начал пить, и я тоже сделала вид, что увлечена чаепитием. Правда в том, что я боялась Эзобериена и не знала,

говорить ли Яну, что тот советовал ему пойти пешком. Тогда это казалось безобидным, но если бы повозка оказалась без охраны, нас было бы проще схватить. Все же пугать балыта не хотелось, и я сказала:

— Если бы целью Эзобериена было заманить нас в ловушку, он все же побрезговал бы обратиться к нимам. Может быть, его соплеменники где-то впереди, но не здесь, они бы не смогли. Обещаю, я постараюсь расспросить его, скажу, что видела красивую птицу и интересно, зачем она прилетала. Но сейчас еще есть время. Мы пока что еще не покинули Архипелаг, лесные или нимы вряд ли нападут на нас тут. Ян, я уже выпалась и посижу здесь, разведу костер. А вот ты очень нужен нам отдохнувшим, пожалуйста, иди спать.

Это подействовало, Чельдо ушел. Я еще долго пила чай, смотрела, как светлеет небо и слушала мир. Аштанар как-то видит в нем новые сказки, в юности я пыталась понять, как у нее это получается, потом прекратила. Это дар, не иначе. Что-то вроде магии, только способность находить истории из неоткуда, странные и подробные, такие, что постаравшись в жизнь не придумаешь.

Если только этот лесник задумает обидеть госпожу, он об этом пожалеет. Стоит сообщить в Архипелаг, и к нам помчится помощь. Даже без этого, госпожу знают и любят по всему миру, нам повсюду найдутся защитники. Даже без этого, подумала я, лично вырву каждую косичку любому злодею, если хоть пальцем посмеет ее тронуть.

Заметив приступ ярости, я постаралась погасить его. Это только догадки, что лесовик может быть опасен. Да, Эзобериен отвратительный тип и ставит себя выше всех, хотя сам вчера с березы слез. Может дело в том, что он много горя пережил в Лесу. Может задумал чего. Но видят Девять, мы тоже не вчера встали на дорогу, как-нибудь разберемся с любыми невзгодами. И не с такими договаривались.

Впереди новый день, попробуем навести мосты иным путем. Все вместе — путешествие незнамо куда, неопределенная цель назначения, загадочный спутник — с самого начала пошли не туда. Однако это не повод опускать руки. Я начала готовить завтрак.

Этим утром Аштанар выглядела бодрой и довольной. Она раздала нам записки. В моей было написано так: “Этот дикарь, нравится он тебе или нет, очень важен для меня. Его зовут Эзобериен Салмели Отрофон Кессей, так что ты права, он живет у Роци Старейшин. Пожалуйста, постарайся тоже с ним подружиться.”

Прекрасно, значит она тоже считает, что договориться с Эзобериеном возможно. И что они друзья. Все-таки дело в том, что лесовик понравился нашей госпоже.

Я торжествующе посмотрела на Яна. Он выглядел мрачным. Украдкой он показал мне его записку: “Ян, мне нужно знать, на что способен этот ним. Вызови его на тренировочный поединок, только так, чтобы он не обиделся.”

И снова всю радость как рукой смысло. Госпожа хотела, чтобы мы дружили с Эзобериеном, и одновременно дрались с ним. Я задумалась, может быть все же стоит сказать Яну, что их неприязнь взаимна. Но все же не стоит, а то тренировочный поединок рискует перерасти в настоящий.

Во всяком случае сегодня будет, чем заняться и не придется весь день сидеть трястись в мрачном молчании.

Что бы ни было в записке Глэна, он начал действовать первым. Я еще обдумывала, как начать разговор, а он уже пошел к Эзобериену. Они говорили долго, мы собрали лагерь и выдвинулись. Я порой выглядывала посмотреть, как там дела. Глэн шел наравне с бодрой поступью дикаря, но было заметно, что дается ему это с трудом.

В повозку Глэн вернулся запыхавшийся и расстроенный.

— Может я и ошибался, госпожа. Надо подумать.

Аштанар написала записку, я подсмотрела. “Что он сказал тебе?” — было сказано в ней.

— Что истории должны храниться вместе с толкованием и быть доступны для всех желающих. Вы хотите составить сборник сказок для нимов? Госпожа, я не думаю, что хочу в этом участвовать.

Я удивилась. Кое-где записывали сказки Аштанар, но чтобы передать их дальше, и до сих пор мы не соглашались составить текст. Считалось, что сказки должна рассказывать только сама Сказочница, а толмачи знать их смысл. Но если моя госпожа считает, что время поступить иначе, может быть, оно и к лучшему? В любом случае, если это действительно их цель и Эзобериен как-то в этом участвует, это хороший предлог для начала дружбы. Я пока сама не знала, как отношусь к этой задумке, но расспрашивать на этот счет Аштанар после вчерашнего не рискнула. В отличие от нас, она не могла говорить просто так и даже просто подойти к Эзобериену не могла. Потому и поручила мне подружиться с ним за нее. Я уверенно улыбнулась спутникам, чтобы никому и в голову не пришло, что я не знаю, что делаю, и вышла из повозки. Придется говорить на ходу, но на какое-то время меня хватит.

— Эзобериен! Мы можем поговорить? — Он немного задержался, дожидаясь меня. Уже что-то.

— Тоже будешь про сказки расспрашивать?

— Не совсем. А что, вы с Глэном говорили о сказках?

— Да. Он рассказал, чем вы трое занимаетесь.

— А ты не знал?

— Ну, что-то я слышал. На ее выступлении. Интересные истории.

— Да, и сама она удивительная. А где ты был на выступлении Сказочницы? На празднике Пробуждения Леса?

Он кивнул.

— Так я тоже там была, просто тогда еще не толковала. Видела там лерассов, такие красивые. Кстати мне кажется, я видела одного утром, мне не показалось?

— Нет, говорю с племенем через сокола.

— Как здорово! А зачем?

— Это не твое дело.

— Еще как мое, мне страшно. — Я подумала, что это звучит обидно, и добавила. — И еще интересно, как это происходит, ты с ним говоришь или читаешь его перышки? Можешь этому научить?

— Нет. — Это прозвучало как-то печально и горько. Я поспешила перевести разговор.

— Ну и не страшно, это дело твое. Только может быть все же расскажешь, что ты такое им передаешь? Чельдо волнуется, да и мне ужас как интересно, как вы живете.

— Я буду делать это, что бы вы на этот счет не думали.

Я не нашлась, что ответить, и какое-то время мы шли молча.

— Магуи, вот ты доверяешь Яну?

— Да, конечно.

— А ты знаешь, что это феллы и бальты сожгли мой дом?

— Ну, да, но Ян, он... — Эзобериен снова заговорил, и я поспешила замолкнуть.

— Вот мы идем по дороге, бальтской дороге. Ты наверное думаешь, как удобно, камень, не развозит и такой ровный. А лошади об него ноги разбивают. Да что лошади, знаешь, как

бальты умеют этими дорогами распорядиться? — Я собиралась ответить, но, похоже, это был риторический вопрос. — Вы знаете историю моего народа, и все равно совершаете ту же ошибку. Посмотри, вот на обочине растет дерево. Оно живое, красивое, может цвести и приносить плоды. Ты что, хочешь, чтобы оно однажды сгорело? Сегодня Архипелаг открывает двери бальтам, приглашает строить города, а завтра на вашем пороге будет армия. А защищаться будет нечем, я видел город Рин, земли там больше, чем воды.

— Не знаю, почему бальты помогли выстроить город Рин, но не думаю, что они смогут что-то сделать водным магам на островах. — Не удержалась и перебила я. — Но что я могу об этом знать? Я не маг и давно не живу на Архипелаге.

— Ты тоже не маг?

— Да, Эзобериен. — Меня озарила догадка, и я продолжила, — И мне тоже было тяжело жить с этим. У тебя в племени много нимов?

— Я один.

— Ох, мне так жаль. Тебе, наверное, очень тяжело пришлось в детстве? — Он молчал, но я не могла упустить точку соприкосновения и продолжила. — Мне повезло, я попала в услужение к госпоже Аштанар и отправилась путешествовать с ней еще до того, как меня признали нимом и выгнали.

— У нас не выгоняют.

— Точно, у вас же нет источника магии. Прости, если это прозвучит обидно для тебя, но я думаю, тебе очень повезло. На Архипелаге в семье нет ничего страшнее, чем узнать, что твой ребенок — ним. У нас все делают, чтобы развить понимание стихии. Есть школы, особые песни и танцы, даже аквапарк. Это, ну, такое место, там вода особая, в ней дышать можно.

— Да, мне про это рассказывали. — Он улыбнулся. — Я сначала направлялся на Архипелаг, читал про все это. Светящаяся подводная пещера, красиво.

— Да, это и правда невероятно прекрасно! Вода внутри теплая и сияющая. Повсюду разные течения, видно плохо и свет как будто смазанный, даже не знаю, как еще описать. — Я решила, что вот он, подходящий момент, и сказала что-то очень личное. — Когда я плавала там, казалось, что что-то чувствую и поняла стихию. Думала, что вот стала водным магом. Но каждый раз на берегу оказывалось, что это не так.

На его лице отразилось волнение.

— Я понимаю тебя. Лес говорит со всеми Отрофон-Кессеями, но не со мной.

— Ты поэтому режешь руки?

— Что? Нет. Это традиция.

— У других твоих соплеменников руки целы.

— Им не нужно, это я кроплю кровью, чтобы место слышало меня.

— Звучит ужасно.

— Традиция старая. Раньше мы много чего делали, что теперь перестали.

— Это что например?

— Сейчас Отрофон-Кессеи предупреждают нарушителей границ, прежде чем напасть. Раньше сразу нападали. Удобно, сам так делаю.

— Что, вообще не предупреждая?

— А смысл. Лес мне не поможет, а задержать пришельцев нужно.

— Ясно. Хорошо, что не встретила с тобой на границе. Но это не слишком ужасная традиция.

— Знаешь, сразу после Раскола, мы тоже воровали детей.

— Ты серьезно? — с людьми из таких культур нужно было переспрашивать, могли и шутить. — Так это правда, то что про вас рассказывают?

— Мы перестали, к нам детей люди сами приводят с тех пор, как Праздник начался. Или бывает, что дети сами приходят, если поздно магия открылась.

— Но кто-то ворует?

Он не ответил.

— Знаешь, не хочешь говорить, тогда и не надо. Не страшно. Знаешь, я теперь думаю, что мы едем к нимам, чтобы сборник сказок составить.

— Может, она того и хотела. — немедленно откликнулся Эзобериен.

— Что? — переспросила я.

Он снова замолчал. Я начала уставать от быстрой ходьбы, так что решила, что с меня хватит. Как бы там ни было, разговор складывался неожиданно хорошо. Я вежливо попрощалась и собралась было уходить, когда поняла, что еще нужно обязательно сказать:

— Эзобериен, ты может быть не понял, Ян Чельдо тоже с Архипелага. Не поверишь, не однажды он и меня так же поймал, могу понять, почему он теперь тебе не нравится. Но он не балет, как ты мог подумать. И знаешь, он любит тренировочные поединки. Может быть вызовет тебя на такой. Ты только не пугайся, там все понарошку.

— Понятно. Я учту это.

Я развернулась уходить, но он добавил:

— Ты первый ним, с которым я общаюсь. Спасибо, Магуи.

Я улыбнулась.

— Не первый. Аштанар тоже ним, и вы говорили вчера. О чем, кстати?

Он даже не разозлился. Улыбнулся как-то грустно и сказал:

— Ты не устала? Мы можем сделать привал.

— Да, спасибо. Кстати уже и обедать пора.

В повозку я вернулась в хорошем настроении и поспешила обрадовать спутников новостью о том, что нам кажется удалось найти общий язык и Эзобериен предлагает сделать привал. Эти вести вполне предсказуемо обрадовали всех присутствующих.

И все же на привале Эзобериен снова обосновался отдельно. Я замечала взгляды, которыми он обменивался с Яном. Последнему не составило труда догадаться, что я что-то такое рассказала Эзобериену про утреннюю записку.

Стоило нам пообедать и снова двинуться в путь, оставив дикаря в стороне, как я пересказала всем содержание нашей беседы.

— В общем-то ничего он мне не сказал по сути. Ян, я спросила про птицу. Он поддерживает связь с племенем через лерасса и будет это делать, что бы мы на этот счет не думали. Потом стал рассказывать, как Феллы с Бальтратом у него дом сожгли. Как будто я не знаю. И Ян, я сказала ему, что ты тоже с Архипелага, все равно молчит. — Ян кивнул. — Я все думаю, с чего бы ему так нам не доверять, мы-то его дом не разрушали. Но нет, не говорит. Спросила про руки, он мне таких традиций предков на рассказывал, там такой страх, теперь не пойму, как ночью спать. Он грубый и совсем дикий, не думаю, что он прежде покидал лес и вообще бывал в цивилизованном городе. Говорит, я первый ним, с которым он разговаривал. Ну, я сказала ему, что ты тоже ним. А про твою записку, госпожа... Может ты и хочешь дружить с ним, но я точно нет.

— Магуи, а про мою записку ты ему тоже сказала? — Спросил Чельдо.

— Не совсем. — Я замаялась, не зная, как сказать. — Я рассказала, что ты любишь поединки и можешь предложить ему один, и что это безопасно.

— Понятно. — Он взглянул на Аштанар. — Хорошо, что я повременил с поединком. Может быть вечером.

— Это какие там традиции? — спросил Глэн.

— Например знаете, почему у него такие руки изрезанные? А он каждый привал кровью деревья поливает. Или вот, если кто в их лес без спросу входит, они его подкарауливают и нападают неожиданно, а потом уже ведут переговоры. А еще, а еще они... — Я задумалась, а следует ли говорить, что слухи про детей правда, если по словам Эзобериена выходило, что они занимались этим лет так пятьсот назад.

Чельдо ухмыльнулся. Он хотел что-то сказать, но тут Эзобериен показался в окне и сказал:

— Мы нагоняем какой-то караван, приготовьтесь.

Три телеги везли груз драгоценных тканей и резного дерева. Караванщик был незнаком мне, но Чельдо быстро навел мосты и сообщил, что караван идет на юго-запад, как и мы. Караванщик также поделился с нами своими планами: он скоро встает лагерем, а на следующий день выдвинется лишь к обеду для короткого перехода, чтобы сделать привал в Малых Шифках, и оставить Русалочьи топи на следующий полный день пути. Рассказывая об этом, караванщик рассматривал нас. Похоже, он слышал про Сказочницу, поскольку пригласил нас остановиться в его лагере и прийти в шатер слушать музыку и пить вино, а может и рассказать что интересное.

— Могу его понять, ночевка на болоте — это отвратительно. — сказал Глэн. Я была полностью с ним согласна, как и Чельдо. Аштанар сомневалась. Она написала записку Эзобериену о щедром предложении караванщика и снова попросила меня отнести. Лесовик при приближении каравана скрылся в подлеске, но стоило отойти подальше от дороги, как он вышел мне навстречу.

— Эзобериен, этот караванщик, в общем, вот... — Я передала записку. Он прочитал.

— Ни в коем случае.

— Но почему? Госпожа очень устала, как и все мы.

— Повозка нас слишком задерживает. И так никуда не успеваем. — Он подпрыгнул и подтянулся на ветку, я едва успела заметить, как он исчезает в кронах деревьев. Все же я крикнула вдогонку:

— Эзобериен, скажи пожалуйста, куда мы не успеваем?

Ответа не последовало. Темнело, я с трудом выбралась к дороге. Села в повозку.

— Госпожа, твой дикарь считает, что если мы потратим вечер на отдых в шатре, то совсем никуда не успеем. Он отказался объяснять, что за срочность, и упрыгал от меня на дерево.

Спутники в недоумении воззрились на меня. Аштанар схватила пергамент и бросилась писать, и щеки ее пылали. “Раз нам нужно двигаться быстрее, продолжим путь одни. Заночуем в Русалочьих топях, если придется.” Чельдо закатил глаза. Глэн взвыл и пошел купить вина у караванщика. Я тоже вышла, зашла обратно в подлесок и прокричала о решении Аштанар. Эзобериен даже не потрудился ответить.

Я поняла, что он услышал лишь потому, что увидела, как он спрыгнул на дорогу и пошел вперед, поднимая пыль своими босоногими неустанными ногами. Я вернулась в повозку. Говорить не хотелось. Ян тоже молчал. Глэн весь вечер мрачно пил вино и смотрел в окно.

Может поэтому никто не попытался остановить Эзобериена до глубокой ночи и мы действительно заночевали в Русалочьих топях.

Ночевка на болоте оправдала ужасные ожидания. Комаров, больше похожих по шуму и размеру на стрекоз, было так много, что все время я провела в повозке, в которой мы тщательно заткнули все до последней щели и дырочки, не имея ни малейшего желания вылезать. И все равно покусали.

После болот, являвшихся границей материковой территории Архипелага, нам следовало переодеться для земель нимов. Так что утро я начала с того, что достала сундук. Для жителей Архипелага полагался наряд города Корен — местные одежды больше всего напоминали традиционные ай магов воды. Белая кожа Аштанар все же бросалась в глаза, но на это у нас была припасена история. Я помогла госпоже переодеться, затенила ее брови и ресницы, подготовила головной убор. Коренчанки носили платки, так что мы подобрали для волос Аштанар закрытую шапочку, какие носили в балтских окраинах. Их знали в городах нимов, но на всякий случай каждый из нас выучил историю, откуда у нас эта шапочка.

Нарядив госпожу, я оделась сама. В целях маскировки мой наряд был богаче, мы изображали в землях нимов, что Аштанар моя служанка, потому молчит и сидит в повозке. Глэн раскатал ковер и мы вышли из повозки, чтобы мужчины тоже могли переодеться. Ян уже снял монолит со спины, собрав из него гранитный клинок на случай самообороны. Для этого у него были припасены железные рукоять и ножны.

Пока мы ждали, я сходила посмотреть, как теперь выглядит Эзобериен. Дикарь щеголял все в том же гербарии.

— Эзобериен, ты не собираешься переодеться?

— Я не собираюсь показываться нима на глаза.

— Ясно. Мы собираемся заехать вечером в Ключинку, полагается проверить, что наряды не привлекают внимания и мы ничего не упустили.

— Ладно. Встречу вас за краем, что дальше по дороге.

- Что ж, — ухмыльнулся Глэн, когда я передала слова Эзобериена, — А мы останемся, может еще и с ночевкой. — У него еще было вино, и сегодня он начал пить прямо с утра. — Пусть сам ночует на дороге.

Аштанар кивнула. Похоже, ей тоже надоели комары.

- Рассматривай это как контакт цивилизаций, госпожа, — сказал Глэн.

Аштанар недоуменно посмотрела на него, но продолжил Ян:

— Не так часто доводится видеть коренного жителя чащи вне естественной, так сказать, среды обитания. — Он выглядел совершенно серьезным. — Прекрасный образец, в полном расцвете сил, спешите любоваться.

Я не могла поверить своим ушам. Это что, бунт? Что же, ну тогда...

- Эзобериену, похоже, вообще плевать на те неудобства, что встречаются по пути. — сказала я настолько удрученно, насколько умела. — В повозке он ехать не хочет, спит без палатки, ест что придется и к тому же руками. Госпожа, помилуйте, к чему все это?

Аштанар не реагировала.

- Не желаете расстелить вам постель под кустом? — Глэн уже порядком набрался. — О, или, раз уж мы остановимся в трактире — может постелить вам в конюшне? Я вот что скажу, если уж идти за ним, то какая разница — болото или лошадиное стойло? Ума не приложу. Но, если желаете дальше делить с ним все тяготы — мы вам и солому взобьем, и полог навесим. Правда же, Магуи? Думаю, тебе тоже не сильно нравится проводить время с

этим персонажем.

Аштанар приуныла, но не сопротивлялась, и я сказала:

- Госпожа, прости Глэну его тон, но он прав. Нам ни к лицу дикарские привычки, нельзя так ехать. Прошу, уважай если не нас, то хотя бы себя. Не для того твои сказки сердца людские равно в трактирах и во дворцах зажигают и слава по свету гремит. — С началом обучения порою в моих словах проступал ритм и интонации толкования. — Мы собирались попробовать выступить на Потоке, может добраться и до севера Архипелага, если не будем чувствовать себя совсем плохо. Даже Ян согласился, хоть ему и пришлось бы оставить нас в какой-то момент. Госпожа, там же Сэнку, я так ждала встречи! А теперь нас едят комары и нами помыкает этот дикарь. Пусть мы не знаем, зачем идем, но Аштанар, прошу тебя, оставь эту блажь. Если тебе с этим следопытом по пути — так у него своим привычки, а у нас свои, к чему так страдать, пусть себе идет как хочет, а в конце дороги встретимся.

- Точно! Пусть себе топает по болотам, пусть его жрут комары, пусть справляет нужду хоть в овраге, хоть в поле, а то и на дереве. А мы пойдем с караваном, будем по вечерам слушать их музыку, играть в кости, пить хорошее вино и спать на перинах. Что мы за ним увязались — это пережить можно, но такое, прости, скотское отношение я терпеть не намерен. — Аштанар ничего не писала, а лишь внимательно смотрела на толмачей, так что Глэн продолжил. — Нельзя, просто нельзя обращаться с нами так непочтительно.

Ее лицо отражало внутренние сомнения, но я не стала перебивать Глэна. Он умел быть убедителен.

- Восемь лет я берег тебя, госпожа, сразу, как познакомился с тобой. Это время Ян хранит тебя от диких зверей и недобрых людей, Магуи была твоей верной слугой и подругой в любом деле, а теперь я учу ее вдобавок быть твоим голосом для мира на выступлениях. Не в этом ли дело, госпожа? Ты чем-то обижена на нас?

Его предположение звучало ужасно, поразительно похоже на правду.

— Астонор, мы вроде бы обсуждали, что я могу быть толмачом, но если тебе не нравится и дело в этом, только намекни!

Аштанар испугано взглянула на меня, замотала головой и схватила меня за руки. Глэн смотрел, как она вцепилась в меня, и продолжил:

- И никогда, никогда мои девочки не отказывались от комфорта. Я то, прости, Поток, обманывался, думая, что ты, госпожа, щадишь мою старость, сама опекаешь и делаешь поблажки. Горе на мои седины, как я был не прав! Засыпая в тепле и на мягком ложе я наслаждался, думая, что служу словом, рукой и мыслью достойнейшей сказочнице со времен Алеки Даль. Сколько сказок ты вспомнила, господи! Одного взгляда на твои чистые, новые юбки мне достаточно, чтобы переполниться вдохновением и гордостью, да, гордостью, за судьбу, что свела нас, за великую честь. Остался бы ты на острове Нити — думаю я — учил бы детей музыкальной грамоте, и ничего кроме не видел, а здесь, взгляни, с такой сказочницей путь твой правилен и высок. С этой мыслью входил я в башню легенд, отстаивая тебя, госпожа. С этой же мыслью я начинаю богословные, философские диспуты, и побеждаю для славы твоей. Но отчего же я сплю на жесткой подстилке, почти что на земле, госпожа? За что мои старые суставы должна болеть, ответь, неужели дикарь знает такое слово, услышав которое, ты забыла про всякое уважение к своему старому и верному слуге?

Аштанар плакала. Я утешала ее, обнимала и гладила по голове. Всклипывая, она взяла перо, и быстрые неровные росчерки появились на пергаменте.

“Нет, нету такого слова, дядюшка! Однако если ты плохо переносишь дорогу, то езжай со скоростью, какая тебе нужна, в моей повозке, а я возьму одну из лошадей и поеду с Эзобериеном со скоростью, какая угодна ему.”

Какое-то время все потрясенно молчали.

— Госпожа, если все так важно и срочно, может все же расскажешь, что случилось? — попросила я, но она все так же не давала ответа.

В таких случаях мужчины начинали говорить про Аштанар в третьем лице, будто ее нет рядом.

— Как думаешь, она нас увольняет?

— Да нет же, пишет только, что поедет на лошади. Наверное, нам разрешено идти у стремени.

— Выбора нет, кто-то же должен расстилать ковер.

— Да уж, не похоже, чтобы дикарь стал этим заниматься.

Мы с Глэном переглянулись и он озвучил то, что пришло в голову нам обоим.

— Она не посмеет ступить на землю.

Сказочницам не разрешено наступать на землю. Считается, что этим путем все маги имеют связь с миром, и сказочницам не следует иметь такую связь, чтобы лучше различать отголоски сказок.

— Госпожа, ты уже нашла на десяток историй больше, чем все сказочницы с эпохи Раскола вместе взятые.

— Твое право уйти с дикарем, но если ты потеряешь связь со сказками сейчас, ты не сможешь обучить преемницу.

— Аштанар, это просто-напросто кощунство. Ты продолжатель древней профессии, в наших сундуках наследие долгих лет кропотливой работы. В конце концов, у тебя несомненный талант. Что сделал этот дикарь, что ты намерена ехать на лошади, рисковать всем ради этого...

— Да я ему шею намылю. — Хмуро заметил Ян.

— Госпожа, если ты оставишь нас, кто станет толковать сказки? Кто защитит тебя? Ты видела, без наших слов тебя попросту не поймут. Твой дар слишком особенный, вспомни, как публика остается в недоумении после каждой истории. Если твои слова не толковать достойно, подбирая полезный и поучающий смысл, сказки попросту пропадут. Ты витаешь там, в своих историях, тебе нет дела до мудрости, что таится в них — а сколько они могут сказать о дружбе, о выборе и пути, о гордости и о власти. Люди не поймут этого, если мы не растолкуем им.

Аштанар не реагировала. Как бы она не обиделась и все не испортила, сокрушалась я. Нет, нельзя было молчать.

— Госпожа, даже я уже выучила, что образы и персонажи из сказок живут глубоко внутри нас даже до того, как сказка будет услышана. Так мы их и чувствуем, потому что Поток уже даровал нам всех персонажей и все возможные события, но образы эти туманны и без сказки их не найти, не выстроить порядок. Госпожа, ты смотришь за пределы Потока, тебе нельзя самой погружаться в эти мысли, ты попусту потеряешь свои сказки.

Аштанар хмуро молчала до самой Ключинки, но хотя бы не пыталась оставить нас. Мы пошли внутрь таверны, она жестом показала, что переночует в повозке одна.

Мне дали отдельную комнату, и кровать была удобной, но выспаться не удалось. Я знала, что Ян и Глэн тоже не спят — говорят о своем, или безмолвно следят за повозкой.

Глэн учил, что все люди немного сказочники, во сне или в мире своих фантазий. Там нет истории, места или человека. Мы не чувствуем мира, а от того заменяем его образами, что дремлют внутри нас, и во сне, в фантазиях они становятся реальными.

Эти образы проявляются мимолетно, поднимаясь из глубины, оттуда, где все мы, не важно, нимы или маги, части одного Потока. Они всегда есть в нас, как мы есть в Потоке независимо от того, каков наш облик и мысли, стоим мы у истоков жизни или плутаем в пустыне.

Но лишь сказочницы грезят наяву. Видят образы и могут передавать людям. Некоторые, как Ашганар, видят такое, чего в нашем мире не бывает. Потому им нельзя ступать на землю. От этого они могут случайно проснуться.

Я думала. Она не станет. Или?..

Я сама не заметила, как заснула.

Утром я наскоро позавтракала и отнесла еду Ашганар. Моя госпожа была бледна, я видела, что даже намек на оттенок покинул ее кожу. И под глаза легли тени, похоже она тоже не выспалась ночью. Все молчали, пока повозка ехала по дороге на юг. Впереди показался Эзоберием. Ашганар написала, что хочет выйти.

Чельдо остановил повозку и расстелил перед ее дверцей ковер. Ашганар вышла из повозки и быстро пошла вперед.

Никто из нас не успевал подстелить ковер.

Я схватила ее за руку.

Эзоберием тут же оказался рядом. Подойдя ближе, он спросил, что за заминка у нас возникла.

- Не задавал бы ты пустых вопросов, лесовик. — проворчал Чельдо. — Видишь же, непросто все у нас, между прочим по твоей милости. Так иди своей дорогой дальше, а мы нагоним.

- Мой друг хочет сказать, что понадобится время, чтобы соблюсти некоторые условности. Более того, присутствие посторонних крайне нежелательно, так что, Эзоберием, если не затруднит, последуйте совету Чельдо и не ждите нас. — сказал Глэн.

- Мы идем этой дорогой вместе. Я хочу знать, сколько времени вам понадобится и как я могу помочь.

- Видишь ли, мой друг уже не молод и нуждается в некотором уровне комфорта. Ему дурно, и мы пытаемся понять, как соблюсти твои высокие стандарты скорости. — честно попытался разрешить ситуацию Ян.

- Именно так, — Вмешался Глэн, — У меня ужасные боли, но мы не смеем даже и помыслить о том, чтобы хоть на день замедлить вас или нашу госпожу.

Астонор состроила им страшные глаза, но заметил это, кроме меня, похоже, только Эзоберием. И похоже только я заметила, как он подобрался. Может потому, что уже видела, как он прыгает с места на дерево. Он сказал:

- Астонор, нам правда следует поторопиться. Я преодолел бы это расстояние за два дня, мы уже едем три. Глэн нас задерживает, — сказано было с вопросительной интонацией, и Ашганар кивнула, — Пусть едет сзади, а мы пойдем вперед. Если ускоримся, доберемся хотя бы сегодня.

- И речи быть не может! — вскинулся Чельдо, — Глэн и Магуи не должны ехать одни, это может быть не безопасно.

Я увидела, как напугала Глэна перспектива одинокой поездки по землям нимов, как он

поблел, как умоляюще взглянул на Чельдо.

- Я говорю про нас с Астонор. Ты оставайся, балът. — ответил Эзоберием. Он перевел взгляд на меня. — Ты не удержишь ее. Отпусти руку, и раз вы не успеваете, мы пойдем одни.

- Что? Да как я ее отпущу одну? А если случится что? Да и с чего я тебе должен доверять? — Чельдо аж подскочил, он захлебывался словами, — От чего ты решил, песий выкормыш, что можешь тут распорядиться? Или задумал чего дурное, и только и ждешь, когда госпожа без присмотра останется? Зря мы ввязались во всю эту поездку, госпожа наша мала еще, доверилась тебе, мерзавцу. Вот что было в тебя на уме, разделить нас!

Эзоберием прыгнул раньше, чем Чельдо договорил.

С места, вперед по-звериному, он одним прыжком покрыл разделявшие его и Яна расстояние, обогнул снизу и справа, подсекая ноги и уворачиваясь от взмаха поднимающегося клинка, и как-то сам собой оказался на плечах Чельдо, обхватив ногами его шею и приставив лезвие ножа почти вплотную к правой глазнице. Я крикнула прежде, чем заметила, что нож приставлен тупой стороной. Но Чельдо, он этого не видел — разумеется, его глаз сразу закрылся.

- Не делайте резких движений, отпустите стихии. — Эзоберием немного развел колени, Чельдо охнул и разжал руки, раздался стук и плеск. Краем глаза я видела, как капает с поясного ку вода Глэна. Лесовик снова пошевелился и я увидела, как Чельдо, который, оказывается, все это время пытался вырваться, вдруг всхлипнул, натужно повел плечами и распрямился. — Может в обычные дни вы для Астонор и лучшие компаньоны, но сейчас времена последние. И так уж выходит, что защищать ее мне, а не вам. Так что оставьте ее и отправляйтесь следом, а мы поспешим.

Эзоберием убрал нож и, привстав на плечах балъта, спрыгнул-кувыркнулся на землю. Прокатившись, он подскочил на ноги, одновременно сместившись на шаг влево, будто ожидал ответного удара. Я видела, как Чельдо хотел его достать, как зашевелилась скала, и я видела, как он передумал.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, лесовик. Если бы ты хотел хорошего отношения, то сказал бы словами, а не намеками, как сейчас. Может ты и шустрый, пытаешься запугать нас, но каждый из нас скорее расстанется с жизнью, чем отдаст тебе Астонор.

— Да, балът, я быстрый. Я всю жизнь учился быть таким. Чтобы убивать балътов и феллов, если придется. Я быстрее оленя, ловчее обезьяны, внимательнее орла и свирепее волка.

— И все равно ты не уведешь Аштанар. — Хрипло сказала я. Сердце колотилось как бешеное. — А если она пойдет за тобой, мы везде будем сопровождать ее, потому что любим и не оставим одну.

Аштанар сжала мою руку, а я уже и забыла, что держу ее.

— Эзоберием, я не знаю, что делать. Я доверяю своим спутникам как себе, и я верю в то, что ты рассказал мне. Но без Глэна я не поняла бы, что там написано, а чем я отплатила ему? Тряской в повозке, ночевкой на болоте. О нет, у него и правда есть все права требовать комфорта, ох, и как же я не догадалась, что он уже немолод и походные условия ему не подходят. Эзоберием, я не выдала им твою тайну, но не могу идти с тобой, бросив их вот так, по середине дороги. Если ты позволишь, я...

— Тогда я сам. Но вы все должны пообещать, что никому не скажете об услышанном.

Это был хоть какой-то результат, и мы пообещали. Все мы были уроженцами Архипелага, Эзоберием должен был знать, что это означает.

— Тогда слушайте. Я не просто так ввалился к вам в окно. В тот вечер я обнаружил у себя письмо от Предначертанной. В нем говорилось обо мне и об Астонор. Мы с ней говорили весь вечер и решили, что письмо подлинное. Из него следует, что ваша госпожа может помочь пробудить Лес. Но еще из него следует, что Нарилия, так Предначертанная себя называет, отчего-то знает ее и меня. Так что сначала мы собираемся попытаться встретиться с ней в Стебиндесе.

Глэн выругался. Я разделяла его мысли, но промолчала. Ян сказал:

— Что еще за письмо? Хочу его увидеть.

— Тогда идем в эту вашу повозку. На это уйдет какое-то время, и в любом случае лучше мы проведем его в дороге.

Аштанар кивнула и мы стали забираться внутрь. Я расслышала, как Ян тихо произнес:

- Я вижу еще, что ты хитростью напал, а в честном противоборстве я бы тебя победил.

- Может и так, Чельдо, может и победил бы. — Улыбнулся дикарь. С той поры они часто дрались.

Когда повозка тронулась, Аштанар остановила Эзобериена, удержав его руку.

— Ты готов показать моим спутникам письмо, но я нет. Они не готовы, и просто поверь мне, если не понимаешь, о чем я говорю.

— Вы слышали ее.

Я подавила вздох разочарования. Глэн теребил бороду:

— И что теперь? Будете спасать мир?

Почему-то я захихикала. Аштанар тоже засмеялась, но замолчала под взглядом Эзобериена.

Все сказанное просто не умещалось в голове. Все слухи — правда? Предначертанная настоящая? В моем детстве на Архипелаге не говорили о ней, но мы слышали кое-что в столице, и это было больше похоже на вымысел, чем на правду. Последние дни начались слухи, что кое-где видели странную девушку, которая делала невозможные вещи, но что-то пока ее приход в мир не походил на явление великого божества, которое потрясет саму реальность.

Впрочем, все мы несомненно были потрясены.

— Можно хотя бы одним глазком? — Жалостливо спросил Глэн. Он обращался к Аштанар.

— Нет, я решила. Запрещено, совсем никак нельзя.

Эзобериен смотрел на нас во все глаза.

— Люди, да что с вами? Мир переворачивается, богиня считает, что мы знакомы и можем что-то сделать! Вы хоть понимаете, что происходит? Вот она, — он невежливо указал пальцем на сказочницу, — Явно знает больше, чем рассказывает в сказках. А ее вышивка, — Палец Эзобериена обличающе указал на подол наряда сказочницы так, будто на ней было платье для выступлений, — Очень похожа на круги и линии, какими мои соплеменники пытались показать мне язык природы. Вокруг вас буквально вершится мировая история! А вас смущают комары и кочки? Если не справляетесь, так отпустите ее! Думаете, я требую этого, только потому что ловкий? Вас четверо, да еще повозка. Мы сейчас на пути, от которого может зависеть судьба моего народа и всего мира. Стебиндес, Сеадетт, да хоть огненные земли — мы не знаем, куда он нас заведет и сколько продлится. Я знаю, как прятаться от превосходящего противника, мы пройдем куда угодно.

— Какой молодец. Пройдешь куда угодно. И что вы там будете делать? — возмутился

Ян Чельдо.

Эзобериен ошарашенно замолчал.

— Она говорить не может, а ты выглядишь, будто вчера с дерева слез. Хороши спасатели, ничего не скажешь. Скажем, придете вы в Стебиндес, а дальше что?

— Мы разведаем обстановку и найдем след Нарилии.

— Которая как-то умудряется быть сразу везде и оставлять письма даже за твоей бронебойной, ловкой как олень и свирепой как осел спиной? И как ты представляешь такую разведку? Как мы видели, ты ловкий. Но как ты потащишь за собой Аштанар? На закорках? Или ковер будешь катить перед ней?

— Я считаю, это лишнее.

— Дурень! Она просто не может ходить по земле, сказочницы так не делают! — Патетично воскликнул Глэн. — Со времен Алеки Даль по миру ходит только одна сказочница, она не ступает по земле и не говорит, если не расскажет слушающим после этого сказку. — За всей суматохой я только теперь вспомнила, что Аштанар говорила вслух и не рассказала сказку после этого. Но прервать разговор не решилась. — Шесть сотен лет жива традиция, а ты ждешь, что Аштанар предаст ее из-за какого-то письма?

— Вообще-то, я получил ответ от племени сегодня утром как раз на этот счет. Сказочницы замолчали четыреста лет назад. Расчесывать им волосы на выступлениях стали тогда же. По земле они не ходят лишь восемь поколений. Думаю, одна из твоих предшественниц попросту была капризная. — Эзобериен кивнул сам себе.

— Откуда вы это знаете?! — воскликнула я.

— Станный вопрос.

Никто из нас, увлеченных беседой, не смотрел на Аштанар. Вдруг она, воспользовавшись тем, что мы отвлеклись, открыла дверцу повозки и сделала шаг наружу прямо на ходу.

— Ой!

Эзобериен прыгнул следом. Когда мы вышли, он уже поднимал Аштанар с земли. Ее босые пятки стояли в траве, а платье испачкалось в пыли.

— Знаете, а я помнила, что мне с детства нравилось это ощущение.

— Аштанар! Только потому, что кто-то говорит...

— Отрофон-Кессеи хранят и собирают память мира, Глэн. Если кому и знать, то им.

— Госпожа, но выскакать на ходу из повозки...

— Тише-тише, я слушаю.

Все прислушались. Мы уехали далеко от Ключинки, вокруг не было ни души. Пели птицы. Квакнула лягушка. Аштанар прервала молчание:

— Не переживайте, они все еще здесь, со мной. Вы не обижайтесь, но я очень хочу пройтись.

На том вопрос был исчерпан. Эзобериен последовал за ней, мы отправились следом на повозке. Спорить не хотелось. Я глянула на Глэна. Он морщился от боли, но не ворчал. Да, может быть они и должны были спасти мир. Но тогда еще нужно было понять, как путешествовать быстро и удобно.

Шаг, и еще один.

Ничему ты не научился.

Шаг. Шаг. Шаг.

Неумеха.

Шаг, вниз по склону, не разбирая пути.

Не получится.

Стебиндес гудит как растревоженный улей. Тревога заставляет всех огрызаться, люди становились злее и тупее с каждым часом. Караван, отправленный на запад, не вернулся, и торговцы начали волнения. Крепость послала разведчиков, чтобы успокоить торговцев. Разведчики не вернулись, и крепость закрыли. В округе все чаще видят красные плащи инквизиторов, теперь и город закрыли. На въезд, не на выезд.

Клин думает. Ремесло целителя приносит хлеб и хороший кусок мяса поверх него. Мешая травы и сцеживая отвары для великой и всезнающей госпожи Фуксии он чувствует себя на своем месте. Что бы он не выстроил, отвары он варит качественные и полезные, а стало быть, приносит пользу человечеству, в конце то концов. Но как он будет приносить пользу человечеству, если Стебиндес захватят? Надо уходить.

Несомненно, лучше делать это сейчас, со всем реквизитом.

Но Фуксия намерена быть в крепости, смеется над Клином. Кто возьмет крепость на острове посреди реки.

Кто возьмет крепость на острове посреди реки?

Он смотрит на Фуксию, рыдающую у его шкафа с ингредиентами.

Все так хорошо начиналось.

Работать на Фуксию было легко. Она понравилась ему сразу, как познакомились.

Большой лиловый шатер, в нем дама с соболиными бровями, в невообразимой полосато-пернатой шляпе и с тонким мраморным мундштуком в руке. Перед дамой высокий табурет с бархатной подушкой. Дама, как гласит табличка при входе, рассказывает судьбу по форме стопы.

Под хищным взглядом дамы Клин разувается и ставит ногу на подушку.

Табурет высокий, стоять неудобно.

Это должно внушать неуверенность.

При этом табурет не шатается, это бы указало на бедность гадалки.

Превосходно.

Но почему входная плата такая дешевая?

Из углов струится ароматный дымок, дама закатывает глаза и с придыханием рассказывает Клину его судьбу.

“Вижу я, грядет тебе великое дело. Есть человек, которого хочешь увидеть...”

Клин показывает, что удивлен.

“Да, да, женщина, прекрасная, как цветок. Ты мечтаешь оказаться с ней, и скоро появится шанс. Ты увидишь, да, увидишь предзнаменование, не упusti его и...”

Он уважительно дослушал работу гадалки.

Очень красиво, но почему так дешево?

Он недаром работал над своим прославленным образом. Пара фраз, и Фуксия поняла, с

кем встретила. Она была наслышана о нем. Все знали, но не понимали, пока он сам не признавался. Они мило пообщались. Назначили встречу, которая прошла удовлетворительно и Клин остался на ночь.

Обсудить план съездили на озеро, заодно оба отдохнули.

Так Клин стал при ней целителем и зазывалой.

Почему бы не стать, если снабдить гороскопы реальной осязаемой пользой, можно зарабатывать неплохие деньги.

Клин не говорил вслух, что хотел быть полезным человечеству. Даже внутри себя гнал такую мысль. Предсказания — это деньги, и деньги неплохие. Обычный отвар от простуды, снабженный должной мистификацией гадалки, которая горит своим делом, способен творить чудеса и звонкие монеты.

Так что Клин достал припрятанный травник и организовал всю лавочку на двоих с Фуксией.

Они продержались полгода.

Теперь он слушал тревожное гудение города, и вспоминал полевой госпиталь, где познакомился с целительством. В нем тоже гудело.

Он попал туда как солдат, переодетый в форму союзного города.

На входном допросе однако выяснилось, что форма на нем скорее ученическая и в солдаты он не годится, но Клин не был готов доказывать обратное, демонстрируя свои сомнительные боевые навыки.

А вот что его заинтересовало, так это госпиталь. И симпатичная знахарка, которая в нем распоряжалась. Темное платье, стройная фигура и длинные темно-каштановые волосы, убранные в косу. Тонкие пальцы, ловко отмеряющие правильные доли трав. Красивые глаза, внимательно изучающие указания в травнике.

Разумеется, чтобы пробиться к ней, нужно было интересоваться знахарским делом. Три дня, и она уже обращалась с ним, как с доверенным учеником.

Клин усмехнулся своей мысли. Иногда он понимал причины своих поступков лишь потом.

Чтобы пробиться к знахарскому делу, нужно было заинтересовать симпатичную молодую леди. Три дня, и он уже пользовался всеми ее знаниями.

Из лагеря он сбежал, как только запахло жареным. Вот тогда Клин слышал, как весь лагерь тревожно гудел. Ожидание закончилось, прозвучал сигнал к наступлению. Все пошли, и Клин пошел. Только в противоположную сторону, прихватив травник.

Это было крайне неудобно. Уходить пришлось тайно, оставить многие ценные вещи, бросить знахарку, в конце то концов. Но иного пути он не желал. Он не выносил вида крови и открытых ран. То есть видеть мог, но ничего приятного с этим связано не было, и лечить что-то серьезнее несварений и ушибов ему не хотелось.

Вот только...

Крепость не военный лагерь, она не может сдвинуться с места. Она может только гудеть все громче, раздираемая тревогой. Будто карета, с грохотом несущаяся под откос.

Точно так же крепость не может наступать или отступать. Клин рассмеялся. Иногда он удивлялся очевидным мыслям, к которым приходил после долгих размышлений.

Нужно было бежать отсюда. Нужно было отступать из Стебиндеса совершенно точно и срочно. После того полевого госпиталя он уже хорошо различал эту тревогу, это гудение, слышал его не раз — на сцене и в подсобке, или как сейчас, за знахарским столом. Оно

означало одно: пора бежать, потому что вот-вот станет горячо. Так звучат люди, готовые рвать других на куски, и лучший способ избежать их гнева — это удрать до того, как тревога станет невыносимой.

Но он столько сделал за эти полгода. Фуксия из гадкого утенка превратилась в лебедя. Клин был к этому готов, она нет. Он не знал, что нужно готовить. В который раз он совершенно не понимал людей.

Лебедь еще чувствовал себя утенком, и Фуксия просто не могла, не хотела поверить, что ее бешеные деньги и слава сейчас не главное. Когда крепость гудит главное не то, что ее комендант почитает тебя за святую, а то, что при ее захвате инквизиторы перевернут все до последнего камушка.

Инквизиторы, которым отвратительны любые разговоры о магии.

Которых видели близ города, главы которого удивительно сильно стали верить одной гадалке.

Кто же возьмет крепость на острове посреди реки?

Ох.

Он может уйти в любой момент.

Клин сжимает мерную ложечку, просыпает чуть шиповника мимо стола.

Смотри, дура, я взволнован. Ты правда настолько слепая? Как тебе вообще удастся читать людей? Или ты не изображаешь эту истерику?

Клин давно понял, что некоторые люди действительно ощущают чувства, которые показывают. Но прежде он не замечал, чтобы это касалось лицедеев.

— Прекрати эти показные страдания, я говорю с тобой совершенно серьезно. Ну и что, что гарнизон большой. Да, ты раньше и не мечтала так подняться. Я тоже не хочу уходить. — Он смотрит в заплаканные опухшие глаза. Какой кошмар, ее необходимо успокоить, если кто-то увидит ее такой зареванной и жалкой, лопнет вся мистическая аура, которую они столько выстраивали. — Ты не видела войну. Настоящие ранения, понимаешь? — Она молчала, бестолково шмыгая носом. Клин улыбнулся, взял девушку на руки, усадил прямо на свой рабочий стол, не заботясь о склянках. Что-то тоскливо звякнуло, покотился пузырек. Клин придержал пузырек рукой, поднял и посмотрел на этикетку. Отвар, восстанавливающий силы. Подойдет. Налил в мерную чашу, протянул.

— Пей. Пей и слушай меня. *Когда город будут осаждать, всем будет плевать на твое колдовство. Нас приставят в госпиталь, лечить раненых. Ты хоть представить можешь, что такое лечить раненых на войне? Что же, слушай. Встаешь до рассвета, идешь в поле с парой солдат. Трава сияет от росы, ветки колются, и все как обычно, вот только за каждым поворотом опасность. Собираешь травы, потому что запасы кончились, и думаешь — убьют или пощадят?*

Приходишь, а там режут какого-нибудь офицера. Ему в бок стрела попала. Кровь, кишки, вонь. Беги сюда, говорят, держи печень. Бросаешь травы, стоишь, держишь. Спина затекает, ломит. Кровь везде — брызжет на руки, в лицо. В нос заливается, чешется страшно, а почесать нечем, в руках же печень. Стоишь хоть два часа, хоть целый день. А куда деваться, брюшина вскрыта, не станешь же в углу нос ковырять.

Но это если пациент лежит без чувств. А то вдобавок ор, крики, стоны. Знаешь, как кричат, когда режут по-живому? Такого в театре не услышать, даже при родах так не надрываются. Больному спирта дашь, а самому как, работать же надо.

И отдохнуть тебе никто не даст. Когда война, а ты медик, тебе просто негде дух

переводить. В другое время, когда ясно, что слишком тяжело, можешь уйти. Но с тонущего корабля тебе никуда уже не деться. И отступить просто нельзя, можно только спать, да и то урывками и под крики.

Понимаешь ты меня теперь?

Прекрасные глаза Фуксии расширены от ужаса. Она больше не плачет, но и не спешит паковать вещички.

Ух, ничего не понимаю.

Вот чего он не сказал? Или как-то не так? Ладно, попробуем с другой стороны.

Что же тебе еще такого рассказать, чтоб поняла наконец.

— Слушай, да всем плевать будет, умеешь ты врачевать или нет. Сначала приставят к раненым — с настоящими боевыми травмами, пойми ты наконец, тем, кто помрет, если не вылечишь. Вот тогда хирургам станет понятно, что ничего ты не умеешь. Они передадут дальше, и при любом раскладе, захватят крепость или нет, нам конец. Ну понимаешь ты меня?

Выслушиваю ответ, забираю травник и ухожу, хлопнув дверью. Она уже фаворитка коменданта, еще немного и никто не посмеет ставить ее в госпиталь. Безнадежно. Хватит с меня, плевать на полгода, умирать я здесь не собираюсь.

Она мне ничего не сделает. Даже если разозлится и постарается, сдать меня это раскрывать себя. Она просто не пойдет на это.

К демонам целительство, все это слишком скучно, уберусь подальше и начну заново. Новые знания, новая жизнь, новое лицо. Хватит отдыхать в тени. Третий раз Клин пробовал создавать образ какому-нибудь подающему надежды лицедею. Второй раз он делал это успешно. В этот раз он хотя бы не влюбился.

Ох, зачем он об этом вспомнил.

Люсия Карен была прекрасна. Она была просто таки совершенна — ладная и хрупкая, чертами как ребенок, при том, что детские годы ее давно миновали. Клину до сих пор неясно было, отчего он так увлекся ею — из-за чудесного личика или потому, что ее картины были действительно хороши.

А они были прекрасны. Клин помнил, как увидел эти полотна. Струящиеся мазки, богатство красок, нежные и захватывающие сюжеты. В тот раз у него были какие-то планы, но он тут же забыл о них, лишь увидев картины, выставленные прямо на улице, среди продуктовых лотков и старьевщиков.

Может он бы посмотрел и пошел дальше, но Люсия попыталась ему что-нибудь продать. Она была ужасна, когда говорила про свои работы. Опускала глаза, заикалась, краснела.

За всем этим Клин увидел девушку. И пропал.

Он добивался ее удивительно долго. И еще дольше готовил для нее роль. Побывал в богатых домах, послушал, что говорят о мазне, которая висит там на стенах. Пришел покупать дорогое полотно к именитому художнику и долго приценивался. Сделал еще десяток мелочей, спустив на реквизит половину накопленного.

Почти все, что он узнал, он мог рассказать и так. Но впервые за жизнь он чувствовал, что хочет действительно постараться. Это было как-то особенно приятно, он хотел дать то, что умел сам, другому. Действительно хотел.

Для себя он легко собирал образы, но Люсия заслуживала самую понятную, правильную и рабочую маску. Ее работы были хороши, но здесь их совсем не понимали, а она не умела

быть замеченной. Клину мог бы взять ее картины, выдать за свои и заработать. Но девушка ему действительно нравилась, и он ни на миг не пожалел о своем решении вывести на сцену ее, а не себя. Он уже знал, что людям не очевидно, как нужно играть ту или иную роль. И он разобрал гениального художника на составляющие, а затем собрал снова, уже для девушки. Отложив другие планы, он до последней детали прорабатывал образ, который должен прилагаться к красивым картинам. И скрупулезно учил Люсию, выстраивая роль, обтачивая ее, как произведение искусства.

Разумеется, Люсию ждал успех. Она привлекла внимание, ее прекрасные картины взлетели в цене, она вырвалась с улиц.

Тогда Клину стало неинтересно. Наваждение рассеялось, девушка уже не была пластичной глиной под его руками, ей были не нужны и не понятны новые облики, которые звали его.

При первой возможности Люсия уехала в другой город, сбежала как можно дальше от него. Постаралась забыть прошлое.

Клину отправился за ней. Он искал ту прекрасную девушку. Нашел Люсию, взглянул на нее, неузнанный. То, какой она предстала, оттолкнуло его. Люсия вела себя в полном соответствии с ролью, которую он создал для нее. Она не была уже никем, кроме созданной Клином роли.

Даже сейчас это было неприятно.

Как будто кто-то присваивает песню, которую ты написал. Впрочем, нет, не настолько.

Клину создал произведение искусства, роль Люсии была действительно безупречна. Можно было ждать, что она сработает. И не ее вина, что в собранной Клином роли не нашлось места для него самого.

Он попробовал еще раз с Фуксией. Сконструировал образ, оставив на этот раз место для себя. Помощник гадалки. Это давало ему свободу передвижения и участие в восхождении его нового достижения. Все же сейчас он не считал приключение с Люсией ошибкой.

В отличие от Фуксии.

Клину вздохнул своим мыслям и стал собирать реквизит. Пара полезных книг, травник, песенник, запас пергамента и чернил. Грим, фляга, флейта. Мешок с ролями. Зеркало. Кошелек.

Нужно еще заготовиться припасами, пригород наверняка всюду проверяют инквизиторы и в трактирах беспокойно, а жрать что придется не хотелось.

Кое-какую провизию можно захватить со склада, но много оттуда не вынести без привлечения к себе ненужного внимания. Пожалуй, стоит посетить рынок, если там сегодня кто-то стоит, и местные трактиры.

Он подхватил торбу на плечо и бегом осмотрел комнату. Вышел на улицу, одолеваемый печальными мыслями.

Все это ошибка. Да, они с Фуксией неплохо заработали. Он закончил историю безопасно и уходит до того, как начнутся проблемы. Но он чувствовал, что ошибся. Не достиг того, чего хотел. В самом начале, когда выбрал Фуксию, он ошибся. И не закончив историю сразу, потерял полгода. Сразу как понял, что с Люсией было хорошо, а с Фуксией нет. Он надеялся, что вот сейчас ему станет интересно собирать образ и учить роли, каждый миг ждал, что откроется дверь, станет как прежде. Может быть, он не мог не ошибиться? Как получилось так долго быть вдохновленным тогда, создавая образ Люсии?

Это было горько и даже немного обидно. Хорошо бы дело было в напарнице, а не в нем.

Можно проверить, попробовать снова. Теперь он точно знает, чего не хватало. Роль Фуксии была яркой, интересной и прекрасной, у нее был прекрасный потенциал подняться к богатству и славе. И так же, как до этого, ему было понятно, что сделать для достижения цели. Так же, как с Люсией он искренне старался для роли другого человека. Но с Люсией его вело вдохновение. Такого не было с ним с первых дней его безумной, странной жизни.

Клин седлал лошадь и вспоминал. Снова напрягал память, пытаясь вспомнить хоть что-то из детства. Вроде какие-то факты были: дом, детство где-то в глуши, бегство, приемная семья, школа. И все же, как он узнал когда-то, что-то с его детством было не так. Он не помнил ни одного лица, не узнавал места, в его жизни были только факты, без деталей.

До того, момента — Клину улыбнулся своим мыслям и вскочил в седло — до того момента, когда его жизнь действительно началась. Когда на него свалилась крыша палатки. Что бы ни было до этого — эта липкая от скопившейся на ней влаги, холодная серая ткань была первым, что Клину почувствовал и запомнил. Он накинул капюшон дорожного плаща — ткань этой палатки и сейчас была с ним.

Он погладил серую материю и вспомнил ярко, в один миг, словно начало его жизни произошло только что.

Лежать под обвалившейся крышей палатки было неудобно, и он выбрался наружу. Замер, сраженный красотой природы. Палатка стояла в поле, посреди тумана. Светало, но еще было видно звезды. Мир был красив настолько, что у него перехватило дыхание. Тьма ночи медленно отступала, гасли звезды, и купол неба загорался восходящим солнцем. Мутная пелена тумана светлела и рассеивалась под лучами восходящего солнца. Высоко в небе летали птицы, по полю разносились их напевы. Лучи солнца подсвечивали туман, отражались в капельках росы на траве, сверкали на солнце, словно драгоценные камни. Завороженно он смотрел, как самые маленькие капельки росы исчезают под обволакивающим теплом солнца. Кое-где в траве он видел насекомых, которые выползали навстречу теплу, взлетали над землей, расправляя крылья.

Он бы так и стоял, если бы не понял, что голоден. Внутри палатки обнаружился рюкзак, в нем были фляга с водой, хлеб и сало. Он сидел в мокрой от росы траве и жадно откусывал куски хлеба один за другим, и не было ничего вкуснее. Даже у воды был вкус, замечательный и совершенно незнакомый. Еда закончилась, и он почувствовал, что съел слишком много.

Кроме того, в поле не было другой еды. Нужно было собирать вещи и отправляться в путь. Он собирал палатку, доставал из нее вещи и рассматривал их. Все хотелось померить, пощупать, все было интересным. Он заметил, что замерз и это неприятно. Сменил промокшую от росы одежду на сухую, натянул шерстяной свитер, осмотрелся напоследок и пошел в сторону виднеющегося вдали ряда тополей.

Там обнаружилась дорога. Пойдя по ней, он пришел в поселение. Глядя на дома, он решил зайти в любой из них, посмотреть, что там.

Внутри оказалась женщина, которая отчего-то испугалась и зло спросила его: “Ты кто такой?”

— Ну а кого вы ждали? — беззвучно произнесли губы Клина, и он улыбнулся. Он вспоминал.

— Ты кто такой? — зло спросила полная, уже немолодая женщина, одетая в длинную рубаху с передником. В руке у нее был половник, отчего-то имевший грозный вид.

— Ну а кого вы ждали? — неожиданно для себя спросил он. Лицо озарила, он это почувствовал, широкая улыбка.

Женщина опешила.

— Уж кого бы не ждала, а стучаться все равно надо.

— Виноват, добрая госпожа. Я стучал, да видно тихо. — он говорил, а сам замечал, что смотреть на женщину как-то неправильно. Взгляд бегал по дому.

— Что это ты тут рыскаешь, украсть что вздумал?

— Напротив, госпожа! Я работу какую ищу, может вам нужно дров наколоть или скажем стул починить.

— Может и надо, — женщина уже не злилась. — Да только работника просто так, с улицы, я не приглашу. Ты откуда к нам пожаловал?

— Госпожа, вы так догадливы. Как вы поняли, что я не местный?

— Шутишь что ли, у нас тут восемь домов, все друг друга в лицо знаем.

— О, правда? А скажите, пожалуйста, в котором из домов можно поесть?

— Да в любом, если деньги есть.

— Деньги... У меня есть фляга! Еще рюкзак, палатка и одежда.

— Тогда понятно, чего ты работу-то ищешь. Вот что, раз такое дело, накопи дров, а я за это тебя накормлю.

— Спасибо большое, госпожа.

Колоть дрова оказалось довольно скучно. Колун рассекал чурбак и шел криво, если удар задевал сучки. Как раскалывать большие чурбаки он не понял и откладывал их в сторону.

Разговор с женщиной был очень странный. Он как будто знал, что говорить, но совсем не знал, как себя вести, и не понимал некоторых слов. Если подумать, он не помнил, колот ли прежде дрова. Он помнил поле, помнил дорогу, помнил женщину и о чем они говорили. Понимал, что за спиной у него улица и еще один дом, и что он стоит во дворе.

Но до этого словно ничего и не было. Вместо этого колун застрял в очередном чурбаке.

— Парень, да прекрати ты трясти его, это не яблоня. — раздалось с улицы. Он обернулся. Напротив стоял мужчина в синей куртке.

— Как мне его высвободить?

— Молотом ударить надо. Или если не уверен, что сработает, вбей клин рядом.

— Что сделать?

Мужчина подошел, выбрал щепку и вставил рядом в трещину чурбака.

— Теперь стукни по клинышку, — Клин стукнул молотком, чурбак высвободился.

— Вот так, парень. Дрова тоже нужно уметь колоть. Ты чей будешь?

— Да я не местный. Очень вы мне помогли, спасибо.

— Нечего. Звать то тебя как?

— Вы не поверите. Клин.

Мужчина расхохотался.

— И правда не верю. Тебе с таким именем, парень, в плотники первая дорога. Как же вышло, что тебя всему этому отец не научил? — Клин развел руками. — Да у тебя никак мозоли! Парень, ты чего это дрова взялся колоть с такими руками?

На шум вышла хозяйка дома.

— Здравствуй, Корен. Что тут у вас?

— Да вот с пареньком твоим разговорился. Видала, у него руки такие, будто труда отродясь не знали.

— Да. — Сказал Клин. — Но вы знаете, я не от хорошей жизни в работники подался.

Женщина сострадательно спросила:

— Что с твоими родными, живы ли они?

Клин не знал, что ответить. Отчего-то ему стало вдруг очень больно и слезы полились из глаз.

— Эх ты какой, парень... — Начал мужчина.

— А ну-ка замолкни, Корен. Видишь же, у мальчика горе. — Женщина обняла Клина. Он не знал, что сказать. Не знал, как себя вести. Он просто уткнулся в теплое плечо и плакал навзрыд.

Этого оказалось достаточно. Ему выделили постель и кормили едой, не задавая вопросов. Порой госпожа Рибо пыталась выяснить, кому она дала приют и позволила помогать по дому, но Клин не говорил, что просто не знает, кто такой. С первого вопроса на этот счет он вдруг почувствовал, что не стоит говорить правду. Он рассказал, что заблудился и не знает, куда забрел. Госпожа Рибо рассказала о поселке, об окружающей местности, даже о ближайшем городе.

Еще Клин дал понять, что действительно не знает многого о работе руками. Ему посоветовали выбрать, что нравится делать, и пойти работать подмастерьем.

Клин учился. Каждый день был полон открытий. Он узнавал, как вести домашние дела, как ухаживать за огородом и убирать урожай. Все это было ново и интересно, но вскоре переставало быть незнакомым. И вдруг Клин почувствовал нечто новое. С момента пробуждения в палатке все, что он слышал и узнавал, радовало его. Но почему-то постепенно рассказы о крестьянской жизни перестали увлекать его. Он понял, что знает слишком много про каждый день, который проживает в доме госпожи Рибо, и отчего-то больше не рад. Он очень хотел вернуть чувство радости новому, почему-то все, что происходило с ним, больше не было таким ярким и удивительным, как утро в поле. Он искал способ, как снова пережить то состояние. Он узнал, что крестьяне живут по годовому циклу и начал спрашивать про хранение зерна, заготовку продуктов, про все, что приходило в голову. Ему нравилось понимать, как все это работает и иногда он забывал сравнивать свою жизнь с утром в поле.

Рибо ему нравилась, она заботилась о нем и честно старалась научить как можно большему. Шли дни, и она начала относиться к нему, как к члену семьи.

Но однажды утром Клин почувствовал, что у него больше нет вопросов. За весь день он ничем не обрадовался. Когда стемнело собрал вещи и тихо ушел в ночь.

Клин был совсем другим тогда. Он многое пережил, и те спокойные дни в доме госпожи Рибо, такие нормальные и счастливые, стали неотличимы для него от утра в поле. Иногда он мечтал, как не ушел от госпожи Рибо и представлял спокойную и счастливую жизнь у нее. Думая об этом, он искренне верил, что смог бы, если бы только знал, сколько трудностей, а не только вдохновения и радостей, таит мир вне уютной и спокойной общины, где он нашел приют когда-то давно.

Рынок ожидаемо оказался пуст, и он поехал в трактор. Сейчас Клин был в образе уроженца западных стран, в котором его знали в городе. Так он привлекал внимание своей одеждой, за которой скрывались приметы внешности — темная кожа и ярко-зеленые глаза. Если бы горожан попросили описать его, они рассказали бы про чудной кафтан и прямые, без привычной в местных землях вышивки, штаны. Так Клин умел прятаться на виду, с минимумом маскировки.

Наряд ему не шел, но на западе шили штаны с карманами. Клин не понимал, почему все так не шьют. Это же так удобно. Может быть, стоило открыть свою мастерскую по пошиву

шпанов с карманами?

Может быть этим он и займется. Когда выберется из города.

И все же большое количество еды про запас могло привлечь лишнее внимание и вызвать вопросы на выходе из Стебиндеса. В другой ситуации Клин нашел бы способ миновать ворота, но город стоял на острове, вместе с ограничением на въезд запретили лодкам отплывать без специального разрешения, а выбираться вплавь было неразумным.

Трактир выглядел подходящим местом, чтобы собраться с мыслями и выбрать подходящий образ на выезд и дорогу. Решив, что раз он все равно меняет роль, можно купить съестное и в качестве уроженца западных стран, Клин отправился в наиболее приличной в городе трактир с желанием пообедать, подумать и может быть разжиться не только припасами, но и новой ролью. Он оставил лошадь у коновязи и вошел внутрь.

Трактирщик был занят, разговаривал с какими-то приезжими, судя по одежде, из Корена. Клин подошел к ним, заодно осматриваясь.

Задумчивое настроение как рукой сняло.

Похоже, он недооценил громкость гудения.

Официанток в зале не было.

Не смотря на то, что была середина дня, трактир был почти пустой. Немногочисленные посетители тихо переговаривались, Клин видел в их лицах тревогу.

Да неужели опоздал.

— Любезный, чем вас угостить? — окликнул его трактирщик.

Трактирщик был низкорослый и стройный, что для его профессии было довольно нехарактерно. Его звали Перридон, и Клин недоумевал, как он ведет дела так удачно, с его странным именем и добрыми кроткими глазами.

Сейчас трактирщик выглядел растерянным.

— Ничего, Перридон, договори. Я не тороплюсь.

— Это хорошо, а то со всеми этими ограничениями на въезд как раз ничего то у меня и есть.

Только не это.

— Да быть того не может, что, и куска хлеба не найдется?

— Может и будет где-то в закромах, да только его мышь погрызла.

Кажется, Перридон просто хочет избавиться от назойливых собеседников. Коренчане не перебивали нас, наоборот, тот, что повыше, нагнулся ко второму и что-то тихо спросил у него. Его собеседник, владелец прекрасной окладистой бороды, спросил:

— Достопочтенный трактирщик, мы последние несколько дней как-то погрязли в своих делах и даже не в курсе последних новостей. А что, город закрыт на въезд?

— Да, любезный. Так что ничего не могу вам предложить, да и нет у меня времени разговоры с вами разговаривать.

Это значило вежливое “идите вы дальней дорогой”. Однако, коренчане как будто не поняли:

— А почему город закрыли?

— Стебиндес не сегодня так завтра будут штурмом брать, а вы не в курсе?

Не люблю говорить вот так в лоб, но сейчас как-то не было желания красиво выразиться.

— А кто? — спросил высокий коренчанин.

— Постой, как сегодня-завтра? Ты откуда это знаешь? Слышал чего? — живо

заинтересовался трактирщик.

Клин почувствовал на себе взгляды людей.

Ох и не стоило говорить так громко.

Хотел же не привлекать внимание.

А теперь все посетители трактира смотрели на него.

Сказать громко и разборчиво, демонстративно обращаясь к трактирщику.

— Если бы я что-то знал, то посоветовал тебе спрятать своих дочек подальше и молиться, чтобы ими не заинтересовались инквизиторы.

— Что за чушь ты несешь? — крикнул кто-то из зала. — Начерта мы сдались инквизиторам?

Клин посмотрел в зал. За угловым столом сидели две коренчанки. Молодые и симпатичные. Они испуганно смотрели на него. У одной из них были странные глаза.

А, все равно собирался переоблачиться.

— Прекрасный вопрос, уважаемый как вас там. Зачем инквизиторам, этим верным слугам богов, штурмовать мирный торговый город? Или может лучше спросить, почему отряд, отправившийся на поиски пропавшего каравана, не вернулся? — Клину шел вглубь зала. — Разве в этом городе ересь, господа? Разве среди нас есть неверные? — Коренчанка догадалась опустить глаза, но он уже разглядел. Радужные.

У нее радужные глаза.

Разве бывают радужные глаза?

— Демон побери, он говорит про гадалку. — раздался тот же голос.

— Что, город захватят ради одной бабы?

Очень, очень хороший вопрос.

И как он раньше не задал себе этот вопрос?

Сейчас Фуксия любимица коменданта. Но что будет, когда инквизиторы возьмут город в осаду?

Похоже, он очень вовремя оттуда убрался.

Как бы еще понять, отделается ли Стебиндес малой кровью.

Тем временем посетители истолковали молчание Клину по-своему.

Если этот парень прав, нужно уводить детей отсюда.

— Верес, ты остаешься? Нужно вооружиться.

— Хватай жену и идите к нам, можно переждать в подвале.

— Идемте, тут мы ничего не услышим. — раздался у него над ухом голос высокого коренчанина. Женщины поднялись, и когда они проходили мимо, Клину сказал той, что с радужными глазами:

— Вам стоит как можно скорее убраться подальше.

Она вздрогнула, даже очень заметно. Прошла мимо.

Может быть мне удалось спасти сегодня несколько жизней.

Осталось понять, угрожает ли что-то лично ему.

— Перридон, — по столешнице звякнула тяжелая монета, — О чем эти люди спрашивали тебя?

— Да они странные какие-то. Я и сам не понял, начали всякие вопросы про религию задавать, верю ли я в богов и почему. Нашли время.

— Отчего же, сейчас подходящий момент молиться всем богам. А что конкретно спрашивали?

— Ну, не слышал ли я, чтобы в городе появился бог.

Клин вздохнул, оставил монету на столешнице и похлопал трактирщика по плечу.

— Вот это бы всем нам не помешало. Удачи тебе, береги своих дочек.

Трактирщик скомкано поблагодарил. Клин поспешил на улицу.

Самое время было раствориться.

На задворках часто сушат одежду прямо на улице. Обойдя несколько домов, он нашел чьи-то штаны и рубаху.

Оставалось только осветлить лицо гримом и достать из мешка с ролями широкополую шляпу местного фасона.

Удобно, что на войлоке почти не остается складок.

А вот брать ли с собой торбу и плащ.

Слишком приметные, лучше оставить в укромном месте.

Но что, если не будет времени вернуться?

Клин потер лоб.

Оставлю ближе к границе города, как раз подходящее место, чтобы узнать последние новости.

Оттуда и выбираться ближе, и если он пойдет туда с собранными вещами, это не привлечет сейчас особого внимания.

Клин с обеспокоенным видом вышел на улицу и пошел в направлении городских ворот.

Там вокруг стражников собралась небольшая толпа горожан.

Специальное распоряжение коменданта.

К городу приближается враг.

Выезд из города запрещен для всех без исключения.

Всем, кто умеет сражаться, пройти в крепость для вооружения.

Всем остальным разойтись по домам.

Собирайте вещи и ждите, мы объявим, если будет нужно укрыться в крепости.

Неподалеку кто-то грязно выругался. Клин обернулся на знакомый голос и узнал коренчан. И из любви к искусству сформулировал изощреннее и злее.

— И что теперь делать? — медноволосая коренчанка озвучила его мысли.

— Думаю, нужно прямо идти к коменданту и просить убежища. — расслышал Клин тихий ответ той, что с радужными глазами. Она все время смотрела себе под ноги.

Коренчане не знают, что происходит, но лично знакомы с комендантом?

Либо они идиоты, либо Клин не знает о чем-то важном.

И раз уж прямо сейчас идти некуда, неплохо бы это выяснить.

Коренчане развернулись в сторону крепости, не замечая в толпе, что он направился следом.

Они разговаривали тихо, но кое-что он услышал. У высокого был низкий, раскатистый голос.

— Нет, эту крепость просто так не взять. Кажется, что она сложена из камня, но кладка просто маскировка. Внутри внешних стен цельная скала, как в любом их городе.

— Ян, значит, в этой крепости тоже будут тоннели наружу?

Какой-то прохожий толкнул Клина, и он безнадежно отстал.

Впрочем ответ ему был не нужен. Откуда Ян это знал, было вопросом не первостепенной важности.

Из крепости есть тоннель наружу.

Замечательно.

Он поспешил в крепость, у ворот которой уже собралась толпа горожан. Коренчане стояли у самых ворот, разговаривая с лейтенантом стражи.

— Вы не узнаете нас? — спросил Ян. Девушка с радужными глазами сняла шапку, и длинная коса неестественно белых волос упала на ее плечи. Кое-кто ахнул, лейтенант дал знак пропустить их.

Клин пробился вперед через толпу.

— Где тут у вас дают оружие? Я умею сражаться.

Стражник едва удостоил Клина вниманием.

— Подготовь документы и пройди направо, в казарму. Там же тебе скажут, где оставить вещи.

Документы, ну да.

Все же он направился именно туда, куда послали. Коренчан уводили в замок, нужно было переодеться.

Казармы наспех переоборудовали под склад. Ожидаемо, там была суматоха. Клин бросил вещи в дальний угол и, старательно изображая тень, запыленный размытый отблеск дрожащей тени, прокрался к штабелям оружия и доспехов. Там он разжился кольчугой, шлемом, мечом и щитом.

Теперь можно и по крепости походить.

Идти за коренчанами смысла не было, к коменданту его бы не пропустили. Может и можно было бы пройти как помощнику Фуксии, но большую глупость сейчас и представить было сложно.

Его искали.

Из разговоров Клин услышал, что гонец инквизиторов потребовал выдать гадалку, которую защищает город.

А еще, что Фуксию держали не в тюрьме.

В галерее на втором этаже замка.

Он узнал комнату.

Постарался вспомнить ее.

На окнах были решетки, и выбраться оттуда было некуда.

Зато пробраться туда, обладая обликом ополченца и набором отмычек, было не сложно.

Стоило попробовать.

Без риска.

Но вдруг ее не сторожат.

Клин с уверенным видом направился в замок, в дороге придумав десяток вариантов того, что сказать, если его кто-то окликнет.

Всем было наплевать.

Как-то даже обидно.

Как будто подготовил номер, а в зал никто не явился.

Но не привлекать же внимание специально.

По лестнице с грохотом и звоном пронеслись стражники.

Клин осмотрел галерею.

У двери было пусто.

Во всей галерее никого не было.

Иногда он совсем не понимал людей.

Если у вас пленница, которую нужно выдать, чтобы в город не вошла армия, зачем держать ее за решеткой, вместо того, чтобы просто это сделать?

И даже если держишь, почему не приставить стражу?

Просто потому, что она не сможет сбежать?

С другой стороны, кто в целом городе захочет ее вывезать.

Клин отпер дверь.

— Что вам надо?! — Она вскочила со стула и присмотрелась, — Клин, это ты? Ты вернулся за мной? — Вот теперь она была прекрасна. Глаза блестели на бледном лице, руки сложены в умоляющем жесте.

— Я не мог тебя так оставить. — Он снял шлем и кольчугу. — Здесь найдутся брюки? В замке есть тайный ход, попробуем тебя вывести.

Она стояла молча.

— Фуксия, не время пререкаться. Одевайся и идем, если хочешь жить.

Она медлила. Глаза бегали, словно что-то искала.

— Клин, я нашла это в своих вещах после того, как меня схватили.

— Что нашла?

— Записку, да где же она. Там написано, что мне нужно срочно покинуть город, оставив признаки того, что я мошенница и никогда не была волшебницей. Кто-то пытался предупредить меня, Клин. И ты тоже пытался.

Фуксия нашла сложенный листок пергамента. Клин взял его, но прочитать не успел. Снаружи слышались шаги.

Клин схватил кольчугу, запихнул в нее Фуксию и потащил наружу. Дверь открылась, на пороге был высокий коренчанин.

— Держите их! — крикнул кто-то из стражи за ним.

Ну сейчас, конечно.

Коренчанин медлил, отчего-то он не спешил доставать меч из ножен.

Как раз дернуть девушку и броситься по галерее назад к лестнице.

Фуксия кричала.

— Ведьма пытается сбежать! — заорал кто-то из стражи, — Это ее прихвостень помогает ей! Держите их!

Клин запустил на крик стулом.

Кто там такой догадливый выискался, чтоб ты ногу сломал.

Вот теперь внимания им доставалось в избытке.

Фуксия молча бежала следом.

Нужно было срочно что-то придумать.

Или может не надо?

Клин помчался наверх, свернул в правый коридор. Третья дверь, гобелен. Вот и проход, но он заперт.

— Задвинь чем-нибудь дверь, пока я тут разбираюсь!

Руки не дрожат. Даже сейчас мне не страшно.

Помню, как научился узнавать страх.

Очередной мастер, к которому Клин устроился подмастерьем, был фокусником. Он заговаривал змей, глотал шпаги, ходил по углям и останавливал летящие в него стрелы. Он был очень мудрым и веселым. И очень уверенным в себе.

Тогда тоже были инквизиторы.

И его славный учитель сделал все ошибки, какие мог, чтобы оказаться в их руках. Клину любил старого фокусника, он попытался спасти его, но инквизиторы хорошо охраняли пленных еретиков.

Страх заставлял людей совершать ошибки. Страх появлялся там, где люди не знали, что будет дальше и что делать. Страх указывал людям, что им будет больно.

Клину не нравилось, когда его союзники боятся.

Но страх врагов был очень удобным.

Раньше Клину хотелось понять, что чувствует человек, когда ему страшно.

Страх был очередной вещью, которой Клину не умел. Он изображал страх, играл его. Изучил то, что пугает людей, и попробовал на себе.

Но почему-то он всегда знал, что делать. И знал, как задавать вопросы, чтобы разобраться, что будет дальше.

Постепенно страх стал понятен. Страх это проблема, мешающая думать людям вокруг.

Он так и не почувствовал страха.

Замок щелкнул, и проход дохнул на Клину холодным и сырым воздухом.

Он заглянул внутрь тоннеля.

Кто-то двигался навстречу. Там, в темноте, на сырых стенах, покрытых паутиной, дрожал свет факела.

За спиной Клину в комнату пытались ворваться.

— Будь потише, — бросил он через плечо, достал меч из ножен и пошел в тоннель. Кто бы не шел по проходу, нужно было немедленно идти вперед. Откуда-то Клину знал, что это тот самый тоннель, по которому можно покинуть город.

Очень удачно.

Тоннель узкий.

Даже если людей впереди много, они будут нападать по одному.

Гораздо лучше, чем пытаться разобраться сразу со всеми стражниками, которые сбежали на шум.

Они пробирались по тоннелю настолько быстро, как могли в темноте. Дверь в комнату позади сотрясалась от ударов.

Свет факела приближался.

Фуксия закричала.

Клину поморщился.

Человек, держащий факел, был необычным. С копной спутанных волос, в странной одежде.

Но орать то зачем.

Он услышал нас и насторожился. В руке у него был нож.

Клину продолжал идти вперед. Теперь, когда впереди горел свет, идти было даже проще.

Высокий человек был все ближе.

Его одежда была вся мокрая.

Человек прислонился к стене, пропуская их.

Хороший человек.

Они шли вперед по тоннелю, снова в полной темноте. Далеко позади разносились топот и крики.

Все-таки не выдержала баррикада.

Пусть только попробуют сунуться.

Чутье не подсказывало, сколько еще идти, и они принялись бежать.

И тут мир содрогнулся.

Сначала раздался грохот, почти сразу затряслись стены и пол.

Они упали.

Фуксия закричала.

Зачем она снова кричит.

Это же ничем не помо...

Посыпались камни, и Клин упал без чувств.

В лицо плеснули водой. Голова болела.

Он все еще был в тоннеле. Вокруг обломки каменной кладки. Горел факел. Над Клином склонился странный волосатый мужчина, встреченный в тоннеле.

— Как он? — раздался знакомый голос. Высокий коренчанин, которого звали Ян, тоже был здесь.

— Похоже получил по голове, но приходит в себя.

— Гадалке, похоже, повезло меньше.

Клин присмотрелся. Коренчанин разбирает обломки, и Клин удивился ужасающей легкости, с которой тот ворочал каменные глыбы.

Показалось раздавленное тело. Клин отвернулся.

Тут и шлем бы не спас.

— Парень, ты как? — спросил Ян. Клин медлил, он продолжил задавать вопросы, — Ты ее помощник, так? Откуда вы? Кто она была на самом деле?

Клина не спешили вязать. Кроме того, нигде не было видно стражников.

Из сложившейся ситуации должен быть какой-то очень благоприятный выход.

Но голова болела, и мысли путались.

Не дождавшись ответа, волосатый видимо решил посмотреть, серьезная ли рана, и стянул шляпу.

— Ян, это фелл! — Закричал он.

Дальше Клину было очень больно.

Страха он не знал. Но боль ему не нравилась.

И все же, каждый раз, чувствуя ее, он отправлялся куда-то далеко.

Не знаю, почему люди так кричат от боли.

Зачем они так.

Когда больно, видишь очень красивые вещи.

Багряный закат в горах. Аплодисменты зрителей. Река, разливающаяся в полях по весне. Обнаженная красавица. Танец орлов в вышине. Грядка со спелой клубникой.

Клин даже жалел, что боль прекратилась.

Вне боли он был раздет донага и пойман с руками, заломленными за спину. Коренчанин держал его, волосатый начал допрашивать:

— Здесь только ты и мы, фелл. Говори. Как тебя зовут? Кто ты? Зачем вы пришли в Стебиндес? Кто была твоя госпожа?

Клин улыбнулся широко и радостно.

— Ну а кого вы ждали? Да, я фелл, меня зовут Клин. Я пришел в город, чтобы чинить тут зло, да вот, убегая, обрушил всем на голову крепость. Никого как видите не пощадил, даже себя. Только если вы вдруг некроманты, не трогайте Фуксию, она не знала, какой я ужасный.

И засмеялся, наслаждаясь реакцией.

Бить Клина не стали. Вот это было неожиданно.

— Он не маг, Эзобериен. Но он очень странно себя ведет.

— Может и не маг, но он точно фелл. Он выглядит как фелл и ведет себя так же. От него ничего не добиться пытками или уговорами.

— Откуда ты знаешь?

— У них есть такая школа, там учат всему этому, — Волосатый смотрел на Клина в упор. У него тоже были странные глаза. Янтарные, — Но ты и так это знаешь, не так ли? Верно, Клин? Может, расскажешь нам?

— Конечно. Мы в этой школе узнаем, как никогда не бояться, как уходить куда-нибудь в приятные места когда тебя пытаются, осваиваем разные профессии, но без каких-то особых знаний, — Неожиданно для себя он добавил, — И еще мы там изучаем планы всех крепостей в мире.

— Видишь, я же говорил!

Клину ужасно хотелось узнать, кто же такие феллы, но пока что они и сами рассказывали.

— В таком случае его и правда стоит убить. У нас просто нет времени разбираться со всем этим.

Оп, а вот это неприятный поворот.

— Это нечестно. Я же ответил на все ваши вопросы.

Снова растерянные лица. Даже понимая, что возможно это последнее, что он сделает в жизни, Клин рассмеялся.

— Слушайте, да я сам не знаю, кто я такой. Мне однажды на голову палатка упала, а до этого ничего не помню. Вот вы говорите, я фелл. Таким словом меня не называли, но говорили, что я демон, еще бывало, что вели себя странно, только побеседовать с ними, вот как сейчас с вами, не доводилось. По разным причинам.

— Беседуем, вот что по твоему мы делаем? Эзобериен, я кажется понял, кто он такой. Ровно как он говорит. Ты прав, он фелл. И еще он ним.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказали хором Клин с Эзобериеном. Ян расхохотался.

— Странно, я уж думал, ты все знаешь. Вторая башня требует, чтобы опасные знания нимов стирали. — В голосе Яна звучала жалость.

Клин уже забыл, что в тоннеле холодно. В тоннеле было прекрасно.

— Все равно он опасен. Если отпустим, он сдаст нас.

— Так не отпускайте, — Клин был готов умолять, — Я иногда не знаю, чего от себя ожидать. Не видел никого похожего. Чем не займусь, мне становится скучно. Вы похоже знаете, что со мной, расскажите, а я помогу вам, чем смогу.

— Ян, я уверен, он при первой возможности отравит нас и предаст, а потом еще раз отравит.

— Тебя может быть, а вот мне ему будет непросто навредить. Вот что, Эзобериен. Не стоит бросать парня одного, раз мы его нашли. Сейчас нужно убираться отсюда, понять, что произошло с крепостью, и выбираться подальше.

— Ян, вы дважды сказали одно и то же. Выбираться и убираться, — вежливо заметил Клин.

— Сначала нужно вывести девушек, раз мы теперь знаем, где тоннель. И ты, умник, нам

в этом поможешь, раз уж думаешь, что нам по пути.

Эзобериен вскочил.

— Ашпанар может быть в опасности?

— Когда я уходил, то оставил ее с Глэном и комендантом. Но это было до того, как тут все содрогнулось. Вот что, Клин. Мой друг очень нервный и, как ты мог заметить, быстрый на расправу. Будешь вести себя хорошо? — Клин кивнул, — Тогда это мы пожалуй снимем.

Ян потянулся за спину Клина, и тот почувствовал, как хватка на запястьях исчезла.

Странные наручники, даже сразу не сообразить, как снимаются.

Клин потер руки.

А что, хороший вопрос.

— Что это у вас за колодки такие? — спросил он.

Вопрос замер в воздухе.

— Быть не может, — сказал Ян. Он ощупывал стену тоннеля за спиной Клина, — Эзобериен, эта стена, она... Скорее за мной!

Коренчанин ударил по стене кулаком, и та расступилась. Эзобериен задержался, бросив взгляд на Клина, и прыгнул следом.

Формально, приказ не относился к Клину.

Разминая запястья, он встал на ноги.

Что ж.

Он голый. С факелом. И трупом напарницы неподалеку.

Он осмотрелся. Одежда нашлась чуть в стороне.

Клин оделся.

Очень хотелось пойти следом за этой странной парочкой.

Но здравый смысл.

Прихватив факел, он пошел по тоннелю прочь из города.

Впереди был завал. Разумеется. Все же придется возвращаться.

Наудачу Клин все же толкнул верхние камни. Они поддались, и он расчистил проход.

Он пошел дальше. Под ногами хлюпала вода. Но стало светлее.

Тоннель заканчивался колодцем и лестницей. Забравшись наверх, он осторожно выглянул и осмотрелся.

Колодец на задворках какой-то фермы. Вокруг ни души.

Немыслимо.

Он выбрался наружу.

Когда-то на берегах реки рос лес. Его вырубili, но на вершинах холмов уцелели еще какие-то деревья. Клин устремился к ним.

Упал на мох.

Он все же выбрался.

Конечно, он не мог не выбраться.

Можно не бежать.

Клин хохотал, представляя лица стражников, Яна, и того волосатого, Эзобериена, когда они поймут, что он просто взял и сбежал от них.

Хорошо то как.

Он даже отдохнет.

Он на южном берегу реки, город штурмуют с севера, какое-то время здесь ему ничто не угрожает.

Как в сказке, он увидел заросли голубики.

Ягоды в этих местах выросли размером с вишню.

С наслаждением поел.

Фуксия любила голубику.

Жаль ее.

А что за пергамент она ему дала?

Наверняка уже потерял.

Он пошарил и нащупал что-то шуршащее в кармане штанов.

Она хотела, чтобы Клин это прочитал.

“Катрина, тебя нет в комнате. Так что пусть будет записка. Ты засветилась. Собирайтесь и уходите из города. Если сочувствуешь местным жителям — оставь как можно больше свидетельств того, что ты мошенница. Если уйдешь, тебе ничего не угрожает. Но не стоит быть волшебницей, если не знаешь, во что влезла. Привет Зэбору и Аштанар, если встретишь их. Доброжелатель.”

Клин бы предпочел, чтобы кто-нибудь сейчас сделал ему очень больно.

Хотелось оказаться где-нибудь далеко.

Ладно, кто-то их предостерег. Он догадался, значит и кто-то другой мог это сделать.

Если бы в записке был конкретный план действий, можно было бы предположить ловушку. А так совет был крайне полезный.

Но он запомнил, что одну из коренчанок зовут Аштанар.

Разумеется, он уже слышал это имя.

Сказочницу так зовут. И у сказочницы белые волосы и такая же бледная кожа. Но она ходила по ковру и ни с кем не говорила. Но если это была только роль...

Конечно же, он запомнил сценический образ и не узнал девушку без него.

Вот почему они знали коменданта, вот почему ее пропустили.

Она же легенда!

Какое-то время все его мысли были нецензурные.

Упустил такую возможность.

Ну и ладно.

Все равно сказки у нее были какой-то чушью.

Два мужика еще сочиняли про каждую из них мораль, будто это что-то значит.

Клин постарался вспомнить. Вроде один из них был похож на бородача, которого он видел в трактире.

Он тут рассуждает, а мог просто пойти за Яном.

Он же хотел.

Но он не знал!

Все он знал. Он услышал имя, понял уже тогда, но не хотел заметить.

В тот момент ему это было невыгодно.

Они знали, кто он такой. Ян доверился ему. Эзобериен, он, ну, не убил его. У него были буквально все шансы сыграть свою лучшую роль, но все равно он просто ушел.

Пусть Клин не умел бояться, но иногда ему бывало стыдно.

И сейчас ему было стыдно. Он задумался о причине.

Он услышал, что Ашганар в беде, и не поспешил на помощь? Да там весь город полыхает, даже над кронами деревьев видны столбы дыма.

Конечно, это грустно.

Но почему ему стыдно?

Он понял.

Ему понравились странные сказки Ашганар.

Как картины Люсии, как идея Фуксии гадать по форме стопы.

Он почувствовал прилив сил. Не все потеряно. Может быть, они выбралась? У них должно было получиться.

Тогда нужно только придумать оправдание, и у него еще есть шанс.

Впрочем, зачем что-то придумывать. Он был вынужден бежать из осажденного инквизиторами города и его напарница умерла. Кто угодно на его месте поступил бы так же.

Он встал и пошел обратно.

Но тот волосатый, Эзобериев.

Он же просто-напросто сожрет его живьем. Возьмет и проглотит.

Клин остановился. Он был уже у края леса. Отсюда открывалась панорама полыхающего острова.

Кажется, крепость стала выше. Другой ракурс? Не похоже.

Раздался крик хищной птицы, рядом с Клином на ветку сел сокол.

— Птица, ты видишь то же, что и я?

Сокол крикнул.

Стены крепости стали выше. Клин прикинул, сравнивая с размером домов. Десять метров, не меньше.

Что могло поднять крепость на десять метров?

Магия.

— Как думаешь, человек, который руками расталкивает скалы — настоящий маг?

Сокол промолчал. Наверное, он не знал, что ответить.

Зато Клин знал. Прекрасно понял, что видел, уже в тоннеле, еще когда Ян разбрасывал камни.

Он самый настоящий волшебник из всех шарлатанов и фокусников, которых Клин встречал за свою жизнь.

И поэтому Клин не хотел идти за ним в тоннель.

Но еще этот волшебник знал, кто Клин такой, а его напарник убедительно описал природу способностей Клина. Было очень похоже на то, что его многому научили, а затем он почему-то все забыл.

Может быть потому, что получил по голове, а может быть из-за какой-то второй башни.

Он встретил тех, кто мог помочь разобраться. Помог им, почти договорился, а затем оставил их в осажденном городе.

Сокол улетел.

Клин бы тоже улетел, но безумно хотелось остаться, найти их и узнать, что из всего этого выйдет.

Тут и там в городе горели дома. Горожан собрали в крепости, стража охраняла периметр. Вероятно было, что инквизиторы уйдут не с чем.

Тоннель выходил далеко за внешние стены, как объяснил Эзоберием, и по нему Ян Чельдо выводил людей. Коменданта попросили организовать отступление горожан, Эзоберием и Глэн остались прикрывать первую группу беженцев, если понадобится.

Первыми в тоннель пошли дети. Ян выводил с ними Аштанар и Магуи. Увели и несколько матерей с младенцами. Нужно было защитить их от давки. Магуи отвлекала женщин разговорами, пока Ян шел впереди и расчищал путь. Он без устали молотил скалу, освобождая путь для горожан.

Хотя бы он высказал коменданту все, что посчитал нужным.

И теперь у них был путь, чтобы спасти людей.

Колодец Яну не понравился, стоило лишь представить, как женщины и дети станут по нему выбираться. Да и, когда проход откроется для всех, люди в панике могут здесь пострадать. Он вернулся по тоннелю и отвел Магуи в сторону. Он помнил, что эта девушка умеет врать, ну или хотя бы говорить не всю правду так, чтобы людям не было страшно. Он сказал:

— Тоннель заканчивается колодцем, я сделаю удобный выход, но будет очень громко.

Отвлеки как-нибудь ребятишек.

И поспешил к колодцу, делать задуманное.

Магуи справится, он знал это.

— Слушай меня, скала. Ты спала здесь десятки лет, и лишь вода точила тебя. Но теперь пришел я и говорю, так слушайся меня.

И Ян ударил со всей силы кулаком с широким металлическим кольцом. Внутри кольца, он чувствовал, пульсировали и бились две бусины. Земля и вода. Две стихии, две разные силы в одном человеке.

И вода ушла из-под ног, а скала поддалась, приминая землю.

Бальты строят из цельного камня. С ним проще договариваться.

Пока женщины и дети выходили, он осматривался в поисках безопасного места. Проход вывел к ферме, что ж, пусть для начала обосновываются здесь. Выбив дверь, он попросил Магуи помочь остальным и пошел обратно в тоннель. Уходя, похлопал Аштанар по плечу. Ее просить было не о чем. Она плакала.

Бальтские дороги очень гладкие. Договариваясь со скалой, по ним можно перемещаться очень быстро. Он хорошо расчистил тоннель, так что оказался в замке в мгновение ока.

— Я оставил девушек на ферме, идите к ним, а я пока тут закончу.

Эзоберием, кивнув, шагнул в темноту. Глэн долго щелкал кресалом, запалил факел. Руки у него дрожали.

— Друг мой, ты отлично справился. Они в безопасности. Теперь твоя очередь, — сказал Ян. Глэн улыбнулся. Глаза у него влажно блестели.

Ян разобрал скальный заслон и вышел в коридор замка. Комендант дожидался его.

— Они в безопасности. Начинайте выводить людей.

Вежливо выслушав благодарности и сказав какое-то напутствие на прощанье, Ян спустился на первый этаж, затем в подвал и нашел закуток, в котором никто не мог его

увидеть.

Вошел в стену. Прошел наружу крепости.

Нужно было опустить стены.

Маг первого лада может за раз сдвинуть столько, сколько весит сам. Маг второго лада сдвигал три своих веса. Маги третьего лага встречались редко, но Ян не слышал, чтобы они могли поднять целую крепость.

Он медленно шел по кругу внутри стен, длинной спиралью проходя под дном крепости слой за слоем. Метр, потом еще один. Дышать становилось трудно.

Пробить бойницу, пустить в тоннель воздух.

Он не слышал звуков сверху. Он шел по спирали. Совсем обессиленный, он закончил очередной виток и пробился наружу, к основанию острова. Вода ворвалась в тоннель, и он встретил Поток. Вода пела, множество голосов звали его.

— Ян, Ян, Ян, ты в порядке? Ян, к вам идут на помощь?

Он различил в хоре знакомые голоса.

— Сэнку, Ниэн, Эн, я живой.

Поток отозвался облегчением. Череду вопросов обрушила на него, но прямо сейчас он не хотел отвечать. Ян выбрался наружу, затворил скалу за собой и позволил течению нести себя.

— Глэн, ты слышишь?

С небольшой задержкой последовал ответ.

— Слышу тебя, Ян. Где ты?

— Уже закончил, Глэн, я плыву к вам. Остались на ферме?

— Нет, Ян, сейчас позову тебя. Мы взяли в повозку детей и поехали вниз по реке с беженцами.

Волна от Глэна пришла словно издалека. Где они? Сколько прошло времени? Спрашивать у него смысла не было, Глэн держал волну, он не смог бы ответить.

— Эн, сколько меня не было?

— Ян, тебя не было слышно весь день и весь вечер. Какой кошмар у вас там происходит.

— Да, Эн, мы все пережили что-то чудовищное. — Ян понял, что слово из сказок нимов не доступно для понимания жителю Архипелага. — Мы пережили страшные события. Вроде бы город до сих пор горит.

— Ян, мы все очень переживаем за вас. Главное, что вы живы!

— Да, Эн, это главное. Ты знаешь, откуда меня зовет Глэн?

— Ян, Глэн и остальные ведут беженцев на юг, в ближайший город, прочь от захватчиков. Он сейчас в притоке Гелинии, ты плывешь верно.

— Ясно, Эн, спасибо тебе. Известно ли, что случилось?

— Ян, город атаквали из Генриха, комендант Стебиндеса поссорился с ними. Он плохой командующий.

— А кто-нибудь из вас знает, что от него требовали выдать на растерзание захватчиков безобидную женщину? — Поток молчал, и Ян повторил вопрос, перечислив знакомые имена.

Сокрушенный хор был ему ответом.

— Ян, Ян, Ян, нимы глухи к Поток, у них могут быть ужасные желания, убирайтесь оттуда. — Он различил голос Ниэна. — Ян, мы говорили с миротворцами Бальтрата, они не придут. Слишком маленькие потери.

Ниэн, пусть не гроссбальты, но Архипелаг должен вмешаться. Война в паре дней пути от наших границ. Да, мы вывели людей, но что нимы себе позволяют! Они напали и сожгли город!

— Ян, жители Стебиндеса сами это допустили. Нужно было выйти против коменданта и сказать, что не согласны. Они сами допустили таких людей к власти и теперь виноваты в последствиях.

— Но Ниэн, он просто не позволил мучить женщину! Горожане что, по-вашему, силой должны были ее забрать?

— Ян, до того весь город, все в крепости слушали ее советы. Ты не знаешь, кто она такая?

— Нет, Ниэн, расскажи мне.

— Ян, у нее есть дар видеть будущее людей. Она лечила хвори до того, как они начинались, делала предсказания. Она нарушала соглашение.

— Ниэн, я видел ее! Она просто ним, она не слышит Поток. Может быть, так она боролась за жизнь, чем она хуже других заблудших душ? Все нимы такие, и нет вины слепцов в том, что они не различают оттенков темноты.

— Ян, но даже если она лгала, ведь нимы, наделенные властью, должны были предвидеть последствия своей веры. А жители города могли заметить, к чему все идет, и сменить власть.

— Ниэн, одумайся, о чем ты! Это земли нимов, тут мирные протесты ни к чему ни приведут!

— Ты знаешь это точно, Ян? Они глухи даже к своим согражданам?

— Может быть нет, Ниэн. Мы впервые внутри войны, я еще послушаю беженцев Стебиндеса.

— Спасибо, Ян. Я передам Острову твои слова. Большое горе для всех нас, что в землях нимов происходит подобное.

— Ян не нашелся, что ответить. Слова были. В землях нимов всегда было небезопасно, но подобного ему прежде не доводилось видеть. Он был зол на инквизиторов, зол на нимов, на всех, кто допускает подобное.

Но бальты давно предлагали захватить нимов и запретить инквизицию и остальные бесчинства. Это означало множество крови, и их идеи не находили поддержки у Сеадетта и Архипелага.

— Ниэн, что в Архипелаге думают о земном маге, который поднял крепость?

— Он герой, Ян. Мы не знаем, кто это был. Бальты пока не признаются. Но этот маг сделал крепость недоступной для захватчиков.

Ян не ответил. Он не был уверен. Не был уверен, что было раньше — штурм или магия. Он поспешил к земному магу, как только почувствовал, что стены крепости отзываются кому-то, но тот отчего-то сбежал, лишь заметив их с Эзобериеном. Может быть, маг испугался, но почему?

Отголосок музыки донесся до него. Госпожа Камайн, душа блуждающего родника, не могла говорить. Но Ян понимал это журчание. *Ян, ты же увезешь оттуда мою дочь?*

Он не знал. Наверное, так же чувствовала себя Астонор, когда они пытались выведать у нее чужую тайну. Он не знал, пойдет ли Астонор за ним обратно в безопасные земли Архипелага. Не после того, что они обсуждали... прошлым утром? Кажется, столько времени прошло.

Он молчал. Поток нес его, напевая успокаивающую мелодию. Голоса утихли, похоже Ниэн передавал новости дальше.

Глэн ждал его у берега. Он стоял по пояс в воде и вглядывался в глубину. Первый лад, он не мог одновременно держать волну и слушать.

Ян вынырнул навстречу и почувствовал, как волна ушла. Глэн немного шатался.

— Ян, наконец-то ты вернулся, я так рад.

— Девочки в порядке? Что произошло за сегодня?

— Да, они уже спят. Ашганар тяжело все это перенесла, но Магуи более-менее утешила ее. Она молодец сегодня.

— Да, Глэн, она умница. Сэнку искал меня, но не спрашивал о ней, ты с ним говорил?

— Я дал им пообщаться перед сном. Ян, нужно спешить, их сейчас сторожит Эзобериен, но ему нужно идти.

— Идти? Куда?

— Когда мы встали на ночлег, со стороны Стебиндеса показались огни. Началась паника, но это оказались не инквизиторы, а цыгане.

— Цыгане? Что им нужно?

— Эзобериена пригласили к их барону, но он сказал, что сначала нужно дождаться тебя. Мы все очень волновались, Ян. Мы сначала не поняли, что тебя задержало, и почему ты не отвечаешь. Потом Эзобериен заметил, что крепость потихоньку опускается, — он устало улыбнулся. — Почти незаметно, хорошая работа.

— Глэн, я просто не смог бы сделать это быстрее. Маг, который смог поднять целую крепость, должен был быть невероятно силен, — Он заметил, что после общения с Потоксом каждый раз начинал говорить с обращения к собеседнику.

— Думаешь, это была она? Предреченная?

— Мы пришли в город, который она собиралась посетить, согласно письму. Она передала письмо, не встретилась с Эзобериеном лично. И в этом городе какой-то сильный маг земли поднял целую крепость, но не пожелал раскрыть свою личность. Да, я думаю, это была она.

— Думаю, это стоит передать Эзобериену, перед тем, как он пойдет разговаривать с бароном. Хорошо, что он все-таки тебя дождался.

Ян был согласен, но промолчал. Лесовик и правда оказался хорошим парнем.

Некоторое время они шли молча.

Впереди показалась деревня, в которой беженцы нашли приют на эту ночь.

— Сам-то ты как? — спросил Ян. — Не каждый день приходится отбиваться от целого гарнизона.

— Ян, я... Я кажется не хочу рассказывать Архипелагу, что пережил. Не сейчас, пока мне больно. Начнется война, я не готов быть причиной тому, что реки окрасятся кровью.

Их окликнул патруль, но быстро пропустили, как только узнали. Когда они снова оказались одни, Чельдо ответил:

— Не думаю, что ты не прав, друг мой. Лучшая война та, которой никогда не было. А между тем, крепость пытались взять штурмом.

— Да, это случилось, и мы в центре бури! Ян, я хочу, чтобы все это оказалось сном. Уйти отсюда подальше, вернуться назад, домой. Или хотя бы куда-то, где безопасно.

— Глэн, я тоже, только не думаю, что она согласится. Особенно если окажется, что Нарилия действительно была так близко.

— Мы можем не говорить им, если она решит возвращаться, — Они вошли в деревню, и Глэн понизил голос. При необходимости они переходили на язык Архипелага, но тогда у нимов порой возникали вопросы, что за странная речь.

— Это неправильно. Она должна знать, Эзоберием тоже должен знать, что мы не просто так все это пережили. — Он понял, что возможно у Глэна есть ответ на вопрос, который интересовал его. — Ты помнишь, что было раньше, штурм или поднятие крепости?

— Нет. — Нахмурился Глэн. — Мне было не до того, я отбивался от стражников, собиравшихся выдать Аштанар за гадалку. — Его голос дрожал.

— Понятно, Глэн. Я думаю, нужно расспросить беженцев. — Он вспомнил. — Эзоберием рассказал тебе, что мы встретили гадалкиного прихвостня?

— Еще бы. Он считал, что это прихвостень все устроил. Стоило большого труда убедить его, что только очень сильный маг мог сделать такое. И все равно он винит себя, что упустил того парня.

— Вот интересный персонаж. Может он мог бы помочь добавить ясности.

— Да уж. Но поди найди его теперь.

От стены дома отделилась тень.

— Прихвостень здесь, господа маги.

Ян метнул клинок, даже не успев задуматься, и уже когда тот летел, сообразил, что парень нужен живым. Тот не сбился с речи и увернулся. Меч ударился о стену, у которой парень стоял только что, мгновением позже там же разбились осколки льда, пущенного Глэном.

Он увернулся? Он опасен.

Ян атаковал. На траве было немного росы, но она плохо слушалась. Но это было ни к чему, он мог скрутить тщедушного парнишку голыми руками. Тот бросился бежать. Ян побежал вдогонку.

— Зачем нарушать покой беженцев, Ян?! Они и так много пережили! — Звонко крикнул парень.

Одежда Яна еще была мокрая, но этого было мало. Ку он потерял. Ян договорился с дикой росой и послал ледышку, но беглец снова увернулся. Ян видел его оскал.

— Тогда остановись и дай схватить тебя! — В окнах загорался свет, слышались голоса людей. Парень был быстрее, а Ян очень устал. Он остановился. — Если ты не враг, перестань убегать и поговори с нами. Иначе мы позовем на помощь беженцев, тебе не уйти от целого города.

Чуть отбежав, парень обернулся и произнес.

— Я только и ждал момента поговорить. Это вы на меня напали. У магов так принято начинать беседу?

Ян смутился. Парень говорил хорошо поставленным голосом, его было слышно на большом расстоянии. А вот Яну приходилось кричать.

— Ладно, твоя взяла. Давай поговорим.

Глэн, задыхаясь, подбежал к нему. Вместе они смотрели, как парень подходит.

— Его кажется Клином зовут, да? — тихо уточнил Ян на языке Архипелага.

— Да, Эзоберием тоже называл это имя. Ян, а почему вы решили, что он фелл? Совсем на них не похож.

Клин был со светлой кожей и темно-каштановыми волосами без малейшего намека на серый оттенок. Ян узнал его по голосу и одежде.

— Он заgrimирован, Глэн.

Парень не выглядел взволнованным. Между тем, с такого близкого расстояния они наверняка могли достать его, если атакуют с двух сторон. Ян переглянулся с Глэном и увидел, что тот думает о том же.

Клин широко улыбался.

— Ян, у тебя громкий голос. Я слышал тебя даже в городской толпе. Если вы, маги, хотите, чтобы о вас не знали, тебе стоит научиться говорить тише, не то каждая собака поймет, кто вы такие.

— Парень, и как ты столько прожил с такими манерами.

— Тот же вопрос к вам, господа маги. Почему вы не покинули город сразу, когда я предупредил вас?

Ян понял, где уже слышал этот голос.

— Там, в трактире, это был ты? — Он разозлился, — Это все вы спланировали? Откуда еще ты мог знать, что произойдет?

Клин чуть помедлил с ответом.

— Но это же было очевидно. Сначала пропали караваны. Потом не вернулся патруль. В пригородах видели инквизиторов. — Он почесался под париком, — Я не знаю, почему люди не видят, к чему могут привести их поступки. И не хочу за это отвечать.

— На Архипелаге мы считаем, это от того, что нимы глухи к Поток.

— Архипелаг это страна русалок?

Ян застонал. Парень казался таким умным. Но все-таки он был нимом, и относиться к нему следовало соответствующе.

— Клин, русалок не бывает.

Парень хотел еще что-то спросить, но вместо этого сказал:

— Ян, ты все еще говоришь слишком громко. Мы посреди улицы, слова здесь разлетаются далеко. Я и так весь день убеждал беженцев, что нет никакой магии и им показалось, пожалуйста, не порть мне всю работу.

— Что он делал?

— Вот что, парень. Ты прав, не стоит нам внимание привлекать. Если ты не враг нам, пойдём найдем безопасное место и там ты расскажешь, что знаешь. Может, мы сможем договориться.

Глэн отвел их к дому, где расположились Ашганар и Магуи. Неподалеку Ян заметил повозку. Они оставили ее на Эзобериена еще утром, и как раз на южном берегу реки. Глэн упоминал, что в ней ехали дети. Но все же Ян был рад увидеть ее, он переживал, что юбки и остальное могли оказаться утрачены.

У крыльца дома стоял Эзобериен, он вышел навстречу:

— Что там за шум? — Он заметил Клина. — Что этот здесь делает вот таким и почему не скован?

— Подожди, Эзобериен. Не говори лишнего. Пойдем лучше с нами в повозку, пареньку есть, что сказать. Дадим девушкам спокойно поспать. Глэн, останешься с ними? — Ян видел, что толкователь уже очень устал и вряд ли много поймет из услышанного, — Я тебе потом все расскажу.

— Да, хорошо. Спасибо.

Повозка стояла чуть в стороне от деревни. Они забрались внутрь.

Клин увлеченно осматривался. Ян рассудил, что парень не увидит ничего такого, что

следовало бы скрыть от нима, но может быть он ошибался.

Клин заговорил первым, не дожидаясь вопросов.

— Когда мы познакомились с Фуксией, она уже занималась тем, что предсказывала будущее. Я не знаю, была ли она магом, она не делала чего-нибудь такого, что делали вы. Ну, не двигала стены, не поднимала замки и вода ее тоже не слушалась, — В его голосе звучали нотки уважения, — Может быть она умела что-то другое, но я провел с ней полгода, и она была понятной и обычной.

— Почему мы должны поверить в это, фелл? — резко произнес Эзобериен.

— Я не говорю, что вы должны мне верить. Ян захотел узнать нашу с Фуксией роль в произошедшем, я рассказываю, как знаю. Да, в Стебиндесе нам повезло больше, чем где-либо еще. Но вы можете проследить наш путь, если захотите. И до Стебиндеса мы исцеляли людей, предсказывали им хорошую судьбу, и нас знали в других городах. Нам удавалось не слишком привлекать внимание, понимаете? Но в Стебиндесе нас начал слушать сам комендант крепости, и после нескольких удачных совпадений нам уже верила вся крепость. И вот тогда начались проблемы. Мы с Фуксией не хотели этого, понимаете?

— Вы исцеляли людей? Как? — спросил Эзобериен.

— Ну, у меня есть травник, и я варил по нему всякие отвары.

— Покажи мне его.

— Он в моей торбе. Принести?

Мы переглянулись. Парень мог снова сбежать, но ходить с ним за его вещами было признаком еще большего недоверия.

— После. Как ты понял, что времени уже не осталось? Ашганар сказала, что кто-то шепнул ей, что мы должны убираться подальше, это был ты?

— Да, конечно. Но знаете, я рад, что вы не последовали моему совету. Мне не пришло в голову, что горожан можно вывести через тайный ход. Когда вы двое внезапно скрылись, я растерялся и сделал лучшее, что мог, как мне показалось на тот момент. Но потом я передумал, и хотел вернуться. И увидел, как ты, Ян, делаешь проход, как вы выводите детей и матерей.

— Почему же сразу не пошел помогать нам?

— Я сначала хотел, но там холм пошел.

— Куда пошел? — спросил Ян таким серьезным тоном, что Эзобериен хохотнул. Как-то этот смешок не вязался с образом сурового следопыта, и Ян понял, что тот тоже очень устал.

— Сначала от реки вверх по склону, потом пропал. Я думал, что потерял его, и поднялся повыше рассмотреть. Он появился за хребтом, в направлении юго востока. И из земли вышел какой-то мужик.

— Как вышел?

— Ну дыра открылась и он как бы из тоннеля вышел.

— Без грязи? Без камней? Ты уверен?

— Не уверен, но вроде нет.

— Мужчина? Ты уверен, что это был мужчина?

— Да. Я не уверен, там было большое расстояние, но он был одет как знатный горожанин и очень походил на нашего казначея. Ближе я подбираться не стал.

— Но ты проследил за ним?

— Немного, он двигался очень быстро.

— Нужно было задержать его, — сурово заметил Эзобериен.

— Я как-то не рискнул мешать тому, кто может поднимать целую крепость.

— Думаешь, это был он?

— Ну а кто? Он или ты, я не знаю. Я прежде не видел такого.

Ян потер виски. Страшно хотелось отдохнуть, но разговор был слишком важным, чтобы ложиться спать.

— Ты сказал, что рассказывал горожанам, что нет никакой магии. Что они говорят и почему ты так поступал?

— А разве я мог иначе? Понятно, что если бы люди считали, что магия есть, они бы стали говорить об этом. Инквизиторы наверняка преследуют их, услышав такое, они бы нашли вас, — Мы молчали, и он продолжил, — Еще они стали бы пытаться горожан, чтобы узнать все детали. Есть ли среди беженцев неверные, кто из жителей города были еретиками. Но они же ничего не знают!

— Ты поступил верно, Клин. Молодец. Но скажи, о чем говорят люди? Кто-нибудь из горожан рассказывал тебе, как все было?

— Кое-кто еще был снаружи, когда крепость начала подниматься. Грохот был чудовищный, вызвал панику. Люди начали выбегать из крепости, но тут начался штурм.

— Ты уверен? Клин, ты уверен, все было в таком порядке?

— Ян, я сегодня утешал мужчину, который рыдал и рассказывал, как он спиной закрывал жену от паникующей толпы. Люди бежали из крепости, не разбирая дороги, стража гнала их, чтобы затворить ворота перед инквизиторами, те сопротивлялись. Там чуть не началась бойня, когда инквизиторы перешли реку. Мужик выжил, потому что люди поспешили все же укрыться в крепости. Они успели попасть внутрь одними из последних. Вот он прекрасно помнил, что вход стал гораздо выше.

— Но ты смог убедить его в обратном?

— Можете проверить сами. — Клин описал, как разыскать его.

— Клин, ты говоришь, что нимы видели магию земли, но теперь будут утверждать обратное. И хочешь, чтобы мы в это поверили, — заметил Эзобериен.

— В любом случае, выходит, штурм начался уже после того, как замок начал подниматься. Клин, спасибо, что рассказал это нам, это очень важно.

Клин улыбнулся.

— Парень, я уверен, что у тебя много вопросов. Но сейчас я очень хочу спать. Ты сможешь подождать хотя бы до утра?

— Да, я могу.

— Хорошо. Тогда иди, нам еще нужно поговорить с Эзобериеном, — Лесовик собирался возразить, но Ян жестом остановил его.

— Ладно, — Клин встал, — Вот еще что. Передайте, пожалуйста, привет Аштанар и Зэбору.

Эзобериен икнул.

— От кого?

— От доброжелателя, — Он помахал рукой на прощанье и ушел в ночь до того, как Ян решил, что на это ответить.

— Это я, — Сказал Эзобериен, — Это меня в племени зовут Зэбор. Чего-то фелл не договаривает.

— Погоди, может он специально не сказал, чтобы мы захотели найти его.

— Может быть. Ян, твоя рука, возьми вот это, — Эзобериен достал деревянную

баночку, внутри была какая-то мазь, — Костяшки совсем разбиты, так быстрее заживет.

— Спасибо. — Ян посмотрел на кисть правой руки. Странно, а ведь совсем не болело. Взял баночку и принялся аккуратно втирать мазь. Чтобы было удобнее, он снял кольцо и положил рядом с собой. — Ты молодец. Что бы дальше не было, я горжусь тем, что знаю тебя и что мы в одной лодке.

— Я тоже. Можно потрогать?

Ян удивился вопросу и поднял глаза. Эзобериен указывал на кольцо.

— Почему нет, бери.

Следопыт повертел кольцо в руках, дотронулся до бусин.

— Почувствовал что-нибудь?

— Нет, ничего. Ян, я хотел спросить твоего совета про Ассеев.

Яну потребовалось вспомнить, что так лесные маги называли цыган.

— Они призвали меня, чтобы я рассказал, что произошло и как им поступить с беженцами. Но я никогда не вел переговоры. Ассее, они совсем не такие, как мое племя. Мы обычно избегаем их, но сейчас они могут помочь беженцам, провести их в безопасное место. Сокол прилетит только утром. А я не знаю, что сказать им.

Ян потом уже и вспомнить не мог, что он насоветовал. Они говорили недолго, после чего он наконец лег спать, прямо в повозке.

Он сам не заметил, как провалился в сон.

Ему снились кошмары. Инквизиторы схватили Ашганар. Он слышал, как она кричит, как зовет его. Он сказался в темном тоннеле, и стал пробивать себе путь. Скала становилась все плотнее, или это он стесал кулаки, тогда он начал копать, раздирать твердь, прокладывая себе проход. Темнота давила на него, он был совсем один. А затем стены начали сжиматься вокруг него.

С криком он проснулся. Утер пот.

За окном светало, и спать уже не хотелось.

На крыльце он встретил Глэна и пересказал, что понял из разговора с Клином. Узнал, что девушки уже не спят, и что Эзобериен ушел говорить с цыганами. Попросил Глэна постараться разузнать, правда ли, что штурм начался лишь после того, как начала подниматься крепость. Зашел внутрь проведать девушек.

Ашганар снова плакала, Магуи сидела рядом с ней и гладила ее по голове. Они подняли глаза на вошедшего.

— Ян! Ты в порядке? Мы так рады тебе! — воскликнула Магуи.

Ашганар тоже было открыла рот, но промолчала.

— Да. Простите, что задержался. Как вы тут?

— Ну, переживаем.

— Вот что. Собирайтесь, отведу вас на реку.

— Но Ян, это может быть... — запричитал Глэн.

— Никто их со мной не тронет. Пойдем, встретим восход.

За дверью был мир.

Он медленно просыпался, умытый росой и озаренный мягким светом. Девушки вышли в прохладу утра, они улыбались и шурились, плотнее запахивали куртки.

Мы пошли через поле в направлении реки.

В воздухе стоял терпкий запах мокрой травы.

Небо горело розовым и лиловым. Медленно поднималось солнце.

Разговоры умолкли сами собой.

Мы вышли к реке и смотрели, как встает солнце.

Магуи стала мастерить кораблик. Аштанар не отводила взгляд от восхода, и ее удивительные радужные глаза сияли.

Мир еще дышал. Вчера все мы пережили что-то ужасное, но наступил следующий день.

Под ногами плескалась вода. Мы с Глэном могли найти в ней утешение, девушки — нет. Но восход солнца был понятен каждому.

— Спасибо, Ян, — Аштанар смотрела мне в глаза, — Знаешь, там, в городе, я вдруг... Я вдруг перестала слышать их, — Магуи ахнула, — Подумала, это потому, что не соблюдала традиции. Я честно пыталась молчать и стоять на ковре, Ян, но потом пришлось бежать, и снова стало не до этого, и... И эти люди... Они правда были готовы отдать меня инквизиторам, понимаешь?

Аштанар дрожала, и он обнял ее. Девушка уткнулась ему в плечо и он долго говорил что-то утешительное, все, что в голову приходило. Демоны с ними, со сказками. Что ей, бедняжке, пришлось пережить вчера...

А потом Аштанар мягко отстранилась.

— Ян, сейчас они снова со мной. Ты снова меня спас, — Она улыбалась, и от этой улыбки теплело на душе, — Мне уже почти не больно, правда. И знаете, я слышу новую сказку. Думаю, нужно созвать беженцев и всем рассказать.

Магуи всплеснула руками и побежала в деревню. Глэн взял Аштанар под руку, и они пошли вперед. Она обычно сперва рассказывала новую сказку толмачам, а уже затем публике. Ян пошел следом, но заметил неподалеку знакомый силуэт.

Что ж, случай как раз подходящий.

— Доброе утро, Клин. Чего не присоединился к нам?

— Не хотел портить момент, — Неизменная улыбка горела на его лице, — И тебе доброе утро. Оно наступило, как я и ожидал.

— Хорошо. Что ты хочешь знать?

— Что про магов правда, а что нет. Кто такие феллы, зачем ты искал гадалку и каковы ваши планы.

— Этого так сразу и не расскажешь. Что-то из того, что вы знаете, правда, а что-то совсем нет. Все эти сюжеты, которые ваши родители рассказывают детям — про ангелов и демонов, про русалок, лесовиков, оборотней и про все остальное — они довольно тесно переплетены с реальностью. Ты веришь в Девятерых?

— Да. Они создали мир из хаоса, дали нам землю и подняли горы.

— Ты когда-нибудь задумывался, как что-то может быть создано из хаоса? Клин, вот представь, ты хочешь нарисовать полотно, а все краски смешаны. Даже если ты сможешь отделить их, перестанут ли они от того быть краской?

— Нет. Да и вообще, невозможно отделить одно от другого.

— Маги верят, что боги создали мир таким, чтобы сама его материя — все, что ты видишь вокруг — упорядочивала хаос. Людям была дана способность менять мир вокруг себя, поддерживая замысел богов, это и есть магия.

— Не верю. Вот ты маг, ты вчера что, не желал, чтобы осада закончилась? Или Глэн, он мог пожелать, чтобы люди не плакали и всем беженцам хватало пищи. Боги добры, если маги прислужники богов...

— Слушай дальше. Источник нашей магии это столпы стихий. Их четыре — воздух,

вода, земля и лес. Был пятый, столп огня, но он давно разрушен. Клин, его разрушили маги ради не магов, они пытались изменить миропорядок. Нельзя разрушать другие столпы, Клин. Запомни, если кто-то будет прямо или обманом и хитростью призывать тебя к этому — не соглашайся. Столпы направляют энергию в бесконечном круговороте всего мира и его магии. На Архипелаге это называют Поток.

Парень внимательно слушал.

— Клин, столпы — причина того, почему нимы не могут жить на землях магов. Нимы лишены силы стихий, они, вы... Вы просто умрете в этих землях, Клин. Ваше место здесь посередине. Сеадетт создает лучшую жизнь для всех. Он и все стихии защищают Поток, и если нарушать этот миропорядок, катастрофы охватывают весь мир и продолжаются не одно поколение.

— Что такое Сеадетт?

— Это древний город с девятью башнями. Он стоит прямо по середине известного мира. Мы считаем, что с этих башен девять богов сотворили мир. Сейчас там живут сильные маги, которые направляют Поток, как когда-то это делали боги.

— Ян, не подумай, что я неблагодарен за то, что ты мне все это рассказываешь. Но какого демона, раз вы такие умные и знаете, как все устроено, вы не научите этому нас? Думаете, мы не пойдем?

— Понимаешь, когда-то нимы знали, что происходит. Но они боялись магов. Мы сильнее, дольше живем, наши возможности превосходят то, что доступно им. И тогда... Клин, у вас помнят про Пороховую войну?

— Да, есть такая легенда. Но это было так давно. Был какой-то способ устраивать быстрый и большой огонь, и все воевали с его помощью.

— Тогда нимы получили один из секретов воздушного народа. Еще были яды. Магов заставляли врасплох, строили военные машины. Нимы не вели переговоры. Они боялись нас, но их было больше и они были опасны.

— И что вы сделали?

— Не мы, а маги леса. Соплеменники Эзобериена. Они смогли остановить войну. Но заплатили высокую цену. А потом планы нимов стали не важны, Творец запретил все это.

— Что запретил?

— Вещества перестали взрываться, изобретения воздушных магов больше не работают вне их земель, магов нельзя отравить, а все знания о том, что было иначе, уничтожены.

— Клин открыл рот и закрыл его.

— Но если мы для вас безопасны! Почему вы не можете просто договориться с нами?

Ян хотел сказать, что все так, как и должно быть. Но промолчал. Он сам не знал.

— Вот что, парень. Сложные ты задаешь вопросы. Я не могу держать ответ за все пять стихий и не знаю, почему в Сеадетте рассудили, что нужно так. Но мир стоит, а значит их решение работает.

— Но Стебиндес сожгли! — Ян понял, что Клин хотел сказать, но тот продолжил. — Не знаю, как у вас, но в мире, который я знаю, люди грабят, насилуют и убивают. Ты в безопасности только если у тебя деньги и власть. Но стоило нам с Фуксией достичь этого, как... Ну, как я оказался здесь. Если маги такие сильные, а боги были мудрые, почему мой мир такой?

— Знаешь, парень. Я и так сказал тебе довольно много, чего нимама знать не положено. Кто-то бы меня осудил, но у нас в компании, как ты мог заметить, нимов больше, чем магов,

и все в курсе, как мир устроен. Не только ты задаешься вопросом, почему все так, а не иначе.

— А кто вы вообще такие? — Его лицо озарила догадка. — Трактирщик сказал, вы искали бога. Но почему там, в Стебиндесе?

Ян задумался, стоит ли рассказывать про Предначертанную.

Впрочем парень шустрый, сам все разведает, лучше пусть сразу знает историю целиком.

И рассказал. Что в мир пришла Сестра Бога, что все ждут, как она все изменит, и что она откуда-то знает Ашганар и Эзобериена.

— Раз богиня, она и так все про всех знает, — шепотом сказал Клин.

— Нет, парень. Если бы боги были всеведущи, вот тогда мир точно бы таким не был, — ответ Яна был полон горечи.

Хватит разговоров.

Оставив парня осмыслить сказанное, Ян Чельдо пошел в деревню слушать новую сказку Ашганар.

Если он и сказал чего лишнее, сейчас у него не было сил об этом думать.

Начало сказки он уже пропустил.

— С карманным фонариком в руках, он тянулся к Солнцу, будучи в тысячах метров под землей. С фонариком он пробирался вверх и вверх, взрывая глинистую почву руками. Чтобы фонарик светил, нужно было сжимать рукой специальный рычажок, создавая электрический ток. Он не видел Солнца, но слышал о нем и искал. Он слышал о Небе, о Звездах, о теплых Солнечных Лучах. А еще у него был фонарик и от этого было светло. Он рыл землю, все вверх и вверх, то останавливаясь, то продолжая. Иногда он с рычанием набрасывался на неподатливую почву руками, царапая отросшими ногтями и попадающимися камнями. Иногда долго-долго сидел на одном месте, и, казалось, спал. А аккумулятор фонарика, между тем, разряжался от бездействия. После долгих поисков он наткнулся на место, где над головой не было сводов. В мигающем свете фонарика он увидел непривычную для себя пещеру. Она была большая. Очень большая. Он осветил фонариком вверх, и свет оттуда отразился прямо на него. "Солнце! Вот оно какое." — Обрадовался он. — "Я помню. Наверху тоже бывает темно, это называется — ночь. И ночью спят." Он лег спать прямо под своим Солнцем. Он ждал дня и спал долго. Так долго, что фонарик больше не смог бы светиться. И он уже не узнает, что последний свет ему дала крупная жила драгоценных камней в сводах гигантской пещеры. Он будет спать, ожидая, когда на его Наверхности наступит наконец день.

Ашганар умолкла, и Глэн начал толковать.

— Фонарик суть устройство, дающее свет. Свет это надежда внутри нас. Наша сила идет изнутри, дает нам надежду. Но надежда слепа, а потому следует понимать, куда идешь.

Зрители согласно кивали и аплодировали. Ян же отчего-то вспомнил свой кошмар. Он почувствовал дурноту и вышел на воздух. Удачно, Зэбор как раз вернулся. Ян отметил, что для себя стал звать его так. Они отошли в укромное место, и Зэбор сказал:

— Они согласны с тем, что во всем виноват Бальтрат. Бальты снова хотят развязать войну, захватить Архипелаг или еще что-то. Поэтому стравливают нимов. Если инквизиторов не остановить, у Бальтрата будет причина привести свою армию и всех уничтожить. А вы им верите. И нимы не замечают, что происходит. Ассей говорят, Трагсруд контролируют бальты, а нимы не знают.

Ян смутно помнил, где находится этот город.

— А в столице знают? Если бы что-то было не так, что-нибудь предприняли.

— Они не знают, им к столице не подобраться. Они сторожат Трагсруд, но пока бальты не воюют. Но Ян, граница земных, известная нима, проходит далеко, а это по сути город бальтов. Я этого не знал, еще спрошу у своих. Так что Асσει не удивлены, что все это случилось. Ян, только они не очень сострадают горожанам.

— Зачем же они пришли?

Зэбор подумал над ответом.

— Думаю, насладиться тем, что они страдают.

— Погоди. Но они же не станут истреблять горожан?

— Наоборот, они хотят послушать, что те скажут. Проводить их, куда попросят. На случай инквизиторов. Мне кажется, это хорошая идея, могут найтись другие доказательства вины бальтов.

— Но зачем Бальтрату захватывать Архипелаг?

— А зачем им было разрушать мой дом?! Потому что вот такие они.

— Но Клин говорит, что все это случайность.

— Он просто-напросто врет. Или не знает. Он фелл, даже если не помнит этого. Ему просто нельзя верить.

— Ладно, предположим, все это устроили бальты. В чем их цель?

— Захватить мир!

— Тогда зачем это делать, когда в него пришла Предначертанная?

— Значит, они хотят, чтобы она им помогла! Снова! — Он выхлестывал слова громким шепотом, — Может они все это и затеяли, чтобы привлечь ее внимание! Или Нарилия уже за них и сама подняла крепость! Уж у нее то хватило бы силы.

— Но Клин говорит, что видел... — Ян осекся.

— Что он видел?

— Видел мага, который все это сделал. Городского казначея.

— Ах он видел! А вот ты говорил, что вы были в городе прежде. Значит, ты видел казначея? Маг он или нет?

— Вообще-то, кажется, я его не видел. Если подумать, мы дважды приезжали в Стебиндес, и оба раза он избегал встречи.

— Ладно, тогда в этом есть смысл. Но нужно как-то проверить, правда ли это.

— Клин упоминал, где именно видел мага. Я могу сходить поискать следы. Но девушкам лучше остаться с цыганами, раз уж вокруг инквизиторы.

— Тогда я тоже останусь и буду защищать их.

— Спасибо, Эзоберин. — Они не стали говорить о том, что и так оба знали. Лесовику было не угнаться за магом воды, когда речь заходила о дороге вдоль реки, — Я пожалуй тогда не буду дожидаться конца выступления. Передай Аштанар и остальным, о чем мы договорились.

— Постой. Лучше оставь письмо, они могут испугаться и не поверить мне.

— Думаю, что после произошедшего все мы здесь готовы поверить друг другу и услышать что угодно. Но если хочешь, я составлю письмо. У тебя найдется пергамент?

Зэбор кивнул, достал перо и чернильницу. Подал лист и зачем-то проверил обе его стороны.

Написав письма Глэну и Аштанар, Ян отошел подальше от деревни и нырнул в реку. Поток не звал его, да он и сам не знал, что сказать на Архипелаг.

И почему-то не хотел.

Слова Зэбора были ужасны. Это были слова члена племени дикарей, живущих в постоянном напоминании о произошедшей с Лесом трагедии. Понятно, что он хотел, чтобы во всем были виноваты бальты.

Но эти слова не были лишены смысла.

Ян думал, не совершил ли он ошибку, оставив девушек на лесовика. Но там еще был Глэн, он присмотрит, если будет нужно.

Он пообещал себе, что все расскажет Архипелагу, когда увидит, есть ли следы там, где сказал Клинтон. И просто продолжил плыть.

Эзобериен винит бальтов и строит планы заговора. Мне нужно разобраться, что произошло. Буду рядом, но на всякий случай — сначала цыгане, Глэн, идите к цыганам. Пожалуйста, держи Клина на виду. Он ценный свидетель, не позволяй его мучать или посадить под замок. Он фелл, он от этого станет только злее. И он умеет исчезать. Может он скрывается и притворяется, но такой маски я за жизнь ни разу не видел. Я рассказал ему про магию. Про Нарилию и кто мы такие. Я решил сам, но надеюсь, вы со мной согласитесь. Даже если после он станет нам врагом, так пусть знает нашу правду, пусть понимает, с кем собрался воевать.”

Подписи не было, но Глэн прекрасно знал почерк.

Он сунул руку в ку.

— Ян, что именно ты рассказал этому парню? Что ты узнал?

Ян рассказал. Стало понятней.

Ничего не стало понятней.

Цыгане пришли, они принесли еду и их воины ходили наравне с ними. Нимы восхищались “ручным зверям” цыган, их дети играли вместе. Глэн был согласен с тем, что примкнуть к Ассеям для беженцев лучше, чем блуждать одним, без продовольствия и защиты перед инквизиторами.

Но если инквизиторы настигнут их, смогут ли цыгане держать магию в секрете? Там, в крепости, Глэн начал отбиваться силой воды. Слов было недостаточно, он защищался. Он уже передал весть об этом в Архипелаг и в Сеадетт, потому что это было нарушением соглашения. Но встретил полное оправдание своих действий. Это была самооборона в условиях паники. Он не сделал ничего дурного.

Ему больше ничего не оставалось. Аштанар была ему как дочь, он бы скорее умер, чем отдал девочек этим варварам. Они не слушали его, хотя он убеждал их изо всей силы. У них был приказ.

Что ж, у него была сила стихии.

Глэн вспомнил стражников, которых заморозил.

Прогнал образы прочь.

— Ян, ты уже что-нибудь выяснил?

— Глэн, я осматриваюсь в местах, которые указал Клин. Да, здесь был сильный маг скалы. Я не узнаю след его магии. Пойду изучу город.

Значит Клин не врал в этом, но все также оставалось неясным, кто поднял крепость. Чьего блага добивался этот неизвестный? Что им теперь делать? Слишком много вопросов. А поговорить об этом не с кем.

Поток в его ку был спокоен, но говорить с Архипелагом без результатов было не о чем.

После концерта Аштанар замолчала. Они принесли ковер, и она будто стала как прежде. Зная то, что она сказала у реки, это было не удивительно. Раньше сказки были с ней неотрывно. Не стоило беспокоить ее еще больше.

Как и Магуи, та всегда просила не пугать ее и соглашалась с любым решением. Она была руками и голосом Аштанар, ее опорой и утешением. Но она не была воином. Сила этой

девушка была не в том, чтобы раздумывать о судьбах мира. Зато она умела развлекать детей тех, кто пытался убить ее незадолго до этого, и искренне об этих детях заботиться. Не стоило лишать ее сил.

С цыганами ситуация была обратной. После сказанного Эзобериеном, Глэн был уверен, что попытки обсудить с ними положение вещей приведет к беде.

Глэн уважал лесных магов, они были сродни Архипелагу. И ему было горько от того, что случилось с их народом. Напоминание Яна о Пороховой войне заставило его задуматься, а что бы он сам сделал.

Когда мир рушится и магия может исчезнуть. Когда нимы, понимая источник магических сил, отказываются от даров природы, вырубая деревья, истребляют животных, охотятся на магов. Когда повсюду взрывы.

Смог ли бы он поступить иначе?

Но теперь когда-то великая цивилизация выродилась в дикарей и цыган. Некоторые лесные маги перебрались в Сеадетт, остальные озлобились. Эзобериен до сих пор проявлял себя как хороший человек, но в нем, судя по словам Яна, были те же отчаяние и ярость.

Он снова коснулся ку.

— Да, Ян, я не буду доверять всем словам Эзобериена и задумаюсь, прежде чем передавать их на Архипелаг.

— Пожалуйста, Глэн, пока что ничего не сообщай. Город цел, гарнизон на месте, инквизиторов нет, я чувствую в городе следы силы других магов.

Глэн снова задумался. Это были хорошие новости для беженцев. Но что делать им самим?

Эзобериен ждал, что Астонор может как-то помочь понять и спасти лес. Она тоже в это верила, но насколько теперь это для нее важно — он не знал. Может быть традиции сказочниц и были ложью, но они работали.

Зато он кое-что знал про язык леса и мог предположить, чем может помочь Астонор. Язык природы не имел знакового начертания и был недоступен для понимания любым путем, кроме магии леса. Язык этот был в узорах коры деревьев, прожилках травы и листьев, шкурах, панцирях, перьях и чешуе животных. И в людях. Маги леса старших ладов могли читать людей. Может быть, они хотят что-то прочесть в Сказочнице.

Стоит ли им позволять это, только потому что этого хочет Предреченная? И не могло ли письмо быть хитрым планом заманить Ашганар в сердце Леса, подальше от Архипелага и других земель, где найдутся те, кто может защитить ее?

Эзобериен был честен и искренен, но он мог просто не знать об этом. Нужно было увидеть письмо. И Глэн знал, кто может в этом помочь.

Придя к этой мысли, он отправился к Эзобериену. Тот держался особняком от беженцев и цыган, в стороне даже от дома, где они все еще находились. Но дом хорошо просматривался с дерева, на раскидистой кроне которого обустроился лесовик.

Глэн показал ему записку Яна.

— Что ж, надеюсь, вы не потеряете своего ценного свидетеля. Ассеям я про Клина не сказал, как Ян посоветовал. К слову, что-нибудь слышно от него?

Глэн пожал плечами.

— Что означает твой жест?

— Мы думаем, что если сейчас начнем неосмотрительно действовать, это может спровоцировать конфликт. Большой и очень серьезный, связанный с народами, о которых ты

пока мало что знаешь. Ян что-то выяснил, но продолжает расследование. Я не готов рассказывать тебе, потому что боюсь, что все, что произошло с нами — часть чьего-то злого умысла.

— И вы не знаете, чьего?

— Эзобериен, я думаю, это мог быть твой народ.

— Да как ты мог вообразить такое?! Бальты хотят нас уничтожить, феллы помогают им всем чем могут, неужели и вы туда же?

Глэну пришлось использовать все доступное красноречие, чтобы успокоить лесовика. Нет, это не позиция его народа. Это собственные мысли Глэна, основанные на его трактовке значения сказок Аштанар, которым он делился с Эзобериеном в дороге. Он может ошибаться, но если он прав, целью письма, которое он не видел, но которое получил Эзобериен, было заманить Аштанар к Отрофон-Кессеям. Он не винит лесовика, но считает что его могли использовать. Он хочет увидеть письмо, может быть это поможет ему разобраться в своих сомнениях.

— Это не моя тайна. Я поговорю с Аштанар.

— Она снова молчит.

— Все же я найду способ.

— Хорошо, а я поговорю с Клином.

— Пожалуйста не рассказывай ему все, что ты сейчас мне наговорил. Вы считаете, что он не враг, может быть и так. Но он фелл, и уже знает слишком много.

— Знаешь, где его найти?

— Нет. Он ним, Ян. И его непросто увидеть.

— Что же, разыщу его сам.

Глэн отправился осмотреться.

Местные жители приняли беженцев. Как было не принять, они были соседями, здесь были старики и родственники городских. Все же нимы оставались людьми, даже без всего, чего были лишены. И эти люди узнавали его и радостно приветствовали.

Поток, неужели их глаза закрыты для тебя.

Поток, эти люди не знали, что еще вчера я сражался с некоторыми из их сограждан. Что бы они говорили тогда?

Глэн шел по улице, принимая слова благодарности, и замечал, как изменилось общее настроение.

Цыгане встали рядом с деревней. Вокруг были дозоры, но на улицах накрыли столы с угощением. Лерассы и деморги ходили между людей, нимы радовались ручным животным.

Дети играли вместе — дети цыган, местных и беженцев. Магуи и многие взрослые были с ними.

Глэн понимал, что где-то у цыган наверняка есть и драконы. Но их держат спрятанными.

Они соблюдали соглашение. Все было хорошо.

Клин был на улице. Он не менял облик со вчерашнего вечера, и, заметив Глэна, сразу пошел навстречу.

— Идем, у меня есть для тебя новости.

Раз уж повозка была безопасна, Глэн решил разговаривать в ней.

— Клин, мы думаем, что то, что ты знаешь, может пролить свет на ситуацию. Нам важно услышать то, что ты пережил, и я хотел бы, чтобы ты остался с нами. Ян уже

рассказал тебе, кого мы ищем. Сейчас он вернулся в Стебиндес, хочет узнать, что там произошло и какая обстановка сейчас в городе.

Парень улыбался. Где-то Глэн видел прежде эти глаза и улыбку.

— Я тоже хочу отправиться с вами. Но не готов идти рядом с тем, кто хочет меня убить.

— Клин, Эзобериен пока тебя не тронет, но будь с ним осторожен. Как я понял из рассказа Яна, ты уже знаешь, что это лесные маги остановили нимов и наверняка думаешь, что тогда пролилось много невинной крови. Да, Клин, так и было, война такова. Лесные маги могут читать природу, знать по ней, кто где был, и могут просить мир о помощи. Нимы не верили, что такие возможности не используют против них. Люди, которым не дано подчинить стихию, стремятся к власти над всем, до чего могут достать. Тогда была больше чем война с магами, они начали истреблять природу. Маги леса начали мешать нимам это сделать. Вмешались маги остальных стихий. В той войне, как и в любой другой, не было правых и неправых. Все это было очень сложно. И все сложно сейчас.

— Но что именно они сделали? Вы говорите без подробностей, я так и не понял, от чего вы хотите меня предостеречь. Что я могу услышать, если начну задавать вопросы в поисках других, как вы говорите, нимов, которые в курсе всего, что тогда было?

— Клин. Что ты знаешь о Творце?

— Понятно. То есть Эзобериену больно и поэтому я должен все ему простить. Но я ему пока даже ничего не сделал! А Эзобериен меня пытал. Мне тоже больно. Пусть простит меня за то, в чем нет моей вины, а я тогда прощу то, что он причинил мне. Раз он один из вас.

— В столице я достаточно поиграл в ваши игры, фелл. Замечаешь ты или нет, но ты говоришь, как представитель своего народа. Ты убеждаешь меня, чтобы Эзобериен выглядел для нас злом, чтобы он и помыслить не смел говорить что-то про тебя, поскольку это ты здесь настоящая жертва. Ты говоришь, что не имеешь с феллами связи, но так же лжив в своих речах. В тоннеле ты говорил, что у тебя был злой умысел, теперь говоришь, что вы с Фуксией творили добро.

Глэн внимательно следил за лицом Клина. Не похоже было, что обвинение или упоминание о трагически погибшей напарнице сколь-нибудь впечатлило его.

— Я говорил то, что хотели слышать от меня, потому что был беспомощен и пытался выжить.

— Я не знаю, что бы стал делать, будь я на твоём месте. Но я бы не стал лгать. Ты же уже знаешь, что маги Архипелага не врут?

— На самом деле, это многое объясняет. У меня постоянное ощущение, что я могу как-то особенно говорить с вами, да и говорите вы не то, чего следовало бы ожидать от вас.

— Огонь против Потока, феллы не хотят, а может и не могут понять, почему правда священна. Как и мне не дано понять, лживы твои речи или честны. Но я умею видеть и сравнивать то, что вижу с тем, чего мне стоило бы ожидать. И я точно знаю, чего не вижу. Ты не защищаешься.

— Ну и что?

— Значит тебе не страшно. Я представляю себя на твоём месте, и я был бы в ужасе. Все, что я знал — неправда. Ты один из народов, которыми управляют силы, недоступные для понимания. Твоя подруга и напарница умерла и не может подтвердить или опровергнуть твои слова. Ты пережил штурм города, который начался не без твоего влияния. А ты говоришь со мной, будто не боишься и последние дни тебе ничего серьезного не угрожало. Вот почему я сделал такой вывод.

— Если ты об этом, я не в порядке. Фуксия умерла почти у меня на глазах. Я сделал, что мог, чтобы избежать этого. Что мне оставалось? Помешать трясти крепость?

— Как это произошло?

— Когда ее схватили, я попытался спасти ее. Мы бежали прочь из города по тоннелю, потому что все бальты строят города с тоннелями. И на нее обрушился завал.

— Ты не виноват в этом.

Парень молчал. Его лицо ничего не выражало.

— Но мне почему-то плохо и, знаете, стыдно.

Они еще помолчали.

Потом Глэн сказал.

— Аштанар потеряла мать. Тоже несчастный случай. Она пока не знает, мы не смогли сказать ей. Ее мать, госпожа Камайн, сейчас с Потокком. Я говорю с ней, Ян говорит с ней, — Клин слушал, — Но госпожа Камайн совсем не та, кем была при жизни. Она теперь мелодия, не голос. Я слушаю ее мелодию и думаю, что это лишь наследие ужасной трагедии, а то, что было ее сердцем, отправилось куда-то дальше. Но все же мне грустно, что это произошло. Тебе бывает грустно, Клин?

— Нет. Но я понимаю, что люди грустят, — Его лицо исказилось, — Но я не понимаю, почему. Что толку в грусти? Зачем люди боятся? Злятся? Я пытался разобраться, найти пользу, или хотя бы ощутить то же, что вижу в других людях. А потом перестал. Все это приводит к ошибкам, все это лишнее.

Глэн не знал, почему люди созданы такими, каковы есть. У него даже не возникало подобных вопросов. Люди лишь часть Потока, и все, что происходит с ними, суть одно из состояний воды. Клин не знал песен Цикла Потока, но, похоже, пытался прислушаться.

— На Архипелаге мы считаем, что человек сам волен выбирать, какие чувства слушать. Кто-то верит страху, и становится боязливым. Кто-то идет за счастьем, и глух к страданиям других людей. Нет ответа тому, как вести себя, чтобы быть во всем правым. Все это части одной стихии. Как вода — она бывает клубящимся облаком и грозным штормом, застывшим льдом и сносящей все на своем пути горной лавиной. И ты тоже часть Потока, Клин, в тебе тоже есть грусть и радость, сомнение и страх.

— Я никогда не чувствовал страх.

Глэн задумался, каково это. Ему было очень страшно, когда его речей оказалось недостаточно перед лицом стражников, и пришлось силой защищать Аштанар и Магуи.

— Страх указывает путь там, где нет света. Он придает сил и помогает увидеть правду.

— Я прекрасно могу все это, не чувствуя страха.

— Все люди чувствуют, Клин. Почему ты — нет?

Кто и как бы не поиздевался над парнем, что он стал таким, одну очень редкую вещь он умел хорошо. Он не злился на тех, кто говорил ему что-то полезное.

— Ну, у вас пока что нет единого мнения на этот счет. Ты вот считаешь, это потому, что я — лживое бессовестное чудовище. Эзобериен — потому что меня так научили в специальной школе. Ян показывает, что он мне не враг, но я могу стать для вас таковым. А по мне, то, что я не боюсь, очень помогает выживать там, в моем мире, к которому вы, похоже, совсем не имеете отношения.

Он хотел продолжить, когда Магуи ворвалась в комнату.

— Они хотят забрать мальчика!

Глэн тут же сорвался с места и они побежали.

— Цыгане говорят, мальчик беженцев стал одним из лесных. Я играла с ними, когда среди нас оказался телепортист и сказал об этом. Я даже не успела заметить, что он стал магом! — Она задыхалась от бега, — Они там все разбираются, цыгане хотят забрать мальчика, говорят, что ему не нужна бусина, а Эзобериен кажется готов драться!

Впереди были крики и женский плач. Мальчик зим шести от роду обнимал мать, они оба громко плакали. Их заслоняли мужчина из числа беженцев и Эзобериен. А вокруг собрались цыгане.

Они совсем не выглядели мирными и благодушным.

Эзобериен озирался так, будто собирался сражаться со всем табором. Цыгане держались в стороне, одного взгляда лесовика хватало, чтобы они пока не смели приблизиться.

И здесь же были беженцы и деревенские жители.

Те, кто только что радовались Глэну и верили в него.

Те, кому он был очень нужен сейчас.

Больше не раздумывая, Глэн шагнул в круг свободного пространства вокруг этих четверых.

— Остановитесь! Что же вы делаете, братья мои и сестры. Случилось чудо среди нас, а вы не желаете видеть. Зачем вы праздновали без повода и остановились, когда произошло нечто прекрасное?

— Мы не дураки, Глэн. Это он, — Обличающий палец цыгана указывал на Эзобериена, — Начал волнения.

— Я знаю, что вы задумали. Вы собираетесь украсть ребенка! — выкрикнул лесовик.

Глэн видел барона. Тот стоял чуть в стороне, переговариваясь с магом в плаще с глубоким капюшоном. Во время речи Глэна он прервался и внимательно слушал. Когда Эзобериен закричал, барон подался вперед и сказал:

— Не украсть, а принять в мир, которому он принадлежит.

— Пусть вы так это называете, но среди вас собрат, который считает, что есть иной путь. Выслушали ли вы Эзобериена, прежде чем сражаться с ним? По вашим лицам я вижу, что вас не устроили его речи. Что ж, мы можем найти иной путь. Я понимаю вас, люди. Вы хотите защитить свой народ и видите мальчика, которого отныне тоже должны защищать и пестовать его. Но вы забыли об одном. Когда вкладываешь душу в дело очень сложно отстраниться и понять что не так с результатом. Вы взращиваете поле, на котором взойдут дурные всходы. Вы собираетесь разлучить этого мальчика с семьей. Может быть ему суждено стать одним из вас, а может быть нет. Вы же лишаете его выбора.

— Не вынуждай нас произносить те речи, которые мы не сможем исправить. Мы не заберем мальчика просто так, а выкупим и заберем туда, где ему будет самое место.

— Купите его, как скотину или вещь. Что с вами, неужели это путь разумных людей?

— Это путь людей, которых вы ведете. Ты, Ян, Эзобериен. Один из вас пропал, другой хочет драки, ты говоришь, что эти люди не правы? Что же они, по-твоему, не разумны? В этом мире у всего есть цена. Людей можно покупать и продавать, даже его родители согласны с этим. Мы готовы заплатить за ребенка, которого, более того, будем кормить и одевать, обучать и заботиться о нем.

Телепортист в плаще наблюдал молча. Он не вмешивался. Но Глэн прекрасно понимал, что все, о чем он хотел говорить с бароном и остальными цыганами, нельзя было говорить при них.

— Пусть те речи, что вы обращаете ко мне, коснутся сердца скорбящей матери, с груди

которой вы забираете дитя. Нельзя вершить судьбы людей вот так, на грани поединка. Я говорю вам, братья мои, опустите оружие. Сегодня в вашем народе праздник, с вами теперь новый ребенок. Дайте же всем радоваться событию, пусть продолжится угощение, люди, зачем нам драться, не лучше ли продолжить угощаться и танцевать?

— Глэн, я не считаю, что кто-либо прислушается к тебе, — Сказал Эзобериен, — Ты не знаешь того, что я. Слушай меня, барон! Мы помогли этим людям, и поможем им снова.

— Пока что твоя помощь во вред всем нам, Эзобериен, — отвечал барон, — Мы братья, но ты черная овца в этом стаде.

— Именно, барон, мы все братья, и от того любой из нас может помочь мальчику. Мы заберем всю семью и уведем туда, где они будут в безопасности, — Предложил Глэн.

— Вы начали с того, что цыгане злодеи, потому что хотят забрать ребенка, а пришли к тому, что вы хорошие, потому что хотите забрать трех человек, — Оскалился барон.

Кто-то засмеялся. Все обернулись на голос.

Клин вышел в круг.

— Пусть мальчику не место среди людей Стебиндеса. Хорошо, слушай меня, цыганский барон, я его покупаю.

Толстый кошель грузно звякнул на траву.

— Половина родителям, половина вам, чтобы оставили всех нас в покое.

— А может мы лучше убьем вас и заберем все деньги?

— Мой отец течение острова Ои. Вы понимаете, что это значит? — раздался голос Аштанар. Глэн и не заметил, что она тоже была здесь. Как была, не переодевшись после выступления. Она также вышла в круг, — Если вы соберетесь причинить нам вред, вот он, — Аштанар указала на Глэна, — передаст это на Архипелаг, и у вас будут серьезные проблемы.

Цыгане, возбужденные близостью драки, не желали внимать голосу разума.

Но князь слышал их. И должен был понимать, что Аштанар, выросшая на Архипелаге, не стала бы лгать. И все трое смогут справиться с одним зарвавшимся нимом.

Он вышел в круг и поднял кошель.

Посмотрел монеты и проверил на зуб.

— Здесь целое состояние, откуда оно у тебя? Почему ты решил, что мальчишка того стоит?

— Из него вырастет отличный воин на славу всем нам.

Цыгане захохотали, только мать мальчика охнула.

— Во славу Стебиндеса? Во славу этих людей? — Барон указал в сторону Эзобериена и Глэна, — Кто ты вообще такой, парень?

— Я — тот, кого вы не узнали в этом облике. Но вы знаете меня. Я воин, а вы — мое войско. Из-за меня плачут женщины в тайной тоске. Моим голосом поют звезды на небосклоне. Моими словами смельчаки говорят о подвиге и чести. Я — Чайка Гелата. И сегодня день моей радости. Я нашел себе ученика.

Глэн охнул. Ну конечно, вот почему парень показался ему знакомым.

Но как они могли его не узнать?

По лицам людей он понял, что имя известного барда было знакомо собравшимся. Барон вышел в круг и подал Клину руку:

— Тогда забирай его, мы согласны на такую честь, — Он сказал тише, так что могли расслышать лишь те, кто находился рядом, — Однако твои спутники выглядят такими же удивленными, как и все мы. Как это может быть?

— Они не знали, что я могу говорить так пафосно, уважаемый барон.

Тот расхохотался и похлопал Клину по плечу.

— Тогда надеюсь, ты споешь нам свои песни, уважаемый бард.

— С большим удовольствием. Но, как видите, мне нужно сначала переодеться и подготовиться.

Грациозно раскланявшись, Клину направился к родителям мальчика, а барон пошел делить деньги.

Глэн увидел, как Клину что-то шепнул отцу мальчика.

Тот кивнул, и Клину уверенным шагом пошел к людям, составляющим круг. Все они восторженно встречали его, Клину раскланивался и смущенно благодарил.

Глэн осмотрелся. Как будто все снова стало хорошо.

В голове не укладывалось.

Парень был известным бардом, а они встретили его, как травника. Что-то здесь было не так. Улучив момент, он шепнул Клину:

— Что ты сказал отцу мальчика?

— Я сказал забрать свою долю, собираться и идти на юго-восток, если хотят, чтобы сын был в безопасности. Я догоню их.

— А выступление?

Клину выразительно взглянул на него.

Глэн ничего не понял, но на всякий случай спросил:

— Почему ты решил, что нужно идти туда?

— Вы называете Эзобериена лесовиком. И именно Эзобериен ходил договариваться с цыганами. Мне показалось, он знает, куда еще можно отправить ребенка, если, как Ян говорил, здесь ему больше не место.

— Но как ты понял направление?

— Ян говорил, что ваши народы живут там, где нам плохо. А сейчас вы называли его лесовиком. В наших сказках, если знаешь, лесовики живут там, на юго-востоке.

Нет слов. Этот мальчишка, этот наглый юнец, уделал его.

Впрочем, если он и правда был Чайкой Гелата, он уделал всех.

Не зря феллов в землях нимов называют демонами. Демоны они и есть. Вот те самые, пылающие, как огонь, и опасные, как лезвия их знаменитых клинков.

Но сейчас Клину помог всем им. Демон был на их стороне.

— Тогда мы пойдем с тобой, поможем отвести мальчика. Я передам Эзобериену.

Клину кивнул и ушел за угол дома.

Глэн заглянул туда в полной уверенности, что парень опять растворился в воздухе.

Клину копался в заплечном мешке.

Что же, и им пора собираться.

Обернувшись, он столкнулся с Эзобериеном.

— Ассей воруют детей, у которых пробуждается магия леса. Магуи спрашивала, делают ли такое до сих пор лесные маги, я отвечаю.

Что ж, кое-что это объясняло. С тех пор как Роща Старейшин высохла, лесные маги рождались не только на территории лесовиков, но и на землях нимов.

— Но остальные дети, которые не маги, в безопасности?

— Да, Глэн. О чем ты говорил с Клином?

— Он сказал родителям мальчика идти на юго-восток, он собирается провести их к

вашему племени.

— Невозможно, родители нимы, их не пустят.

— Поэтому он предложил им, если хотят, жить где-то поблизости. И дал им на это деньги. Эбор, учитывая все, что случилось, я сказал Клину, что мы пойдём с ним.

— Ян сказал, да? — хмуро уточнил лесовик, — Ну что же, пусть будет так. Вы правы, и нужно поторопиться.

— Ох, я за всеми событиями совсем забыл узнать, как там Ян. Иди скорей к девушкам, их не стоит оставлять одних, а я поговорю с ним.

Глэн проверил ку. Поток призывал его.

— Глэн, послушай меня.

Он не сразу понял, что голос раздавался не от воды, а звучал из-за спины. Клин выглядел довольно серьёзным. Выражение лица не очень вязалось с рыжим париком, который он нацепил.

— Если барон действительно отдаст родителям мальчика его долю, я думал сказать им, что сын станет русалкой или вроде того, и что он не сможет жить на земле, но может иногда приходить к ним. Я не знаю, как все устроено в племени Эзобериена, но он ходит один и наверное мальчик тоже сможет, хотя бы когда вырастет.

Глэн вздохнул. Сил взглянуть парню в глаза не было.

— Это, это хороший план, парень. Знаешь, мы пожалуй выплатим тебе эти деньги. Нечего тебе было во все это влезать.

Клин не ответил. Оглядевшись, Глэн понял, что рядом никого нет.

Ладно, теперь точно пора была связаться с Яном.

Они поговорили. Глэн вкратце обрисовал ситуацию и их планы.

Сказанное Яном заставляло задуматься.

Стебиндес не был разрушен. Дома были целы, люди уже возвращались в них и ждали родных, которые покинули город по тоннелю.

Инквизиторов не было нигде в обозримой окрестности. Причина тому, что инквизиторы ушли, как сказали Яну в крепости, заключалась в том, что тело гадалки было выдано инквизиторам, которые его опознали и признали доказательством лояльности церкви Девяти.

Беженцы могли возвращаться.

Коменданта в Стебиндесе не было, как и казначея. Стражники пропустили его осмотреть комнаты обоих. Никаких следов того, что кто-то из них был магом, Ян не обнаружил.

Все потери среди населения города, исключая перечисленных, составляли десяток стражников, в том числе тех, что пострадали от водной магии Глэна.

Ян расспросил граждан Архипелага, что говорят на счет произошедшего. В Сеадетте провели расследование произошедшего, обнаружили след магии самого Яна под крепостью, признали следствием попытки незаметно покинуть город. В ходе расследования столичные маги узнали о приказе схватить Сказочницу, так что действия обоих магов списали на самооборону.

Счастье, что все обошлось.

О том, что крепость поднималась или опускалась, разговора не было.

Сам Ян, выслушав сообщенное Глэном, заключил, что пойдет к цыганам, сообщит новости беженцам и найдет Клину, если получится.

Закончив беседу, Глэн обнаружил, что все уже собрались и ждут только его. Он забрался в повозку.

Ян говорил с ним так, будто Глэн поступал хорошо и был во всем прав. Сам он вовсе не был в этом уверен.

Он чуть не допустил войны между лесными племенами. На глазах у нимов. Рассказал личные для Аштанар события ее прямому конкуренту и выдал ему же несколько важных тайн магов.

Теперь же они оставляли беженцев одних в руках цыган, которые были вовсе не так дружелюбны и безобидны, как могли подумать нимы.

Все это Глэн вывалил на спутников. Кроме смерти Камайн, это он расскажет лично своей госпоже и в другой обстановке.

Магуи рассудила, что зря они во все это лезут, и хорошо, что все закончилось. Беженцы в безопасности, город спасен, даже мальчик спасен. И хорошо, что теперь они свободны и Глэну больше не нужно изображать нима, а всем им общаться украдкой, опасаясь слежки цыган.

Аштанар написала, что очень зря они рассказали Клину так много, особенно про Нарилию, и что письмо она разрешает показать, раз им так надо.

Хотя бы она не обвиняла Глэна в том, что они не опознали Чайку Гелата сразу же. Запоздало Глэн вспомнил, что Клин не стремился говорить с Аштанар. Могла ли она догадаться раньше?

Ее белое лицо ничего не выражало, но в глазах была тоска.

Эзобериен высказал все, что он думает по поводу действий обоих магов, не выбирая выражений. Здоровое зерно его речи заключалось в том, что у пропавшего непонятно куда барда были теперь все знания, чтобы сильно насолить всем присутствующим. И они поверили нехорошему феллу. И неразумно обвиняют Отрофон-Кессеев в том, что те никогда не стали бы делать. И что последствия поступков касаются лично Зэбора, мнение которого никто даже не попытался спросить.

В этот раз Глэн не пытался его переубедить. Он сам относился к себе не лучше и чувствовал примерно тоже самое.

Сил не было даже на то, чтобы размышлять. Он мрачно смотрел в окно.

Родители мальчика действительно шли на юго-восток от деревни, повозка догнала их на дороге. Тепло поблагодарив всех собравшихся, они спросили:

— А где Чайка Гелата? Барон отдал нашу долю. Здесь достаточно не только, чтобы купить дом, здесь на целую деревню хватит. Нам правда столько не нужно, мы хотели вернуть хоть что-то.

Глэн вздохнул. Что бы не задумал Клин, его поступок вызывал у толмача чувство глубокого уважения.

— Госпожа, Чайка поручил мне говорить с тобой. Он выдумал для толпы, что мальчик отправится к нему в ученики. На самом деле, он... понимаешь, у твоего сына открылся необыкновенный дар. Его ждет великое будущее, но он, он как бы вроде русалки. Теперь его место совсем иное, для нас оно недоступно. Уважаемые, я понимаю, что это ваш ребенок. Но вы видели, что сегодня произошло. Скоро в мальчике начнут просыпаться способности, которым вы не будете знать причины и не сможете научить его, как поступить. Без этого однажды он не сможет дышать, как рыба на берегу, — В его голосе звучали кротость и сострадание, — Помните ли вы, кто защищал вас, кто был готов умереть за вас, стоять

против всего цыганского табора?

Женщина кивнула и посмотрела на Эзобериена.

— Его племя живет не очень далеко. Там знают, как ухаживать за русалками. Они помогут вашему сыну, но вам с ними жить нельзя, вы люди, которые живут на берегу.

— Тогда мы найдем дом на побережье, — Сказал отец мальчика.

— Да, и, благодаря господину Чайке, у вас есть деньги на это. В дороге же ни о чем не беспокойтесь, мы отвеем вас.

Эзобериен был мрачен. Но спорить не стал.

И письмо не показал, отметил Глэн.

Но кто знает, куда заведет их дорога.

Молодая женщина лет тридцати пяти стояла в кругу и говорила. На ней были надеты черная кожаная куртка с косым воротом и мужские штаны. На руке блестел браслет с бусинами всех пяти стихий.

— ...Поэтому не парьтесь, что вас или кого еще обидит Бальтрат или Фелле-тонд-налильюсвэседре. Еще раз, Гласо разоружен, в нем нет ни одного мага, всем в Бальтрате запрещено к нему приближаться. За всеми агентами огня ведется слежка, по моему приказу начата их перевербовка. Войны не будет.

Озори Фонна внимательно слушала ее и смотрела на нее во все глаза. Ей не нравилось то, что она слышит. Речь Нарилии не была речью дипломата или даже речью мага. Поговору она больше всего напоминала нимов. Может быть Предначертанная считала, что ее облик и манеры свидетельствовали о могуществе и мощи. Но пока что Матери Отрофон-Кессеев приходили лишь сообщения о том, что Нарилия выглядит чуждой и пугает при личном знакомстве. И теперь она своими глазами видела и слышала источник этих мнений. Ей не нравилось то, что она видит. Наконец она понимала, что пытались сказать в отчетах все агенты. Из всего увиденного ей понравились только штаны, потому что на них было много карманов.

Мать Отрофон-Кессеев слышала, что нимы и феллы заменяют поясные сумки карманами, но не догадывалась прежде, что их может быть так много на одном предмете одежды.

Нарилия договорила, и теперь от нее ждали ответа.

— Ваши речи звучат для всех нас как неоспоримое благо. Годами мы жили под гнетом вероятной и неодолимой агрессии этих стран, и счастливы слышать, что вы сделали так много для спасения всех народов мира. Мы верим в ваше могущество и готовы содействовать в предотвращении любой угрозы, — Слова лились свободным потоком, пока она формулировала для себя главное, — Однако поступают сообщения о том, что мир может содрогнуться от новой беды, древней силы, которая была заточена однажды, но по нашим сведениям теперь снова может вырваться на волю.

— Если вы намекаете на то, что я сняла запрет на ограничения работы наработок воздушных племен, то не переживайте. Контроль установлен. Скоро скажете спасибо, то, что они там мастерят, я называю будущим.

— Мой народ не знает о будущем и не принимает ответственность за все возможные последствия. Если у богов есть подобные способности и сила, это чудо для всех нас. Мы верим, что мир будет спасен вашей волей. Но Отрофон-Кесеи собирают знания. Мы помним, сколь ужасны были последствия использования воздушных технологий до времен вашего предшественника. Наш мир до сих пор хранит незаживающие шрамы, и скорбная память об этом — общее дело всех, кого вы видите здесь, и тех из нас, кто сейчас собирает для нас сведения, рассеянные по всему доступному нам миру. И насколько мы видим, вам не удалось залечить эти раны. Неужели и боги не всеильны?

— Технически, я не бог, но бог — мой брат. Что касается вашей проблемы, ну, я работаю над этим. Конкретно сейчас я, честно говоря, перепробовала все, что было в моем списке. Если у вас есть какие-то идеи, что еще можно сделать, давайте попробуем вместе.

— Нам известно, что вы призвали сказочницу Аштанар прийти к нам и помочь в

пробуждении Роши Старейшин. Если вы располагаете знаниями о том, как она способна помочь в этом деле, пожалуйста, поделитесь с нами и мы окажем Сказочнице любое содействие.

— Что? Я такого не говорила. Не знаю, откуда вы это взяли. — Предначертанная подняла палец, словно что-то вспомнила, — Кстати о разных идеях. Извините, что пробудила разум в Лан-Огаме, но так было надо. Теперь я его забираю, он мой друг. Вы потеряли этого лерасса, но я думаю, что как-нибудь переживете, у вас их еще много.

— Ваше могущество и мудрость вызывают глубокие чувства в душах моих соплеменников. Сотни лет мы ждали вашего пришествия как чуда, способного исцелить вековую скорбь нашего народа. Накопленные знания, как и произнесенные вами слова позволили нам понять, что этого чуда вы для нас совершить не можете. Однако любое наше содействие в интересах моего народа. Лан-Огам тоже часть его и будет вашим верным спутником. Любой из нас готов поступить так же, если вы желаете того. Мы были бы счастливы сопровождать вас и делиться накопленными знаниями.

— А вот этого не надо. Но знаете, я кое-что задумала. Сформулирую и расскажу всем, но чтобы вы не услышали от кого еще и не додумали что ни попадя, раз вы это любите. Прикиньте, — она пафосно развела руками, — Я сделаю такой город, в общем хороший город. И буду там жить. Приглашаю, а еще можете сделать там свое посольство. Ну, это когда часть народа живет на чужой территории, но ей ничто не угрожает и место, которое им выделено, считается их собственной территорией. В общем приходите, посмотрите, — На лице Предначертанной мелькнула тень сомнения, словно она не была уверена в сказанном, — Ладно, если у вас нет вопросов больше, я пойду.

И Нарилия исчезла прежде, чем Озори Фонна смогла сказать что-либо.

С ее исчезновением ропот прошел среди Отрофон-Кессеев.

Озори Фонна слушала своих соплеменников.

Она размышляла, что сказать им.

Нарилия пугала, но от того, что была чужестранкой.

Нет, более того, Предначертанная была существом, которое не принадлежало этому миру, это было видно даже не по ее облику или словам, это ощущение рождало нечто большее.

И не хотела принадлежать этому миру, судя по ее словам и действиям.

И сейчас ее легендарный образ, дававший надежду племени Отрофон-Кессеев и всем сочувствующим трагедии лесных магов, самым не почтительным способом трещал по швам.

Разговоры умолкли, соплеменники ждали, что скажет мать племени.

— Братья мои и сестры, вы слышали и видели то же, что я. Чуждость сквозит в речах Предначертанной, в ее стати и манере себя держать. Кто-то из вас видит в этом признаки силы и могущества, иные возмущены и, как я слышала, разочарованны. — Отрофон-Кессеи внимали ее речам, некоторые поникли головами, смущенные их смыслом, — Признаюсь вам, я сама отношусь к последним. Если бы Нарилия была человеком, я обвинила бы ее в манипуляциях, не принятии ответственности за свои решения, черствости и грубости.

Вздых пронесся среди соплеменников, страх был в их лицах. Озори Фонна продолжила:

— Но она бог, а боги, как мы знаем из истории нашего с вами мира и собственного горького опыта нашего народа, не всеильны. Все же Нарилии не свойственна гордыня. При всех нечеловеческих возможностях она говорит, что лишь сестра божья. Братья и сестры, мы обязаны понять скрытый смысл ее слов. Мы должны помочь Предначертанной, говорит она

об этом или нет. Вы слышали ее речи, и видите, что они правдивы. Город-крепость покинут, агрессия феллов предотвращается, а Нарилия явилась меж нами, чтобы говорить, безо всякой охраны. Она говорит, что пока не способна излечить нашу боль. Но она старается, вы видели это. Поэтому мы обязаны ей помочь. Я прошу Старейшин изучить деревья и обдумать следующие шаги. Я прошу всех вас передать услышанное тем нашим соплеменникам, которые не могли знать сами. — Она горько добавила, — Кроме Эзобериена, с ним я разберусь сама.

Она слушала соплеменником, принимая их опасения и сомнения как свои, а сама продолжала размышлять. Она прекрасно знала границы возможностей ее народа в выяснении знаний о происходящем в мире.

Белых пятен на карте становилось все больше. Все меньше лесных магов были согласны поддерживать сбор знаний о мире на землях Отрофон-Кессеев. Озори Фонна не винила их. До Раскола маги леса знали даже слишком много. Ее далекие предки совершили ошибку, перечеркнув традиции лесных магов, и навсегда потеряли доверие остального мира. Объединив усилия, они нарушили равновесие мира. Ее предшественникам не хватало знаний о том, что делать с такими возможностями.

Никому из людей не доступно будущее. И в той ситуации остальные народы поначалу делали все возможное лишь ради восстановления баланса. То были черные времена для всего мира. И как спасение явился Творец. Этот человек, наделенный невероятной силой, встал на защиту притесняемых стихий, и был он столь убедителен, что две из трех ветвей лесных племен — Джокеи, равнинные маги, и Ассеи, кочевые племена — перешли на его сторону, бросив Кессеев практически без защиты.

Тогда и произошел Раскол, что перевернул мир и наконец показал магам стихий настоящее лицо Творца. Большинство Кессеев посчитали его дальнейшую участь достаточным отмщением, но не ее народ. Отрофон-Кессеи происходили своими корнями от тех, кто желал помнить причиненный их народу вред и остался жить на руинах сгоревшего города-древа.

И теперь эти маги, ее народ, как и она сама, пытались понять, к чему приведет пришествие Предначертанной. Как заглянуть в будущее, зная лишь прошлое?

Она гладила своего лерасса, оставляя на нем сообщение.

“Слова Предначертанной указывают, что ее поддерживает Сеадетт. Раз Нарилия предприняла жесткие меры по поводу экспансия огненных и земных в такой короткий срок, у нее есть свобода действий в столице. Выясните, ограничивает ли кто-либо свободу Предначертанной. Она забрала Лан-Огана и собирает технологии воздушных магов, необходимо узнать ее цель. Начните с первой башни, без информации от Эланор о перемещениях магов по миру такая сила попросту невозможна.”

Она наказала своему лерассу Кои бежать прямо к совету.

Было еще дело, которым следовало заняться ей самой.

Один из соплеменников возмущал ее. Из отчетов Зэбора следовало, что Аштанар чуть ли не ключ пониманию Леса, и на этом основании он который день рассказывал Сказочнице и ее спутникам секреты лесного народа. Водным магам, которые не умеют лгать и не хотят научиться. Водным магам, которые ходят среди нимов, постоянно связаны со своим народом

и беззащитны перед агентами феллов.

Нарилия сказала, что эти сведения были получены не от нее. Но если не воля великой богини, то что направляло этого нима?

Она призвала следопытов.

— Эзобериен и его спутники идут сюда. Схватите их. Будьте осторожны, — сказала она. Ей было очень горько.

Видят деревья, Зэбор не искал плодов перводрева или особого места в племени. Она сама дала ему все это. Когда увидела, что среди Отрофон-Кессеев вырос тот, кто чужд магии.

До последних событий следопыт оправдывал возложенные на него надежды Озори Фонны. Зэбор упорно учился и постигал с большим трудом то, что было дано всем его соплеменникам, лесным магам. И он был полезен племени — хорошо читал следы, его нельзя было застать врасплох, он умел указать, когда прошли чужаки и куда направились еще до того, как соплеменники спросят природу.

Что же, посланный ею отряд тоже прекрасно его знал. Отрофон-Кессеи переняли методы Зэбора. Когда-то он вернул древнюю традицию, способ встреч с чужаками.

Она помнила, как напугали ее слухи о том, каким был в патруле. Без предупреждений, без переговоров он возникал среди полумрака леса, направлял копьё прямо в грудь чужаку и лишь после этого начинал переговоры.

Сначала соплеменники были в панике от такой жестокости. Но чужаки из страха перед ним покидали земли племени, и стычек было меньше, и проливалось меньше крови. Что же, время ему еще раз помочь своему племени.

Кои вернулся, и она попросила:

— Когда приведут Зэбора, позови меня. Пусть никто не говорит с ним, я все сделаю сама.

Сказав так, Озори Фонна пошла к алтарю.

В сердце леса, где обитали Отрофон-Кессеи, высился Отрофонек. Город-дерево рос вместе с лесом и по преданиям вырастал настолько, чтобы с его кроны можно было видеть весь лес, и такого обхвата ствола, чтобы стоя у его подножья удавалось увидеть только девять деревьев окрест. В центре полого ствола Отрофонек когда-то в древности зеленела Роща Старейшин — место, куда маги пятого лада лесной стихии приходили, чтобы наконец обрести покой. Место, где они могли сродниться с природой, где их корни срастались с предками. Месте, где серые, лишенные коры, мертвые деревья стоят уже шесть сотен лет не шелохнувшись, целые до последней веточки и высохших до прожилок листочков.

Отрофонек умер вместе с Рощей Старейшин.

Озори Фонна шла к дереву. В руках у нее раскрывались живые цветы. Она направлялась к алтарю, сооруженному Отрофон-Кессеями в том месте корневища города-дерева, где когда-то его расщепил Раскол. Озори Фонне было горько и грустно, как и ее предкам, и предкам ее предков, которые соорудили этот алтарь как место может погрузить и посидеть в покое.

Возложив цветы на алтарь, Озори Фонна присела на каменный монолит. Могла ли она предотвратить случившееся?

Зэбор был вечным ребенком, сиротой племени, без крова среди тех, чей кров разрушен. Без способности читать на языке леса Зэбор не мог и писать на нем, был вынужден запоминать и записывать все присущее и переменное. То, что было доступно всем вокруг него. Озори Фонна не знала, как научить свой народ тому, почему Зэбор выглядел глупцом. Она могла лишь просить заботиться о нем.

В племени, где все были друг другу как братья и сестры, ей пришлось просить о заботе для не Зэбора. Да, она отметила его, но что ей оставалось? Зэбор не пытался обсуждать того, что лес не говорит с ним, и его соплеменники не говорили с ним об этом, но от того, что жалели и не понимали его. Зэбор был один там, где иных одиноких не было.

Поэтому Озори Фонна велела отвечать на все его вопросы, даже самые детские и странные. И Отрофон-Кессеи верили ей. Читали Зэбору память леса, рассказывали растения и животных столько, когда тот просил.

Но видно она ошиблись. Не дала ему того, что было ему нужно. Сейчас Озори Фонна винила себя в поступках, которые совершал следопыт. Язык природы был для лесных магов естественным, как пища и небо над головой, никому и в голову не приходило дать поддержку и сочувствие. Понимай он язык леса, мог бы и сам разобраться. Но могла ли она понять, какого это? Чего ей не хватило, чтобы предотвратить предательство Эзоberiена?

Она надеялась, что видит его будущее. Эзоberiена был расчетливый, умел замечать то, что не видели иные. И он был Отрофон-Кессеем, являясь при этом нимом. Однажды он мог пересечь границы гор и узнать, что происходит в племенах воздушных, там, куда не мог пройти ни один маг леса. Как ей не хватало этой возможности сейчас.

Лерасс пришел за ней, и она пошла взглянуть на предателя своими глазами. Их было семеро, как она и ожидала. Все они стояли на коленях, глядя в землю, как полагалось пришельцам.

Седовласый маг Архипелага. Следопыты хорошо выполнили задание, у него не было и следа воды.

Сказочница, одетая как для выступления. Белые волосы разметались по траве, слышны были ее судорожные всхлипы.

Ним с Архипелага, медноволосая женщина. Та самая, которая выведывала у Зэбора традиции его народа и цель его задания.

Пара нимов из Стебиндеса, которые не отпустили своего ребенка.

Маленький мальчик, только открывший в себе лесную стихию.

И Зэбор, лица которого она не видела и не хотела видеть.

— Дитя, ты можешь встать. Как тебя зовут?

Мальчик поднялся с колен.

— Я Мариэн, уважаемая королева русалок.

— Мариэн, ты говоришь с матерью лесных магов, мудрой Нозорией Фонной, — провозгласил старейшина Гэллэхэн.

В детских глазах было удивление.

— Так вы не русалки?

— Нет, юный Мариэн, — тепло улыбнулась Озори Фонна, — Не верь тому, что сказали твоим родителям эти люди. Ты сегодня стал магом леса, теперь ты навсегда един с ним. Ты научишься языку птиц и зверей, поймешь устройство всякого цветка или побега, тайну рождения и смерти, способ дыхания и путь мысли в каждом теле живом. Мы научим тебя, а когда вырастешь, ты выберешь себе племя среди лесных магов и оно станет для тебя новой семьей. Но сейчас ты должен послушаться меня и уйти отсюда, пока я говорю с твоими родителями.

— Уведите его, — кратко добавила она.

Очарованный мальчик почти не сопротивлялся.

Парой минут позже его родителей увели в обратном направлении.

— Почему мальчик считал, что идет к русалкам? Отвечай мне, Эзобериен.

— Мы так сказали его родителям, чтобы соблюсти соглашение, — хрипло вымолвил он, не поднимая глаз, — Ассеи хотели разлучить семью, мы придумали поступить так.

— Это была твоя идея? Ты сам определил их путь?

— Фелла, это была идея фелла... — тихо сказал следопыт.

— И где он сейчас, этот фелл?

— Сбежал.

— Мы уже сообщили Ассеям, — вмешался Ллойт, — Если он еще с ними, мы найдем поганого фелла.

— Эзобериен, знаешь ли ты, где еще нам нужно искать его?

— Нет, — тихо прошепелестели его губы.

— Я не слышу тебя.

— Нет, — он поднял голос.

— Ты понял, почему предстал сегодня перед своим племенем скованным?

— Нет, — глухо ответил Зэбор.

— Мы ничего не стали говорить ему, мать леса, — добавил Ллойт, — Мы помним, что вы всегда сами ему все говорили.

Почему-то она не хотела сразу сказать про Нарилию.

— Эзобериен, ты знаешь, что маги скрываются от нимов. И все же ты привел этих двоих к нашему порогу. Может быть это не твоя вина, но ты что, поверил феллу?

— Я не участвовал в этом, — голос Зэбора дрожал, — Мне нужно защищать этих девушек, Ашганар и Магуи.

— Кому же ты поручил сказать нимама, что они идут к русалкам?

— Глэну, госпожа.

Седовласый маг поднял голову:

— Справедливости ради, Зэбор вообще не участвовал в этом.

— Так ты сказал родителям ребенка, что вы ведете их к русалкам?

— Да, госпожа.

Она сощурила глаза

— Но ты знал, куда вы идете на самом деле?

— Да, госпожа, — выдавил Глэн, его лицо стало испуганным.

— А я надеялась, что вводные маги все еще верны себе и говорят правду. Что же, сегодня все мы, братья мои и сестры, получили доказательство обратного.

— Госпожа, вы не так поняли...

— Достаточно. Здесь я решаю, кому говорить, а кому молчать. Ты доверился феллу, Эзобериен. Лживому, поганому феллу. Пусть он обманул жителей Архипелага, но как ты мог поверить ему?

— Нет.

— Как это нет, разве это не ты написал, что приведешь его с нами?

— Я не имел в виду сам лес. И с нимами тоже. Я...

— Эзобериен, что мы делаем, когда фелл нас обманывает?

— Отнимаем жизнь.

— Что сказал тебе фелл в тоннеле? Не отпирайся, ты писал нам об этом. Он сказал, что он зло и пришел разрушить город. Ты заставил его сознаться в том, что он учился в столичной академии, а потом что?

— Я отпустил его, но...

— Но на следующий день фелл сказал, что на самом деле хороший, и остался жив. Эзобериен, почему это произошло?

— Уважаемая госпожа, — быстро говорила медноволосая девушка, — Я не знаю того, как именно Чайка Гелата убедил Яна и Глэна, но сегодня на площади он заступился за нас. Он отдал целый кошель золота...

— Своего золота? Когда Зэбор допрашивал его, фелла полностью раздели. При нем не было денег. Он украл это золото? Может быть, взял его у наших друзей Ассеев, которые пришли к городу к вам на выручку? Или у беженцев? Кто-нибудь из вас хотя бы задумался, что произойдет, когда обман вскроется?

Глаза Магуи расширились, она не отводила взгляд от Озори Фонны.

— Госпожа, я не думаю, что... Он, он бард, он целитель, он мог заработать деньги.

— Так он бард или целитель? Хороший или плохой? Лучше помолчи, дитя, раз сама говоришь, что не знаешь, во что лезешь. Обдумай лучше вот что, вы доверились феллу, а разбираться с последствием беззащитным беженцам-нимам, которых цыгане обвинят. И нам, потому что это ты, Эзобериен, затеял весь конфликт с ребенком.

— Я готов... — начал Зэбор.

— Молчи, молчи, или твои следующие слова будут последними! — гнев проснулся в ней, — Молчи, когда я говорю, Эзобериен! Я доверила тебе ответственное задание. Ты должен был отправиться в места, куда не может зайти ни один Отрофон-Кессей. И что ты сделал? Самовольно изменил цель своей задачи, лишив нас единственной возможности узнать о том, что происходит на Архипелаге. Думаешь, этого хотела от тебя Предреченная? Мы все только что говорили с ней, Эзобериен. Она пришла сюда, вот прямо сюда, сама. И она сказала, что Аштанар не поможет спасти лес. Богиня сказала нам, что она такого не говорила. Ты солгал. Что ты на это скажешь?

Зэбор задрожал. Боль пронзила Озори Фонну.

— А я понимаю, что произошло. Ты теперь с ними. Связался с компанией магов воды, и плясешь под их дудку. Рассказываешь им наверное все, чему мы тебя учили, верно ведь, а, Эзобериен? Ты простил, что один из них скальный воин? Что они дали тебе? Ты вырос с нами, мы доверяли тебе, мы были твоей семьей!

— Зэбор, скажи ей, что все совсем не так! — воскликнула Магуи.

— Ты знаешь его племенное имя, — отдельно сказала Озори Фонна. — Откуда ты знаешь его племенное имя?

Щеки девушки пылали. Она выкрикнула:

— Как будто я не понимаю, что вы ему сказали?! Эзобериен, вы так называли его. Эзобериен имя для других народов, не для соплеменников. Вы уже выгнали его из племени, до того, как начали расспрашивать. Вам плевать, что он ответит, лишь бы выпороть тут при всех.

Ллойт пихнул ее в спину, и девушка задохнулась словами.

— Учись отвечать на вопрос, который тебе задают. Откуда ты знаешь его племенное имя?

Девушка молчала.

— Старик, говори мне, откуда она знает племенное имя Эзобериена?

Глэн молчал.

— Аштанар?

Сказочница уже не плакала. Она дернулась, когда произнесли ее имя, но тоже ничего не ответила.

— Эзобериен?

Молчание было ей ответом.

— Ты, гнусный предатель! Так теперь они твое племя? Нашел себе ручного фелла, которого не можешь контролировать, и который использует выходцев Архипелага, как хочет. Два дня нес какую-то ахинею, опоздал на встречу с богиней, — распалаясь Озори Фонна. Все сомнения, вся боль вспыхнули в ней, — Ты предал нас, ты хоть понимаешь, что ты наделал?! Выдавал им наши секреты, и кому, водным магам! Проще только на дерево забраться и с него кричать. Чем мы заслужили это? Ты! Убедил нас, что эта девка путь к пониманию леса! Два дня какой-то мути про китов и обезьян, про людей в пустыне! Потом написал, что будешь теперь с водными спасать мир, потому что, — У нее перехватило дыхание, — Потому что дело в архетипах, сказки внутри нас, а узор на юбке похож на то, как ты язык леса представляешь! Засветился в городе, вертелся вокруг нимов! Без переодевания, даже не пытаюсь скрыть, кто ты такой! Ассей пришли тебе на помощь, что ты сделал! Рассказал, что Предреченная нарушает соглашение! Чуть не вызывал там побоище! Помог феллу похитить ребенка! Обманул мальчика!

— Говорите! — заорал Зэбор, — Скажите же что-нибудь, или они убьют вас!

Отрофонек молчал, он был мертв, но деревья вокруг него жили.

В тот же миг вековой дуб, послушный матери Отрофон-Кессеев, тяжело ударил следопыта по затылку.

Тот упал без движения.

— А не класть ли вам рыбу, уважаемая, — Раздалось в наступившей тишине. Бородач выпрямился, попытался встать, но чуть не упал, — Раз уж вы сразу от него отrekliсь, какое вам теперь-то дело до того, что им двигало? Я понимаю, почему он вам не нравился. Самый вредный и подозрительный тип из тех, кого я встречал. Я с открытой душой пытался поговорить с ним, рассказать о знаниях, накопленных сказочниками, и что? Он смотрел себе волком и молчал! Бросался на Яна, как какое-то хищное животное, — его голос прерывался, — Скрывался от нимов, подгонял нас, жрал отдельно, спал отдельно...

— Он не доверял нам, мы насилу переубедили его хотя бы рассказать, почему такая спешка, — прохныкала рыжеволосая, Магуи.

Озори Фонна смотрела на разбитый затылок следопыта. Смогла ли она рассчитать удар? Тот же метод использовал Зэбор, если нужно было допросить группу пленных. Ей было очень страшно за мальчика.

Он закричал, и она решила действовать немедленно, пока кто-нибудь другой не ткнул его копьем.

Но водные маги наконец начали говорить, и она ничем не выдала охватившего его волнения.

— Да, его донесения вам звучат дико и странно. Да, мы доверились феллу и ошиблись. Ошиблись мы все, понимаете? Убедили Эзобериена, а ведь мы, мы... — Магуи говорила сквозь слезы, — Они сначала его вот так же скрутили. Только Аштанар отчего-то сразу ему поверила, а потом ничего нам не говорила, этот гад взял с нее обещание, что будет молчать о том, что они тогда обсуждали.

— Вот этот, этот ваш чурбан несговорчивый, — выл Глэн, — Он понял нас, он видел, что мы скорее костями ляжем, чем отдадим нашу малышку. Да, он нам рассказал, какая у

него цель. Даже собирался показать ваше драгоценное письмо. Но разве он настолько неправ, чтобы вот так хладнокровно убивать?

Оба говорили разом, голоса перебивали друг друга. Переплетали и складывались в одно целое.

— Вы же не такие, вы вырастили его! Мы ехали к вам без опаски, потому что думали, что Зэбор один из вас! Он не убил Яна, когда мог. Скального воина, хотя мы понимали, что он боится его и ненавидит. Он был лучше вас.

— Будь бы с нами Ян, может быть вы не скрутили бы нас так просто. И Зэбора вы бы не скрутили, если бы не был таким уставшим.

— Он берег нас, он был лучше вас, он выводил людей из города, вернулся в Стебиндес за нами. Поменяйся вы местами, он бы не стал судить столь жестоко!

— И да, это мы решили, что будем спасать мир. Зэбор не говорил этого нам, мы сами так решили.

— Он собирался ехать по следу Нарилии только с девушкой, которая была указана в письме, без поддержки, один. Один, вы понимаете! Да он и с самого начала был один. Почему он был один?!

— Да, он рассказал нам об идеях ассеев, рассказал про Трагсруд. Нам, не Архипелагу. Он был виноват лишь тем, что доверился нам и защищал.

Со стороны Зэбора послышался слабый стон.

Живой.

Кто-то из следопытов направился к лежащему следопыту, Глэн к криком ринулся наперерез, они сцепились и упали. И тут Аштанар заговорила, перекрывая весь шум, вызванный потасовкой:

— Прочитайте письмо. Оно было при нем и теперь должно быть у вас, так ведь? Нарилия пишет, что он из моей сказки. Вы не понимаете? Мы с Зэбором связаны навек, мать Леса. Мы можем не знать друг друга, блуждать в тенях, но мы с ним связаны. Мы две души с одной дорогой. И воля богини свела нас, и это вы можете проверить. Да, вы ничего этого не знали, но он тоже. И все же он верил мне, и верил в меня. Эзобериен считал, а может и сейчас еще верит, что я могу помочь вам. Он убедил меня, убедил всех нас. В вашей воле теперь помочь мне. Если он умрет, убейте и меня, так наши души будут искать новый путь вместе и может быть нам проще будет встретиться дальше, за гранью.

Изумление было на лицах ее спутников. Пытаясь вернуть спокойствие, Озори Фонна спросила:

— Что ты говоришь такое, дочь воды?

— Она не дочь воды. Вы видите это, и не называйте ее так. — Влезла Магуи, — Мы нимы. Знаешь ли ты, что такое быть нимом, ты, могучий маг? Вчера нас с Аштанар хотели отдать на растерзание еретикам, как выкуп за город.

— Потому что такова жизнь нимов, госпожа, — вступился Глэн, — Кошмар вашего народа остался в далеком прошлом, и пока вы скорбите о его наследии, нимы живут в кошмаре каждый день своей жизни. Мы были там, мы прошли через огонь, и мы выбрались живыми. Потому что Зэбор вывел нас. Если хочешь знать, что мы передали о вас своим соплеменникам — ничего. Мы ничего им не сказали, и собирались что-либо говорить, только когда обсудим с Зэбором. Потому что Зэбор защищал нас от войны, и тот фелл, которого вы так поносите, защищал нас от войны. Там, на площади. Когда нимы были готовы продавать ребенка, как скот, и ваши друзья Ассеи были с этим согласны. Не вина

Зэбора, что он попытался пресечь это. Я бы тоже попытался, будь на его месте. Но моего красноречия не хватало. И лишь поганый фелл смог сделать так, что соглашение осталось нерушимым и не случилось кровопролитие. Мы разные по крови, я маг, они нет. Но мы тоже не хотим войны и смертей. Если Зэбор и сказал что-то лишнее — мы готовы поклясться, что не передадим его слова, как не сказали Архипелагу то, что мы пережили.

— Довольно! Я верю вам. Скорее, помогите ему, — велела Озори Фонна.

Зэбора подняли и унесли. Озори Фонна вглядывалась в бледное лицо, искала глазами в переплетении кос.

Крови не было.

На мгновение она испугалась, что стала кем-то, кто может лишиться жизни, не вынося приговора.

По ее знаку всех отпустили. Водные не спешили вставать с колен.

Она смотрела на магов Архипелага. Они были слишком напуганы. Они были союзниками Зэбора, но сейчас они были далеки от того, чтобы защищать идеи Отрофон-Кессеев.

— Мы услышали правду и благодарим вас за это. Надеюсь, вы простите мне тот спектакль, что пришлось разыграть перед вами, — Она тепло улыбнулась, — Я очень рада вашим речам. Что бы не произошло между вами, вы искренне любите нашего брата. Вы спасли мирных жителей Стебиндера и предотвратили столкновение с Ассеями. Вас обманул фелл, но вы сделали выводы, и больше не станете доверять ему. Добрые жители Архипелага, все мы здесь — семья Зэбора. Мы не отказывались от него. Эзобериен это имя для посторонних, я использовала его, потому что считала, что вы для него — чужие. Ваши слова убедили меня в обратном. Вы сродни ему, пережитое сплотило вас. А значит вы отныне часть нашей семьи.

— Благодарим вас на добром слове, — отвечал Глэн. Он с трудом поднялся с колен, Магуи поддержала его, — Мы пережили много волнений и не находим подходящих речей. Мать леса, пожалуйста, позвольте нам отдохнуть.

— Они тепло попрощались и Озори Фонна распорядилась выделить им покои и привезти все их вещи.

Все закончилось благополучно.

Нельзя врать так складно. Как бы ни обстояли дела, Зэбор был верен Отрофон-Кессеям, и они смогли убедиться в этом это без лишних жертв.

Была ли Нарилия виновна в сложившейся ситуации? На миг по спине Озори Фоннь пробежал холодок, стоило ей подумать об этом.

Нужно изучить письмо. Все внимательно перечитать, выслушать истории всех этих людей и выяснить это.

Но само подозрение оказалось последней каплей.

Озори Фонна перенесла встречу со старейшинами.

Ей было очень плохо.

Этого нельзя было показывать соплеменникам.

Все прошло так, как и должно было быть. Она знала, что делала.

Но тот миг, когда она боялась, что случайно убила Зэбора, не покидал ее.

Озори Фонна проследовала в свои покои.

Упала на кровать и долго плакала.

Лерасс прижался к ней, мурлыкал и утешал.

Хотелось просто остаться вот так, не принимать решения, не нести ответственности. Уснуть. Чтобы пришествие Предреченной и вообще вся ее жизнь оказалось наутро кошмарным сном.

Озори Фонна не могла выносить больше так много.

Впрочем может ей и не придется.

Пришла Предреченная, и наступили времена последние.

Но что будет дальше, было для нее сокрыто.

Волк мурлыкал, Озори Фонна гладила теплую шерсть и постепенно успокаивалась.

Она поговорит с Зэбором, все ему объяснит.

Он был Отрофон-Кессеем, человеком ее народа.

Сегодня ему было больно. Но он должен был понять, никак невозможно, чтобы не понял.

Она представляла, как он обрадуется, когда узнает, что весь кошмар позади и все будет, как прежде.

Скоро ей пришлось покинуть сладкие грезы.

Нужно еще было поговорить с родителями Зэбора.

Тихо. Холодно. Жестко.

Аштанар проснулась в мертвом дереве. Как она все же смогла уснуть? Как ей все-таки удалось уснуть после всего, что они пережили за последние дни?

Ей было больно. В груди поселилась боль, а слез, чтобы выпустить ее, не осталось. Не хотелось есть, а пить не предлагали.

О них заботились уже вчера, перед ней постелили ковер, выслушали ее короткую сказку и больше не вынуждали говорить. Отвели внутрь Отрофонека, долго вели по спирали дерева, выделили комнаты среди жителей племени. Обещали, что мать Отрофон-Кессеев, которую им разрешили называть Озори Фонной, примет их наутро. Но им не давали ни капли воды. У нее не было сил помочь своим спутникам. У нее не было даже сил помочь самой себе.

Она молчала. Молчала, но не могла больше слушать Глэна и Магуи, не хотела следующего дня. Нужно было лишь, чтобы эта странная тупая боль в груди куда-то ушла.

Аштанар молилась. Кем бы ни были боги, они сотворили мир. Все подчинялось их законам, и маги видели эти законы и плоды их трудов. Она лежала в мягкой кровати, укрытая пушистыми шкурами, и ей было неприятно каждое касание на ее коже. Она молилась всю ночь, пустыми глазами глядя в древесный потолок. Молилась Поток, который вел всех людей на земле. Молилась течениям Архипелага, умоляла, чтобы их мудростью и силами всего этого не произошло со всеми ними. В своих мыслях она уплыла далеко-далеко. Это было ей знакомо, это было понятно и привычно, витать где-то среди облаков. Струиться дождем. Прорасти вместе с солнцем по утрам. Лететь по космосу ракетой. Она была сказочницей, ее работа, ее роль в жизни заключалась в том, чтобы уходить в это прекрасное и далекое. И без разницы, насколько странным ей казалось происходящее — она рассказывала свои сказки тем, кто слышал их и толковал. Сейчас она надеялась, что Поток истолкует ее и примет их всех. А затем она как-то смогла уснуть.

Отрофон-Кессееи сдержали обещание. Утром, сразу как они проснулись, их повели к Озори Фонне. Дорогу застелили ковром, мать леса приветствовала их. Она сказала, что Зэбор поправляется и скоро они смогут его увидеть. Родителей нового лесного мага, мальчика из Стебиндеса, даже пустили жить с сыном, потому что они и так узнали слишком много, проще было просто позволить им жить в племени хотя бы на то время, пока учится их ребенок. При условии, что будут уважать традиции и научатся правильно вести себя с лерассами.

И Озори Фонна сказала:

— Друзья мои, вчера я говорила с советом и рада сообщить вам хорошие вести. Все вы теперь посольство Архипелага на землях Отрофон-Кессеев. Наш дом теперь ваш дом, мы пустим всех, кого вы попросите и готовы оказывать вам любую помощь.

— Но вы не даете нам и капли воды, — сказал Глэн.

— Это была необходимость, поскольку события, происходящие в мире и с вами, касаются каждого. Вас, мое племя, Архипелаг, Бальтрат, Сеадетт, Нарилию, и весь остальной мир. Мы не могли допустить, чтобы вы передали соотечественникам лишь произошедшее и наше недовольство, но не выводы, которые мы сделали для себя. Все произошедшее вчера было большим недоразумением, мы надеемся, что более подробное изучение тех событий прольет свет на правду, которую вы, жители Архипелага, так цените, и

позволит решить ту общую проблему моего племени, память о которой вела вас все эти дни. Аштанар, Глэн, Магуи, простите нас за вчерашнее, но вы должны понять нас. Мы боялись того, что Зэбор нас предал и того, что он мог рассказать о нас вам, а вы передать иным жителям Архипелага. Вы принимаете у себя Бальтрат, на ваших землях их города и крепости. То, что знает Архипелаг, узнают и они. Мы не могли допустить этого. Поймите нас и простите за боль, пережитую вами. Теперь же мы сказали вам свое решение и просим вас о помощи.

— Как мы можем помочь вам, мать леса? — спросил Глэн. Ответ, состоящий из краткого вопроса по существу, был нарушением дипломатических традиций, но...

Но Аштанар тоже не стала бы говорить всего того, что подобалось.

Он был голосом разума Аштанар долгие годы.

Но он еще не знал, она все еще никому не сказала.

— Это вы нам скажите, уважаемые жители Архипелага, — ответила Озори Фонна.

Глэн говорил.

— По словам, которые вы произнесли вчера, мы поняли, что Нарилия не призывала Аштанар помочь с пробуждением Роши Старейшин. Если есть способ закрыть рану мира, нам он не введом. Это вы можете нам помочь. Обладая знаниями об истории сказочниц, утраченными ныне, подобными тем, которые сказал нам Зэбор однажды, вы можете пролить свет на природу способностей моей доброй госпожи.

— Аштанар сама не знает, откуда сказки, понимаете? — Перебила его Магуи, — Все вещи, которые звучат странно, в которых вы вчера обвиняли Зэбора, для нее они такие и есть на самом деле, и для нас тоже! В чем-то получается разобраться, другие истории для нас загадка.

— Понимаете, мы голос Сказочницы, мы ищем связь в тех видениях, что приходят к ней, но и мы не знаем, в чем смысл этих видений, — Втолковывал Глэн, — Бывает мы часами бьемся над одной сказкой, а потом Аштанар молчит о ней, потому что так и не ясно, где в ней зерно разумного смысла. Но Аштанар готова поделиться своими историями, я уверен, мы же затем и ехали к вам. Если вы готовы услышать и помочь истолковать их, мы готовы говорить и направим вас.

Голос Озори Фонны звучал тоскою:

— Теперь вижу я, сколь велика наша вина перед вами. Вчера мы пришли к соглашению, — Боль пронзила Аштанар, когда она услышала это слово, — Что природа необыкновенного дара династии Сказочниц пока не доступна нашему пониманию. Теперь вы говорите, что хотели дать нам возможность понять этот дар, и готовы помочь нам в этом. Друзья, мы благодарим вас. Все Отрофон-Кессеи признательны вам. Мы готовы внимать вашей мудрости и делиться своей.

Глэн рассыпался в ответных любезностях.

Они не знали.

— Даже при всем желании я уже не знаю, чем могу помочь вам, мать леса, — прохрипела Аштанар, — У меня совсем не осталось сказок, внутри меня тихо, — Она прокашлялась и обратилась уже к своим спутникам, — Совсем тихо внутри, вы понимаете меня?

Глэн взревел:

— Это вы виноваты! Аштанар нельзя ходить по земле и говорить. Вы, вы знали это, знали! Зэбор спрашивал про это у вас! Он передавал вам, зачем мы идем, и все равно сделали

с ней такое!

Никто не пытался перечить ему.

Аштанар видела лица Отрофон-Кессеев.

Не враждебные, но полные сочувствия и страха.

Больше не нужно было воевать и что-то доказывать.

Аштанар без сил опустилась на ковер, Магуи поддержала ее. Женщины племени обступили их, помогли подняться, повели обратно в комнаты.

Им принесли воды, но никто из троицы не обратил на это общего внимания.

Аштанар снова молчала.

Озори Фонна пришла к ним первой среди соплеменников.

— Дочь моя, что случилось с тобой? Мне больно даже представить, что тебе довелось пережить.

— Госпожа, ее хотели выдать инквизиторам. Она видела, как я убиваю людей. После этого она так же потеряла связь со сказками, но обрела ее благодаря Яну. Мы и не знали, что произошло. Он вывел нас на берег, показал восход солнца. Госпожа, пережитое оставило на ней след, шрам, подобный Разлому вашего града-древа.

— Я понимаю. Пережитое убило магию внутри нее. Что мы можем сделать для вас?

— Сказочница не должна принадлежать этому миру. Ее чувства далеко, ее слова — осколки и отражения других мест и времен. Я думаю, все ритуалы Сказочниц возникли, чтобы защитить их дар, дать жить в иных реальностях, кроме этой. Если я прав, нужно залечить ее боль, исцелить душевные раны и сказки вернуться.

Озори Фонна заговорила с Аштанар ласково и кротко:

— Дочь моя, теперь я вижу, как много тебе пришлось испытать. Какую боль ты пережила. Ты среди друзей, мы поможем тебе исцелиться. Здесь, под сенью Отрофонка каждый понимает тебя. Мы знаем боль, которую ты чувствуешь. Кажется, невозможно вытерпеть ее, но выбора у нас нет. Но есть нам и утешение. Оно в нашем общем деле, и помощи, что мы оказываем друг другу. Ты переживешь свою боль, я в это верю и знаю. Мне бывало настолько печально, что даже не знала, как жить дальше. Вчера я оплакивала Зэбора, потому что боялась, что испортила его, выделив среди остальных. Я думала, что потеряла родное дитя нашего племени. Так плачь, Аштанар. Выпусти свою боль, выпусти свою обиду.

— Ваши речи мудры. Боль суть грозный зверь, терзающий нас, но стоящий на страже здоровья, — Отвечал Глэн. Он обнял Аштанар, — Послушай, то, что произошло со всеми нами и то, что мы чувствуем теперь — лишь следствие общей беды. Переживи это, и поможет тебе в этом дело. И мы все готовы пройти с тобой этот путь.

— Мы не враги тебе, Аштанар. Боль отступит, если ты примешь ее, как любую болезнь, и найдешь в себе силы выздороветь. В том, как достичь этого, не слушай никого, а только свое сердце. Оно подскажет, как тебе обрести снова душевное здоровье.

— Думаю, сейчас всем нам поможет, если... Если мы поможем друг другу, как делаете вы в своем племени. Даже при том, что в Аштанар нет сейчас сказок, у нас есть то, что она уже рассказала. Мы могли бы провести выступление, Аштанар могла бы рассказать вам те сказки, которые истолкованы, как истории о временах прихода Предначертанной. Они сложные и странные, но отдельные свидетельства на это указывают. Возможно вы не слышали их и найдете какие-то утраченные знания. Что ты думаешь на это, Аштанар?

Она кивнула.

— Прекрасно, пусть это будет нашим первым шагом, — Сказала Озори Фонна, —

Аштанар, я оставлю тебя, но мои соплеменники хотели узнать, готова ли ты услышать их. Многие здесь живут с теми же переживаниями, с которыми столкнулась ты. Они хотят поддержать тебя, но ответь мне, дочь моя, готова ли ты их услышать?

Она снова кивнула.

Тогда пройди к алтарю, чтобы мои соплеменники могли говорить там с тобой.

Она шла, а перед ней стелили ковры из шкур.

Вчера всех их пленили и мучали.

Вчера им помогали.

Сегодня им тоже помогали.

Аштанар села у алтаря и долго смотрела на Раскол.

Аштанар слушала Отрофон-Кессеев, которые приходили к ней со словами утешения.

— Сил вам, белая госпожа... Эту боль бывает невозможно терпеть, но выпустите ее, и со временем она станет иной... Когда-то я думала, что следующий день будет все таким же тяжелым... Это была сплошная полоса страха... Почувствуйте связь с миром, связь с людьми внутри вас.

Аштанар смотрела на людей и кивала. Она была благодарна.

Их лица, их глаза были наполнены страхом. Она уже видела такой страх. В глазах Магуи, в глазах того лесного мальчишки, в глазах Зэбора, когда они схватили его.

Она понимала, что этот народ многое выстрадал, их боль породила жестокость. И теперь у племени Озори Фонны была лишь цель защитить свои знания и бережно сохраняемые руины от возможных агрессоров.

Она знала, что боги есть. Она знала, что есть над людьми и власть, и людям, которые наделены ею, можно верить.

Она честно постаралась.

Она рассказала сказку о китах и змее. Глэн и Озори Фонна толковали ее. Хитрый гигантский черный змей в ней оказывался добрым и кротким. Предначертанную воспитывали люди, и люди помогли ей предотвратить конец света. Действительно, какую-то роль в происходящем сыграли лерассы-обезьяны и киты, которые по мнению матери леса были чем-то вроде гигантских кэльпи.

Озори Фонна сказала, что это свидетельство того, что Клин может и правда быть тем человеком, которому поверили жители Архипелага. Озори Фонна послала разведчиков узнать о прошлом Предначертанной. Озори Фонна послала разведчиков в западные племена Ассеев, в которых водились лерассы-обезьяны. Озори Фонна признала, что Архипелаг сыграет большую роль в грядущих событиях, поскольку это его градоправители, течения, были деморгами гигантских кэльпи. Озори Фонна признала, что кем бы ни были дети из сказки, всех их было необходимо найти.

У Аштанар не было сил продолжать, и ей дали отдохнуть.

Она не заметила, как наступил вечер. Она не заметила, как под ней проросла мягкая подушка мха, в комнату протянулись лианы с цветами. Она не хотела видеть плодоносящие ветви, склоненные к ней.

Глэн говорил о том, что уже передал Яну, где они и что все в порядке. С утра у него не было времени на то, чтобы поговорить. Магуи делала то, что называла дипломатией. Аштанар было больно.

Вода в ку Глэна пошла кругами.

— Я слышу Яна, подождите немного, я поговорю с ним! — Глэн опустил руки в воду.

Послушал песнь воды, доступную только ему, и передал, — Они снаружи леса, они в безопасности. Я чувствую их местоположение, Ян посылает сигнал. — Магуи бросилась к нему узнать, где именно, Глэн глазами показал на живые растения, проросшие в комнатах, где их поселили, — Девочки, он говорит, им с Клином пришлось бежать.

— Что? Откуда? Глэн, что происходит? — волновалась Магуи.

Сердце Аштанар снова кольнула тревога.

Маг не отвечал, он слушал.

— Ян, а вы?... А они?... Вот уроды.... Хах, что? ... Ян, то есть так никто ничего и не знает? Понял тебя. Клин там подождет, нам тоже есть, что рассказать, — Он вкратце пересказал, что с ними произошло, — Ян, нас отпустили и сейчас нормально относятся, но только потому что мы ничего не передали на Архипелаг. Пожалуйста, и ты тоже пока что ничего туда не говори. Хотя лучше нет, скажи, что мы нашли, Отрофон-Кессеи помогают нам и заботятся. И что у нас нет возможности ответить другим водным магам. Ян, мы не будем в безопасности, если Архипелаг начнет какие-то действия по нашему спасению или попросит начать их... Кого похуже. ... Ян, нет, успокойся. Нет, я не про него, и нет, я не начинаю опять. Нет, пока не сказал. ... Да, я буду поддерживать связь, сейчас нам точно вот здесь ничто не угрожает. ... Да не русалю я тебе. Не беспокойся за нас, я перескажу ваши приключения девочкам, мы все обсудим и расскажем, что надумали.

Магуи смотрела на мага во все глаза. Аштанар была готова к чему угодно. Глэн начал пересказ.

— Девочки, Ян вернулся в табор поискать Клина. Ему сразу говорят мол так и так, уважаемый, Клин ваших товарищей обманул, за другого себя выдавал, разбираемся в ситуации, пока что просим тебя сдать всю воду и скалу тоже оставить. Магуи, не начинай, хорошо все будет. Мы вроде как союзники, он соглашается. В общем ведут его в шатер к их главному. Там Клина допрашивают, он все говорит — ну думаю вы уже поняли, нет? Ох, когда Ян с Зэбором допрашивали Клина, тот сразу тоже гладко стелил то, что они хотели слышать.

— Ты нам ничего не рассказал о том, что было в последние дни у вас с тем нимом, — Обиженно заметила Магуи, — Вы оба молчали, а вчера нас чуть... Мы могли пострадать из-за этого.

Глэн смутился и все подробно пересказал.

Аштанар внимательно слушала.

Затем Глэн вернулся к приключениям Яна и Клина.

— В общем представьте: шатер, куча цыган... В смысле Ассеев, и их барон... князь поихнему, он сурово так на Клина рычит про то, что он гадкий фелл и скрывал, кто таков. Они его уличили, знают что он изображал, что не Чайка Гелата. Ну и Клин так с улыбочкой, — Глэн расхохотался, хотя Аштанар не понимала, что в этой ситуации может быть смешного, — Да, в общем он говорит им, что петъ не любит и у него в общем-то нет особых вокальных данных, что встретил действительно талантливых музыкантов и потому теперь бывает Чайкой только в особых случаях... Девочки, его даже петъ заставили, чтобы доказал. В общем дальше Клин говорит Яну, вот прямо там, в кругу, что мол очень хочет уйти с ним, но есть небольшая трудность. Ян видит, что цыгане за ним следят, ну вежливо покидает шатер, ходит по табору, ищет как бы связаться с нами, находит воду, а нас нету. Тогда он передает это на Архипелаг, что мы пропали, передает волну, где находится и что с ним. Идет к князю, тот говорит, что ничего не знают, действуют по просьбе соплеменников Зэбора. Ян

уже понятно начал злиться, поэтому прямо спрашивает, пленник ли он сам, барон говорит нет. Ян решает пойти поговорить с Клином. Приходит к клетке, куда посадили парня, и тут его начинают вязать. Ян понятно отбивается, бросается освободить Клина, а клетка уже отперта. Дают они оба деру из табора... племени... Короче только пятки сверкают. Сбежали, Ян только дух перевел, а Клин и говорит... Слушайте? Значит говорит, что допрос он провел успешно, что традиция продавать детей родом из города Гами и это там такое нормально, что чтобы Ян не задумал делать нужно сначала спасти остальных, то есть нас, и Клин знает, куда они, в смысле мы, отправились — и говорит что вот сюда, к Отрофонеку. Где мы и есть, понимаете? В общем Ян решил пока не обвинять лесных, разобраться, что происходит. Что будем делать?

— Думаю госпожа со мной согласна, нужно уходить отсюда как можно скорее и идти туда, где безопасно. Мы можем жить на Полуострове, можем перебраться в столицу. Хватит с нас боли, Глэн.

Аштанар молчала. Ей было тяжело слушать их и следить за ходом их разговора. Она думала. Ее мир всю ее жизнь рассыпался на осколки, на крошечные зеркальные песчинки событий из ее сказок, ее прошлого, происходящего с ней, мира реального и всех остальных миров. Магуи и Глэн вели ее, до этого были и другие, кто помогал разобраться во всем этом калейдоскопе. Всю жизнь она думала этими осколками, и Магуи назвала тот, что звал ее.

Остров Ланко блистал в последних лучах заката роскошным тропическим цветком. Белоснежные стены Великого шатра, щедро обласканные солнцем и от того обретшие терракотовые, дрожащие отблески уходящего дня, очерчивали фиолетово-голубые тени, набирающие глубину для темнейшего часа ночи.

Здесь, близ сердца Потока, власть теней, глубокая и безнадежная, терпела поражение. Даже в самой густой чаще джунглей мириады светлячков и растений желтыми, зелеными, оранжевыми и слепяще белыми лампочками разгорались в бушующих по всему острову джунглях. Ночные шорохи, скрипы, трепетанье крыл и тихая поступь в тени ветвей знаменовали наступление мистической половины суток, обращая отчаянную безнадежность в пьянящее чаяние манящей дороги меж склоненных под удушающей тяжестью лиан деревьями.

В тот миг Аштанар вспоминала звенящую красоту ночи на острове Ланко, когда они с мамой шли одни среди джунглей по каменным дорожкам с уютными беседками, зазывно шуршащими водопадами и фонтанчиками, в дальней прогулке через весь остров. Они шли вдоль русла Ревы, видели мост через впадину Урсэгу, и к утру взобрались на вершину белеющей над островом Суприэры. Тогда Аштанар впервые видела там, на стенах Урсэгу, сияющие отголоски сокрытого в глубине острова Блуждающего родника, великого чуда ее народа.

Иной осколок открылся ей.

Течение приятно кружило и покачивало. В мутной толще воды мелькали стайки кэльпи и сияющие водоросли. Струи воды были теплые, холодные, горячие, такие разные, они играли и были всем ее миром в ту минуту, когда Аштанар наконец нырнула в Аквапарк. Где-то среди толщи воды, далеко и вместе с тем так близко, были ее наставница, великая сказочница Фелина Трим, и совсем незнакомая тогда ей Магуи, первая девочка, не побоявшаяся ее историй. Они дали сил Аштанар добраться сюда, преодолеть свой страх и нырнуть в самое сердце острова Ланко.

Она открыла глаза.

Магуи смотрела на нее, на лице у нее была тревога.

Да, Аштанар очень хотела бы вернуться. Пусть не на остров Ланко, но хотя бы на Полуостров, про это пело ей сейчас сердце.

Она видела, что ее спутники всем сердцем хотят того же.

Но в ней не было сил сказать им об этом.

Потому что сердце говорило ей иное.

Аштанар взяла лист пергамента и начала писать.

Она знала, кого еще не видела, и очень хотела увидеть. Она понимала, что Глэн и Магуи убедят Озори Фонну, всех Отрофон-Кессеев, феллов, ее собственных родителей и даже глупых огненных демонов в чем угодно сейчас. Она верила, они поймут, что ей действительно нужно то, о чем она просит.

“Мне нужно поговорить с Зэбором, без свидетелей.”

Она ждала, пока это организуют. Потом снова долго шла по ковру на верхние ярусы Отрофонека, туда, где жизнь, которую проращивали Отрофон-Кессеи на руинах мертвого города, не могла дать подслушать их разговор. Соплеменники Зэбора остановились, сказали что-то ободряющее и покинули ее. Ее собственные спутники еще раз уточнили, могут ли они пойти с ней, получили ответ и покинули ее. Она вошла в комнату.

Зэбор сидел в проеме окна, и кажется, ему вполне удобно. Аштанар не рискнула взбираться на сплетение коры и ветвей, и выбрала стул.

— Эзобериен, могу ли я звать тебя Зэбором?

Он кивнул. Он не сводил с нее внимательного и немного встревоженного взгляда. На нем не осталось никаких заметных следов пережитого, но Аштанар должна была убедиться:

— Зэбор, в последние дни с нами многое произошло. Я хотела бы узнать, как все это выглядит в твоих глазах. Прошу, помоги мне с этим. Расскажи свои последние дни, как сказку, только для меня, обещаю.

— Я в общем-то не очень хороший сказитель.

— Мне правда очень важно знать. Тебе уже передали то, что я сказала, когда ты упал? — Она постаралась произнести это как могла мягко.

— Да. Я так и знал, что эта фраза была для тебя и значила что-то особенное. Я ошибался, когда думал, что ты видишь будущее, — Его красивое лицо исказила гримаса боли, — И Аштанар, я, я... Я перечитал письмо. Это правда была моя ошибка. С самого начала это была одна большая чудовищная ошибка!

— Зэбор, расскажи мне, прошу.

И он заговорил. Про боль своего народа, про несправедливость, про отчаяние. Про то, как он виноват перед всеми, когда пытал нима из-за своих убеждений. Он так говорил это, что Аштанар видела — он винит себя и перед нею, перед Яном и всеми, кого знает, но не смеет сказать этого в лицо. Но он говорил про свое племя. Про свои чувства к Озори Фонне и каково ему стоять там, в кругу, когда она обличала его. Как он чувствовал себя бесконечно виноватым, одиноким. Как пришел в себя и его чествовали как героя, как отец сказал, что наконец гордится им. Как он слушал планы соплеменников, как плакал у алтаря, как пытался поверить в то, что главное — что он остался жив и все закончилось. Что все это его вина, все из-за его ошибки, от втянул всех в этот кошмар, чуть не стал причиной войны.

— Зэбор, но мы спасли людей.

— Что?

— Тех нимов в Стебиндесе. Без нас если бы крепость захватили, они бы пострадали. Ты открыл проход, по которому их вывели. Пусть Отрофон-Кессеи рассказали тебе, где вход в него, но дверь открыл ты. И тот мальчик, ты же защищал его, Зэбор. Если бы ты этого не сделал, Ассеи увели бы его от родителей, и некому было бы защитить их.

— Я... Я не... — Его лицо было растерянным. Он искренне не замечал этого, он даже не подозревал, — Аштанар, хочешь ли ты сказать, что прощаешь меня? За то, что втянул тебя в это? За то, что ты потеряла свой дар и из-за этого весь мир может погибнуть?

Она ответила не сразу.

— Знаешь, у меня есть такая сказка, про спираль. Не так, про тюрьму. Тюрьма эта называется ад. Девять витков, уводящие вниз, и на каждом были все более плохие люди. Каждый виток был все хуже. Толмачи толковали, это о том, как люди в своей душе наказаны за злодеяния, — Она собралась с силами, — Я думаю это то, каков наш мир сейчас. Мои глаза открыты, и я больше не вижу сказок. Но я увидела ад и узнаю его. В аду страшно и больно, люди беспомощны и жестоки. Сейчас я ясно вижу это. И не твоя вина, что мир, который я вижу, таков.

— Аштанар, только отдельные земли таковы. Здесь ты в безопасности, Отрофон-Кессеи, я... Я понимаю, почему ты могла подумать так, но они так были жестоки с нами потому, — Он поднял глаза, — Потому что это я их научил, я расспрашивал и искал, как защищаться и быть сильным без связи с лесом, и мне рассказали, что так наши разведчики ловили и допрашивали когда, ну, когда были древние войны, когда все было иначе. Аштанар, прости их, пожалуйста. Ты будешь здесь в безопасности, обещаю.

— Зэбор, не бойся за меня. Я попросила тебя рассказать свою историю, и вижу в твоих словах, что ты тоже был в аду и понял, о чем я. Ты хочешь сказать, что здесь безопасно, но кто из Отрофон-Кессеев в самом деле в это верит? Вместо этого, я вижу, вы верите, что Бальтрат угрожает всем и готов использовать нимов против Архипелага. Если так, ад начнется и здесь, и на моей земле. Мои спутники хотят вернуться на Полуостров.

— Раз так, я уверен, вы можете рассчитывать на поддержку нашего племени. Они не посмеют остановить вас, я...

Она перебила его. Впервые в жизни она перебила человека. Это стоило ей невероятных усилий.

Мир остался стоять.

— Нет, я не готова уйти, не хочу закрывать глаза. Зэбор, извини, что перебила, но не хочу, чтобы ты думал, что это касается кого-то кроме нас с тобой. Я хочу узнать, что происходит.

— Так ты останешься в племени? Оставишь их?

— Я думаю, что им будет безопаснее вернуться на Архипелаг. Я еще подумаю, что сказать им.

— Так ты что же, собираешься остаться с ними одна?

— Нет, Зэбор. Ты не знаешь наверное, Ян передал, что Клин нашелся, они где-то здесь.

— Они живы? — радостно воскликнул Зэбор.

Аштанар ощутила укол стыда за то, что не сказала этого раньше. Он ведь, наверное, винил себя и за это тоже.

— Да, живы. Они в порядке. Они выяснили, почему нимы считают, что можно продавать детей. Они сказали “эта традиция пошла из города Гами”, как передал Глэн. Я

хочу отправиться туда и взглянуть своими глазами.

— Ашганар, об этом и речи быть не может, это слишком опасно

— Так иди и защити меня, как ты обещал всем нам. Проведи нас с Яном, поверь в фелла и помоги ему. Маги воюют, нимы страдают. Ты же понимаешь, вот это — почему Нарилия пришла сейчас. Ты же знаешь. Ты сказал мне, я слышала в твоих словах. Ты видел то же, что я. Тоже знаешь, что это ад.

— Мы соберем отряд.

Она звонко засмеялась.

— Вспомни дорогу в Стебиндес и как ты отговаривал моих собственных спутников идти с нами. Ты говорил, настали времена последние. Значит, Отрофон-Кессеи это понимают. И ты пойми. Они не отпустят меня. И Глэн с остальными, и твои соплеменники. Со сказками или без, большой отряд не увидит того же, что мы видели своими глазами.

— Тогда, у повозки, вы рассудили, что тебе невозможно идти за мной, потому что ваши традиции говорят то, как нужно вести себя сказочнице. Ашганар, ты не станешь спорить о том, что потеряла сказки впервые в жизни после того, как послушалась меня тогда. Я не знаю, что тебе нужно и как помочь, я не смогу о тебе позаботиться.

— Да не нужно обо мне заботиться, просто иди рядом. Да, я потеряла сказки. И что? Я уже нашла их больше, чем все сказочницы прежде! Толмачи все знают, я просто не нужна здесь. Как же сказать... Зэбор, я жила в калейдоскопе. Он меня ослеплял. Сейчас он разбился, и мне остались лишь осколки. Но теперь я вижу. Я вижу мир, понимаешь? Вижу реальный мир среди всего, что было прежде. Если нужно быть незаметной, мы что-нибудь придумаем. Пусть Клин меня загримирует. К демонам повозку, к демонам всё это. К демонам традиции, это важнее, ты понимаешь меня?! Это важнее сказок, важнее твоего народа, это же весь наш мир целиком, как он есть! — Она вздохнула и продолжила, — Наши судьбы связаны, Зэбор, так бежим. Выведи меня отсюда.

Глава 8

В небольшом леске близ поля встретились четверо. Они были рады встрече. Двое их них приехали на лошадях с севера, двое пришли из леса на востоке. Обменявшись приветствиями и вдоволь нарадовавшись воссоединению они стали решать, что делать дальше.

— Глэн передал, нимы считают привычным то, что детей могут забирать, потому что так делают в городе Гами.

— Да, я так же поняла то, что сказали Асси. Я хочу пойти туда и посмотреть, почему это происходит.

— Я тоже собирался это сделать, потому что Клин попросил меня. Но Аштанар, это слишком опасно. Люди, которые забирают детей, могут быть жестоки. Ты встретила жестокость, я видел твои слезы, я не хочу для тебя новой боли.

— Я потому и попросила Зэбора провести меня, что он может помочь нам выведать незаметно.

— Он? Незаметно? — охнул Ян.

— Да, незаметно. Чему ты удивляешься, ты же видел его в деле, он это умеет.

— Мне кажется маг имеет в виду, что с таким, эм, приметным обликом в толпе не затеряться, — сказал Клин. Зэбор возмущенно заворчал что-то себе под нос.

— Мы и не собирались теряться в толпе. Мы собирались быть незаметными. Тихо пробраться в город, не создавая шума, не попадаясь на глаза.

— Но это проблема людей, не города. Проблему города можно решить незаметно для людей, но как ты узнаешь что-то о пропавшем у человека ребенке, не попадаясь ему на глаза? — рассуждал Ян.

— Можно поискать документы! — сказал Клин, — В каждой крепости есть такая книга, у человека, который записывает, кто в городе живет, там должно быть что-то вроде этого.

— Откуда ты это знаешь?

— Да, откуда я это знаю, Ян?

— Согласен, вопрос дурацкий. Ты говоришь, книга в крепости? Можно проникнуть в крепость и посмотреть. Сделаешь?

— Мне кажется, достаточно открыто приехать в крепость и заявить об этом. Люди сами приведут вас к этой книге, чтобы вас в нее вписали. Останется только как-то их отвлечь.

— Кого это нас? Это Зэбора что ли, раз в крепость надо скрытно проникать?

— Тебя и Аштанар. Легендарную сказочницу. Которая решила посетить город Гами и просит записать это событие в летописи города.

— Мне кажется, он предлагает здравую мысль, — вмешалась Аштанар.

— И не думай, это слишком опасно.

— Ян, но вы с Зэбором можете сопровождать меня, как толмачи. Что мне сделают, если вы будете защищать меня?

— А чего ты еще насмотришься, пока мы будем тебя защищать?

— А с чего ты решил, что защищать вообще придется? Что мы, с войной что ли к ним придем? Клин предложил план, этот план хороший.

— Но что, если план не сработает?

Клин устал это слушать. Он сказал:

— Если ты не согласен, просто запрети ей, за чем дело встало?

— Ох, Клин. Я за Ашганар ничего решать не буду, я служу ей и охраняю.

— Ты? Маг? Девушке? — любопытствовал Клин.

— Да, я телохранитель Ашганар.

— И мой прекрасный друг и мудрый наставник, — добавила та.

Ян зарделся.

— Ты, с такой нечеловеческой силой, простой слуга? Что за сила у этой девушки, что она повелевает тобой?

Ян не сразу нашелся, что ответить. Ашганар смущенно молчала.

— На Архипелаге служение это не плохо, Клин. Слуга, хорошо исполняющий свою роль, достойный человек.

— Но сейчас ты должен отговорить ее, Ян! Это слишком опасно!

— Если она уверена, я лишь пойду с нею и защищу от опасности.

Заговорил Зэбор:

— Тогда и я пойду с нею и защищу от опасности. Ашганар, ты просила меня об этом, толмачей должно быть два, я отвечаю. Пусть это план фелла, но я согласен. Худшее, что может случиться — нас не пропустят к книге или такой книги просто нет. А отбиться от нимов мы сумеем.

— Зэбор, ты точно понимаешь, что тебе придется для этого переодеться?

— Вот еще. Это ближайший город к территории лесных магов, здесь все знают, как выглядят Отрофон-Кессеи. С чего мне скрывать себя?

Ян опешил. Маги Архипелага передевались сразу на границах земель нимов и ходили так все время. Но нимы не могли попасть на сами острова, им становилось дурно от долгой близости к земному столпу магии.

— Я как-то сразу не подумал, что нимы знают, как вы выглядите.

— Ян, многие жители этого города даже бывали в Отрофонеке. На празднике Пробуждения Леса. И мои соплеменники бывали здесь.

— И что, не замечали, что здесь забирают детей?

— Нет, наоборот, мы и не подозревали, что у них есть какие-то проблемы.

— В городе забирают детей, а вы жили под боком и не догадывались? — удивилась Ашганар.

— Так говорю же, это благополучный город. Сами увидите. Люди живут хорошо и весьма довольны. У них очень неплохие целители, по меркам нимов. В городе много мастеров, вспомните хотя бы, может видели, гамские кружева? Ну вот они еще многое мастерят. В городе достаточно продовольствия, есть город, церкви, справедливые законы.

— А дети? В городе были дети, Зэбор?

Тот молчал.

— Я только читал, я сам там не был.

Ян опустил руку в ку.

— Глэн, пожалуйста, спроси у Отрофон-Кессеев, много ли в городе Гами детей, — Он выслушал ответ, — Спасибо, Глэн. Он обещал уточнить.

— Ян, ты что, все это время с ним общаешься? — испугалась Ашганар.

— Да, отчего бы не общаться, ему тоже важно между прочим знать, где ты, раз уж оставила его среди ди... — Он посмотрела на Зэбора, — Среди Отрофон-Кессеев.

— Он не обижен на меня?

— Обижен, конечно. Но учитывая, как много они сейчас с Магуи понимают о

толковании сказок, а ты нашлась и в безопасности, думаю, однажды он тебя простит.

— Ян, я сделала, как считала нужным, но не хотела причинить ему боль.

— Ты оставила хорошую записку. Этого достаточно. Идем? Нужно еще как-то раздобыть ковер и белое платье для тебя.

— Платье не нужно.

— Почему?

— Я пока не хочу выступать. Пока сказки не вернутся.

— А ты думаешь, они все же вернутся? — в голосе Яна прозвучала надежда.

— А ты все же надеешься, что они вернутся? — одновременно спросил Зэбор.

— Почему нет. В прошлый раз же вернулись, хотя переживания были те же, пожалуй даже сильнее.

— Тогда, Аштанар, у меня условие. Пообещай, что если они вернутся, ты снова станешь выступать и будешь сказочницей, как ты это умеешь.

— Я обещаю, что сделаю все для этого.

— Хорошо. Зэбор, я уточнил. Да, в этом городе в последние годы на улицах видели все меньше детей.

На этом четверо решили выступать.

В пути высокий сильный мужчина толковал парнишке родом из Фелле-тонд-налильюсвэсдре о силе магов и их жизни. О том, как магам удается решать проблемы, которые есть в знакомом парню мире и какие проблемы есть в среде самих магов. Он охотно делился знаниями, а парень задавал вопросы с яростью человека, истомленного голодовкой и вдруг оказавшегося на пиршестве. Следопыт из племени Отрофон-Кессеев хмуро слушал толкование какое-то время, после чего заметил:

— Ян, он сейчас у тебя научится всей премудрости, а потом...

— Что потом, Зэбор? Станет магом? Да и хвала богам, если так. Ты, Аштанар, Клин Магуи. Горе для мира, что вы не маги.

— Не перебивай меня. А потом он расскажет все, что узнал нимама.

— Нимы для нас безобидны!

Зэбор замолчал. Он думал. Затем он сказал, обращаясь к Клину:

— Хорошо. Допустим, что ты для нас не угроза. Может быть Ян прав, что рассказывает тебе все это. Докажи, что ты за нас, скажи правду. Я не успел выяснить сам, но очень хочу знать, что ты такого сказал нимама, что они не станут обсуждать магию и поверят тебе, а не своим глазам.

Клин с укором смотрел на него.

— Что? — вкрадчиво спросил Зэбор.

— Потом ты скажешь, что я поганый фелл и все мои слова ложь.

— Если твои слова прозвучат убедительно и хоть чуть-чуть будут похожи на правду, обещаю тебе поверить.

— Я убеждал их не в том, видели они что-то или нет. Я сказал, что не в их интересах трепаться об этом, потому что ими заинтересуются инквизиторы. Я сказал, какая разница, что за силы, какие сказки пришли им на помощь, главное, что помощь пришла и они живы.

Клин улыбался, глядя на Зэбора. Рядом с ними Ян тоже улыбался одними уголками рта. Следопыт подумал и сказал:

— Что ж, я верю тебе. Я верю, что это могло сработать. Как ты додумался до этого?

— Не знаю! Я не знаю, почему делаю что-то. Сколько тебе это повторять? Ян понял,

Аштанар поняла, ты не хочешь. Я правда не знаю. Я не думал. Я не подумал, что можно сказать что-то другое. Это же было очевидно.

— Очевидно для фелла. Аштанар бы не поняла этого, я бы тоже этого не понял.

— Ну тогда я рад, что я фелл!

Зэбор разъярился было, но Ян остановил его:

— Ты не выяснил этого, а я да. Нимы действительно говорят, как он сказал.

— Что ты слышал и почему так считаешь? — тут же переспросил Зэбор.

— Она благодарны нам. Они не задают вопросов. Они говорят, что не хотят в руки инквизиторов, что мы спасли их и не важно, кто мы такие и как это сделали. Зэбор, он действительно предотвратил нарушение соглашения. И сейчас он не хотел тебя обидеть.

— Он сказал, что феллы лучше всех.

— Он лишь сказал, что рад быть феллом, потому что в его понимании феллы это те, кто решают проблемы умно и эффективно непонятными для других способами. Он исправил то, что натворил маг в городе, он сделал так, что нимы ничего не расскажут о том, что думают про услышанное и увиденное, когда ты стал защищать мальчика. Ох. Понимаешь? Благодаря Клину эти люди на нашей стороне и не расскажут про нас никому, в том числе инквизиторам. Скажи ему спасибо, и признай, что этот демон за нас.

— Хорошо, я понимаю, Ян. Я хотел сказать всем вам... — Он потупился, — Я виноват в том, что случилось. Простите меня. И спасибо тебе, Клин, что помогаешь нам разобраться с последствиями моей ошибки.

Клин хотел что-то ответить, но тут подала голос прежде молчавшая беловолосая девушка, и он предпочел послушать.

— Зэбор, ты же из лесного народа, — заметила Аштанар.

— Да, и что с того?

— Почему ваш народ собирает все доступные знания?

— Потому что, ну потому что...

— Потому что вы хотите знать все. А почему лесные маги не использовали эти знания?

— Потому что это плохо.

— Я думаю, не совсем так. Они не использовали эти знания потому, что этих знаний слишком много. Ни один человек просто не может все это знать.

— Но можно стараться узнать хотя бы часть!

— Да, Зэбор. И ты стараешься знать часть. Смотри, ты же используешь эти знания. Когда ты понял, что сказочницы должны ходить по ковру и молчать, что ты сделал?

— Попросил прислать ответ, почему так.

— Ты задал вопрос. Винил ли ты кого-нибудь за то, что тебе этого не сказали раньше?

— Нет, они же не знали!

— Зачем же тогда ты винишь себя за свои поступки, которых не сделал, потому что не знал чего-либо?

— Потому что последствия, последствия моего решения были ужасные!

— А что ты делаешь теперь?

— Пытаюсь понять, чего ты у меня выпрашиваешь. Хочешь еще знаний лесного народа? Я теперь предатель для них!

Ян словно что-то вспомнил. На его поясе был сосуд с водой, он незаметно опустил руку в сосуд. Аштанар продолжала:

— Зэбор, я пытаюсь сказать, что ты пошел вместе со мной исправлять последствия

своего решения. Ты принимаешь ответственность за них. Когда ты узнал нечто новое, вместо того, чтобы опустить руки, ты пошел за мной.

— Но сначала я это и сделал! Ты не понимаешь, когда я только понял, я опустил руки! Я сделал именно это.

— Потому что ты не знал, что можно что-то сделать. Вот, что я пыталась тебе сказать, — Она добавила мягко, — Зэбор, если ты будешь винить себя в том, что ты сделал по незнанию, ты придешь к тому, что будешь винить себя во всем, что причиняет тебе боль. И ничего не будешь делать, чтобы узнать и исправить причины этой боли, как я делала раньше. Я хочу сказать, если ты чувствуешь себя виноватым, это чувство лишь указывает тебе на боль, на болезнь, если хочешь. Ты пытаешься лечить боль, то есть перестать чувствовать себя виноватым, как-то бороться с этим, уйти от боли, если не можешь с ней ничего поделать. А нужно лечить причину болезни. И сейчас ты идешь с нами, чтобы узнать эту причину.

— И ты молчала? Ты всегда думала вот так и молчала об этом? — воскликнул Ян. Он вынул руку из сосуда, разговор касался его любимой воспитанницы, девушки, которую он обещал защищать. И он касался той беды, из-за которой девушка потеряла свой знаменитый дар.

— Я думала, что мне слишком сложно что-то сделать, потому что я не знаю источника сказок. Теперь я поняла, что даже если я не знаю источника, это не мешает мне пользоваться этими знаниями и хотя бы начать говорить.

— Я не знаю, я должен подумать обо всем этом.

— Мне очень нравится то, как ты умеешь думать, Зэбор. Ты умеешь задавать вопросы, ты научил меня этому, показал, зачем это важно. Я верю, что у нас может что-то получиться, и я верю в тебя, потому что ты умеешь думать лучше всех нас.

— Этот дикарь? — возмутился Ян.

— Что значит дикарь? — возмутился Зэбор.

— Да, этот дикарь. — спокойно отметила Аштанар, — Вы не знаете того, что знаю я, но если поверите мне и задумаетесь, заметите, что он действительно умеет думать.

И компания продолжала путь в молчании.

— Аштанар, я просто не справлюсь со всем этим. Вот ты говоришь, я умею думать. Думаешь меня несправедливо обвинили? Все Озори Фонна правильно сказала, бред это ничего не собирается и не понятно. Я думал, можно просто передавать дальше кусочки. Вот и писал в отчетах все то, из-за чего вас там чуть не убили на месте. Потому что не понятно, потому что просто не получается удержать всё это в голове, обдумать.

— Зэбор, кажется, они не хотели нас убивать. Кажется они использовали те же методы допроса, которые до этого показал им ты.

— Может быть. Я этого не знаю. Я не знаю, понимаешь?

— Я понимаю, что все это сложно. И общую картинку связать тяжело. Я делаю это в своей голове, как могу, ты в своей, как умеешь ты. Ты говоришь, не получается удержать все вместе и обдумать. Но ты хотя бы попытался?

Он ответил не сразу.

— Ты права в том, что нужно исправлять свои ошибки. То, что мы делаем сейчас, не устраняет последствий моих ошибок. Мы должны вернуться, разобраться в произошедших событиях, помочь пробудить Лес.

— А кто тогда поможет нима, у которых крадут детей? Нет, Зэбор, ты согласился меня

сопровождать, так что иди за мной. Толмачи знают все сказки, которые знаю я. Мне нечего добавить, я говорила им про... Почти про все, что знаю.

— Нужно сказать им все, без почти! Есть шанс того, что ответ кроется в том, чего ты не сказала.

— Все это не срочно, понимаешь. Отрофонек мертв уже давно, а нимам больно сейчас. Я не знаю, что могу сделать для Леса, но знаю, что могу сделать для нимов, у которых крадут детей. Разобраться в причинах и прекратить это.

— Ашганар, я не думаю, что мы сможем это остановить.

— Почему нет? — вмешался Клин, — Вы живете как-то совсем иначе, может что-нибудь такое и придумаете.

— Я не знаю причин, но после произошедшего понял границу своих сил.

Клин отделился от группы неподалеку от города.

Остальные направились прямо к городским воротам. На воротах стоял стражник.

— Кто вы и зачем приехали в город?

Они ответили. Их записали в книгу. Они въехали в город.

Трое ехали вверх по главной улице. В центре города, перед крепостью, стоял столб. На его вершине горел негасимый огонь.

— Что это за отвратительное зрелище? — проворчал Зэбор.

— Почему отвратительное? Красиво же.

— Что это, если не памятник феллам? Соплеменники не говорили мне.

— Может расстраивать не хотели?

— Все равно я не понимаю, почему это стоит на центральной улице города, так близко к лесу?

— Зэбор, как бы тебе... Столп возвели маги огня как символ памяти их утраты.

— Ах значит их утраты? Сами сожгли наш дом, сами поучаствовали в том, чтобы разрушить свой столп, а утрата их?

— Они потеряли баланс в своей стихии, Зэбор.

— Ну и поставили бы память об этом в Фелле, зачем он здесь то, у нас под боком? Зачем здесь открытый огонь, кроме как по насмеяться?

— Я не знаю, Зэбор, но он кажется мне красивым.

Ашганар молчала. Она соблюдала роль.

В это время Клин, пробираясь огородами, заметил крестьянку. Женщина стояла в три погребели над цветочной клумбой, она была занята тем, что пропалывала сорняки.

— Уважаемая, не у вас ли сын ушел, ну в смысле как бы пропал? Вы не видели его ненароком?

Она тяжело разогнулась, разминая спину.

— Ох ушел, да.

— Как же вы одна, не тяжело вам?

— Хорошо, добрый комендант сделал так, что все необходимое у меня есть. Но сына мне не хватает, да... Вот по молодости привыкла я огородом жить, а сейчас вроде нужды нет, но продолжаю, как видишь.

— Матушка, так хороший у вас огород. А что, может вам с ним помощь какая нужна?

— А с чего это ты хочешь мне помогать?

— Да я друг вашего сына, понимаете, мы с ним когда-то одно время работали, да развела нас судьба, а теперь ищу вот его... Он понимаете, говорил, что родом отсюда, вот я и

пришел.

— Да как же ему говорить такое, он же в Стебиндесе родился. Мы сюда переехали, только когда ему пять лет стукнуло.

— Знать сердце его здесь, да и потом здесь вы живете, а вы его мама. Уж как он рассказывал про то, как любит вас, как скучает и надеется на встречу.

— Ох, проходи, добрый человек. Не надо мне грядки копать, лучше расскажи мне, как там он, как мой мальчик?

— Как же, он достойный, хороший человек. Пример для меня. Как-то было сидели мы в трактире, я то пиво хлещу, а он не стал. Ну и началась в трактире драка, так он помог разнять.

— Что же он, в толпу кинулся? — Охнула женщина, — Не такому мы с Стеллесом его учили.

— Нет, он словом разнял, такой мудрый. Мне бы только найти его... Может быть он рассказывал вам, куда судьба его занесла сейчас?

— Да вот сынок письмо присылал, да я.. — Женщина замялась, словно не знала, как признаться, — Совсем старая стала, глаза плохо видят, церковнику отнесла. Ну так у сыночка все хорошо, так что зря ты за него волнуешься, дружок. Пойдем лучше что ли за стол, расскажешь мне, как дела-то у него...

— Матушка, не могу, извините, мне по делам бежать надо. Я дела сделаю, а потом мигом к вам, глазом моргнуть не успеете.

Тепло попрощавшись с женщиной, Клин поспешил к церкви.

Священник часто читал людям письма. Люди в городе Гами в целом были неграмотные, если им приходили письма, они относили их почитать священнику.

— А что, узнавали родители детей по их письмам?

— Что ж ты говоришь такое, добрый человек. Если письмо от ребенка, какой же родитель не узнает его.

— А не припомните ли, были ли в этих письмах клички домашних животных, любимые игрушки детства, может общие воспоминания или вопросы про друзей и родственников?

— Были, отчего же нет... Мил человек, ты к чему разговор то затеял? Хочешь выведать, что такого в этих письмах люди писали? Так то тайна нерушимая, я слово Девяти богам давал.

— Что вы, понимаете, я... Я мир спасаю. В смысле... Я спасаю беженцев Стебиндеса.

— Ох и горе там произошло, я слышал целый город как есть сгорел?

— В том и дело, понимаете, люди так считают, а город целехонек. Вот ищу, не приходили ли может к вам люди из Стебиндеса, не просили ли им какое письмо прочитать.

— Вот уж воистину город спасся по воле божьей!

Священник возносил хвалу, Клин терпеливо ждал.

— Может быть у вас будет немного пожертвований на мое благое дело? Поиздержался я немного в дороге...

— Много я не дам, но боги повелели делиться и помогать в добрых начинаниях. Подожди, добрый человек, вынесу тебе денег.

Выждав и получив тощий кошель, полный к тому же самых ходовых и дешевых монет, Клин от души поблагодарил священника и пошел в условленное место встречи.

Он пробрался за стену, пришел на полянку, где они условились встретиться. Остальные задерживались. Он ждал, теряя всякое терпение.

Показались лошади.

— Что так долго?

— Отпускать не хотели. Да не волнуйся, там такой прием в честь нашего приезда устроили.

— Так и что, удалось вам все узнать?

— Да, — сказал Зэбор, — Детей увозят в Генрих. Это инквизиторы, Клин. Инквизиторы забирают детей.

— Мы должны придумать, как помочь им! Они считают, это хорошо для города, потому что якобы дети присылают деньги, потому что церковь Девяти здесь все обустроила.

— Погодите, вы все это узнали из книги?

— Клин, была, была у них книга! — отчего-то рассмеялась Аштанар.

— И что, там все это было?

— Книга на воротах была, нас сразу на въезд вписали. Они это сами нам рассказали, еще и очень гордились.

— Что рассказали, что у них детей забирают? — Он опешил, — Чего ж тут хорошего?

— Они говорят, дети идут учиться, становятся священниками, важные посты занимают. Непонятно, правда, почему им так много детей, вот мы и думаем, дело в том, что инквизиторы что-то темнят про все это.

— Совершенно точно, это же инквизиторы. Они лишь тем и занимаются. А дети возвращаются в город?

— Нет, это нас и насторожило. Думаем отправиться в Генрих, разобраться, что там на самом деле творится.

— Знаете, я выяснил в общем-то тоже самое. Письма от детей, местные жители довольны, об этом не молчат, похоже люди считают, что все в порядке.

Они молчали. Затем Аштанар задала общий вопрос:

— А мы считаем, что с этим городом все в порядке?

— Я думаю, да. — сказал Клин. — Здесь все хорошо, пусть их дети живут отдельно, но это благополучный и счастливый город.

— Я думаю, нет. Раз эта традиция города обратилась жестокостью и люди, глядя на город Гами, готовы оценивать жизнь... Если есть сама традиция покупки и продажи людей, значит, не все здесь так благополучно, как нам показывают, — сказал Ян.

— Я согласна, но не знаю, как доказать это. Зэбор?

— Я еще думаю, — сказал лесовик.

— Мне было бы удобнее думать, если бы был пергамент под рукой.

Сказочница, воин и бард развели лагерь вокруг следопыта и сообразили ужин из остатков еды, захваченной из двух городов. Они говорили между собой сначала тихо, чтобы не отвлекать его, затем постепенно перестали стесняться.

— Да, вот, возьми, — Клин открыл торбу, стал искать пергаменты.

— О, это здесь у тебя травник?

— Да, вот он.

— Можно посмотреть?

Клин кивнул, Зэбор открыл книгу и долго изучал рецепты и списки трав с их свойствами.

— Так и знал. Клин, здесь довольно много от знаний о растениях, которыми располагает мой народ.

— И что, я теперь не должен их использовать?

— Почему же, если они полезны людям и не приносят вреда. Клин, а откуда у тебя травник?

— У девушки одной украл.

— Клин, а давай ты больше не будешь красть? — попросила Аштанар.

— Почему? — серьезно спросил Клин.

— У нас так не принято. Не зная культуры, ты можешь понести наказание, несоизмеренное ожидаемому, — нашелся Ян.

— Хорошо, я не буду больше красть.

— Так кто была та девушка? — продолжил расспрашивать Зэбор.

— Знахарка из полевого лагеря, куда я попал когда-то.

— Чей был лагерь?

— Знамена и люди были из Трагсруда...

— Трагсруд контролируют бальты, откуда там быть лесным знаниям?

— Да не знаю я! — отчаянно воскликнул Клин.

— Нужно найти ее. Можешь предположить, где та знахарка может быть?

— Нет. Я ушел, потому что, ну потому же, почему уходил из Стебиндеса. Опасно стало, понимаете? Я с тех пор не слышал о ней, не знаю, жива ли она.

— Понятно. Ян, можешь пожалуйста передать Глэну, чтобы он попросил Озори Фонну спросить Асеев близ Трагсруда про девушку, которая лечит по рецептам лесных магов?

— Да, конечно.

— Обязательно скажи, что она именно лечит, не калечит. Что я смотрел ее травник, она не искажала рецепты, и могу показать травник любому соплеменнику, кто захочет прийти и проверить нас.

— Да, хорошо. Зэбор, я...

— И если такой соберется прийти и найти нас, пусть скажет Глэну, чтобы тот передал тебе, чтобы мы сказали ему, как выглядеть и как найти нас так, чтобы все наши поиски не пострадали от того, что этот соплеменник или несколько из моего племени что-то сделал или сделали не так.

— Зэбор, — повторил Ян.

— Что?

— Очень сложно говоришь, — вздохнул Ян.

— Давай запишу.

— Извини, но было бы неплохо, если бы ты сам мог общаться с племенем, без посредника.

— Да, я знаю, Ян. Я прекрасно знаю, что я ним и тоже испытываю от этого некоторое неудобство.

— Это что, сарказм? — восхитился Клин, — Я думал, ты в плане иронии полное бревно.

Зэбор не ответил. Он писал. Лоб у него был нахмурен, а глаза злы.

Еще какое-то время после того, как Ян закончил передавать инструкцию Зэбор что-то для себя чертил на листочке. Когда все привыкли и перестали посматривать на него в ожидании ответа, неожиданно он сказал:

— Да.

— Что — да? — ласково спросила Аштанар.

— Я думаю, что с этим городом что-то не в порядке.

— Ну понятно, Зэбор, — начал Клин, — Раз нимы счастливо живут там, значит что-то здесь не чисто.

— Клин, стой. Я все объясню, честно. Я все думал, пытался вспомнить или найти вариант и понял, что совсем никак не могу быть уверен. Клин, откуда ты знаешь, как меня зовут?

— К тебе Ян в тоннеле по имени обратился.

— Это внешнее имя, а ты тогда назвал внутреннее.

— Когда — тогда? — Опешил Ян. Аштанар и Клин выглядели не менее удивленными.

— В повозке. Ты сказал “Передайте, пожалуйста, привет Аштанар и Зэбору.”

— Не помню, — морщил лоб Клин.

— Дайте угадаю. Сейчас он скажет, что не знает, откуда у него мое имя.

— А вот и нет! Сейчас...

Второй раз за вечер Клин выворачивал торбу.

— Вот, была записка, ее получила Фуксия, по ее словам еще до того, как все началось.

Все углубились в изучение.

— Аштанар, ты тоже это видишь?

— Что? Что кто-то пытался предотвратить произошедшее?

— Почерк тот же.

— Тот же, как где? — она оборвала фразу.

— Да в письме от Нарилии.

— Ты тоже получил записку? — восхитился Клин, — Тоже от доброжелателя?

— Нет, там была подпись “Нарилия, сестра Бога”.

— А теперь-то покажешь? — хмуро спросил Ян, — Носились с ним, письмом этим, чтоб его рыбы жрали, как с золотым яйцом, а ни одним глазом взглянуть не дали.

— Оно в племени, — Пожал плечами Зэбор. — Могу повторить по памяти.

— Правда? Давай.

Следопыт пару минут сидел с рукой, прижатой к лицу, припоминая. Затем процитировал текст, дословно.

— Рыбу положить, ну и дела! Кто ж она такая то? — воскликнул Ян.

— Мне тоже очень интересно. Вы так встрепнулись, она как маг для магов? Ну, как

маги для нимов, — Бард с шумом втянул воздух.

— Она бог, Клин.

Клин орал. Аштанар объясняла Яну незнакомые ему слова из письма. Зэбор продолжал думать. Клин успокоился примерно тогда же, когда следопат сказал:

— Выходит Нарилия знала о том, что может произойти со Стебиндесом, и пыталась предотвратить это.

— Почему тогда просто не сказала жителям, как не надо делать?

— Я не знаю. Мы пока видим только, что Нарилия, что она была против произошедшего в городе.

— Значит ли это, что ее силами поднимали крепость? Тогда Ян теперь знает след ее магии и сможет узнать его.

— А что, Нарилия мужик? — встрял Клин.

Никто не стал уточнять, чем был вызван вопрос.

— Может быть, — после недолгого молчания сказал Зэбор.

— Нет, не может. Твои соплеменники видели девушку, они точно видели девушку, которая вела себя вот так, как у тебя в письме, и называла себя Нарилией. И она была очень сильной. Это что, совпадение? Глэн говорил, те Отрофон-Кессеи, что общались с людьми, которые ее встречали, рассказывали про такую же девушку, которая так же себя вела, — сказал Ян.

— Но у нас есть только записки, которые мог написать и подкинуть кто угодно. Тогда это может быть группа людей, называющих себя Нарилией. И они могут действовать в любых интересах.

— Нужно немедленно сказать всем!

— Подожди, это только догадка. Может быть Нарилия один человек, может быть несколько. Может быть люди, действующие от ее имени союзники ей, а может враги. Может быть она подняла крепость, чтобы спасти жителей и ошиблась, потому что из-за этого и начался штурм.

— А может быть это был казначей, которого я видел. — встрял Клин.

— Может быть это был казначей, — Со вздохом согласился Зэбор, — Или кто-то другой, кто выглядел, как он.

— Хорошо, я не буду пока передавать наши выводы. Что ты еще надумал? — спросил Ян.

— Аштанар, мне сейчас кажется, что мы сами, толмачи и Отрофон-Кессеи вместе, и мы тоже, не сможем пробудить Лес. Я думаю, для этого нужно вернуть еще столп стихии огня. Я думаю, чтобы вернуть столп огня, нужны феллы.

— Не верю своим ушам, ты же говорил, что вы ненавидите нас! — Торжествовал Клин, — А теперь говоришь, вы без нас не справитесь!

— Я не задумывался, что наша трагедия отразилась и на них тоже. Отрофон-Кессеи были теми из лесных магов, кто решил помнить то, что произошло. Годами мы, они... Отрофон-Кессеи собирали знания о том, как все остальные люди пережили ту катастрофу. Тем, кто сочувствовал, разрешали прийти и помочь нам на празднике Мертвых Деревьев попытаться вместе призвать Лес.

— Празднике мертвых деревьев?

— Мы так называем Праздник Пробуждения Леса.

— Ясно. Это звучит разумно, Зэбор.

— Еще я думаю, плохо, что старики города Гами живут без своих детей. Но я не думаю, что кто-то еще решит, что это проблема, потому что эти люди не страдают. Но я должен понять, куда их забирают. Нужно понять, можно ли как-то увидеть, как перемещаются нимы.

— Зэбор, это же первая башня. Никому не ведомо, кто где в мире, кроме магов оттуда.

— Тогда надо спросить там, в чем проблема?

— Это слишком высоко.

— Так передай Глэну, чтобы он передал...

— Не надо снова, пожалуйста. Я понял. Я скажу только нашу цель, и ничего лишнего.

— Хорошо. Еще я подумал, что раз вопрос в том, куда уходят дети, нужно узнавать у инквизиторов. Клин.

— Что?

— Сможешь?

— Я... Я не знаю.

— Подумаем над этим. Пока что вот что нужно сообразить. Аштанар, мы с тобой убежали налегке, а для путешествий по землям нимов нужны деньги. У нас есть деньги?

— У меня да, но немного, — сказал Клин.

— Остались после того, что отдал Ассеям?

— Ага. Вот, держите, — он протянул кошель.

— Клин, это деньги, отчеканенные в городе Гами, — отметил Зэбор.

— Ладно, но я их не крал! Я их попросил в церкви Девяти на нужды беженцев из Стебиндеса.

— Лжец! Вымогатель! — распаялся следопыт.

— Но мы правда беженцы из Стебиндеса!

— Клин, так тоже делать нельзя, — вздохнула девушка.

— А что тогда лъзя? Вы же мне буквально руки связываете!

— Ян, попроси заодно прислать нам денег, — громко попросила Аштанар.

— То нельзя, это нельзя, — Продолжал разоряться Клин, — Что не сделаю, все плохо. Радуетесь, что я помогаю, позвали в команду, а ничего делать нельзя.

— Прости, Клин. Но это правда не правильно. Не стоит так делать, — пыталась утешить его Аштанар.

— Озори Фонна обещала связаться с Эланор и узнать, как перемещаются нимы, — сказал Ян.

— Хорошо... Ян, я еще понял, что не знаю. А как ты понимаешь, где чей след магии и кто маг?

— Ну, у магов есть такие ауры, и у каждого они свои.

— Ян, а в Гами были маги?

— Ауры были.

— Мне показалось, что среди тех, кого мы видели не было феллов и бальтов. А ауры этих стихий ты видел?

— Да, были ауры. Огня, земли, и лесных тоже. Да и не буду же я расспрашивать их на глазах у всего города, что они тут забыли. Вы не подумайте, я смотрел внимательно, но никого выдающегося там не встретил. Первый лад, вроде все были только первого лада.

— Но они тоже видели тебя, Ян.

— Не думаю. Только другой сильный маг способен на это.

— Но что, если мы встретим другого сильного мага?

Все замолчали.

— Мы слишком заметные, — Наконец озвучил Ян общую мысль.

— Ты слишком заметный. Ты можешь как-то скрыть эту свою ауру?

— Ее видно, если видно глазами. Я могу не показываться на глаза.

— Пожалуйста, постарайся так и сделать.

— Ты тоже слишком приметный, Зэбор. Ты выглядишь как лесовик и, прости, но так же пахнешь.

— Это естественный запах! — возмутился Зэбор.

— Можно же пользоваться духами! — парировал Ян при молчаливом согласии

Аштанар.

— Предпочитаю мыться.

— В дороге ты, хм, иногда про это забываешь.

— Ладно. Я понял. Вы все сказали? Мы попробовали поговорить в Гами, но я с самого начала говорил, нам не нужно ни с кем разговаривать, просто пойдем и посмотрим...

— Он не про это, — прервала его Аштанар, — Ты прав, но он не об этом говорит. Зэбор, если ты считаешь, что тебе нужно идти в дальше в земли нимов, и ты хочешь защищать меня там и идти вместе со мной, думаю, тебе нужно переодеться.

— Но я могу быть незаметным.

— Незаметным быть удобнее, когда можно менять роль, Зэбор, — Мягко ответила девушка, — Посмотри на нас. Посмотри на Клина.

— Да, я смотрю на Клина. Я не хочу так!

— Но это большой риск.

— И что! Отрофон-Кессеи просто так не делают!

— Я могу попросить для тебя разрешения Озори Фонны.

— Чего?

— Я могу прямо сейчас связаться с Глэном, передать, что мы все хотим идти дальше в земли нимов и большой риск, если ты будешь выглядеть... Как ты выглядишь, Зэбор.

— Нельзя пока никому говорить то, что мы поняли. Нельзя, Глэн, это как... Это как киты и обезьяны.

— Что за глупость ты только что сказал?

— Я потом объясню тебе, — вмешалась Аштанар, — Я понимаю, о чем он и согласна. Пока мы не знаем точно, что происходит, призывы к действиям могут навредить.

— Хорошо, — смирился Ян.

Он опустил руку в ку и задал вопрос.

— Что, и гриву свою вычешешь? — злорадствовал Клин.

— Если понадобится.

— А сострижешь?

— Это еще зачем?

— Мужчины длинных волос не носят.

— У нимов да, но кто-то же делает исключение.

— Это не правильно.

— Почему?

Клин опешил.

— Не знаешь?

Бард начал загибать пальцы.

— Блохи, вши, кожные болячки. Быстро пачкаются. Запутывается всякое, кстати кажется у тебя там застряла птичья кость.

— Это оберег, — тихо заметил Зэбор.

Клин продолжал загибать пальцы:

— Мешают носить шлем. Могут зацепиться. Не принято, — он остановился и перевел дыхание.

— Вас кусают вши и блохи? — обрадовался Зэбор.

Ян подал голос:

— Озори Фонна сказала, что для дела можно. И она советует тебе попробовать штаны с карманами.

— Ты что-то подозрительно быстро вернулся, — сощурил глаза следопыт.

— Они там сидят с Глэном и ждут, хотят знать, что мы будем делать дальше.

— Кто они?

— Озори Фонна. Твои родители. Многие соплеменники. Магуи.

— А чего они ждут?

— Они наверняка очень волнуются за нас, Зэбор.

— Тогда... Тогда может быть, Клин, у тебя найдется хотя бы короткий парик?

Зэбор выглядел до того жалким в тот миг, что Аштанар и Ян с трудом сохранили серьезный вид. Что до Клина, он хохотал, никого не стесняясь.

У него нашлись запасные штаны, рубаха и куртка. Зэбор спросил:

— А можно твои, с карманами?

— Последние штаны отнимаешь?

— Мать племени предложила мне их попробовать.

Штаны были коротковаты. Это бросалось в глаза.

— Давай подошью что-нибудь, чтобы было менее заметно? — предложила Аштанар.

— Ты что, это не достойно и не подобает!

— Что недостойно, штаны подшивать? — удивился Ян.

— Недостойно и не подобает воину принуждать женщину латать его одежду, — уверенно ответил Зэбор.

— Извини, я не знала, что у вас так принято. — отозвалась Аштанар.

До конца привала все занимались привычными делами. Клин думал над ролью для Зэбора. Зэбор думал, что происходит, что сказать про все это своему племени при условии, что Архипелаг может тоже это узнать, и чего они не знают. Ян охранял их. Аштанар шила.

Путь в Генрих был дальним.

Они узнали, что нимы не отражаются на картах первой башни.

Они получили деньги.

Они отослали назад Ллойта, которому Озори Фонна поручила помогать им от лица племени.

На подступах к городу они приступили к обсуждению финального плана:

— Клин, у них внутри крепости каменные стены? — вдруг спросил следопыт.

— Да.

— Ты точно уверен, что они каменные?

— Да, я точно уверен.

— Откуда ты уверен, Клин?

— А-а-а-а-ааа, — бард взвыл.

— Если ты не помнишь, извини, я больше не буду тебя доставать.

— У меня был учитель. Еще до того, как я стал подмагстерьем, я много учился. Он был фокусником, почти волшебником, но не как вы. Может вы бы назвали его шарлатаном, но... Это было в другом мире, в моем, и он был очень хорошим. Я правда любил его, так что мне не важно, что вы думаете на счет магии и сказок нимов. Он был совершенно сказочный. И ему... — Лицо Клина дернулось от боли, Аштанар поспешила поддержать его. Она хотела что-то сказать, но Клин продолжил, — Ему нравилось, кто я, нравилось, как я могу меняться, чтобы ему ассистировать в сериях выступлений. Он не спрашивал, почему я такой. Он однажды сказал мне что сам бы не понял, что это один человек, если бы я не гримировался при нем.

— Он погиб, да? — одними губами спросила Аштанар.

— Нам очень жаль, Клин. Прости, что ты устал от наших расспросов.

— Слушайте. Инквизиторы поймали его, допрашивали, заточили. Я, я был глупым, я был гораздо более рискованным, чем сейчас, я попытался вытащить его оттуда.

— Ты любил его, Клин. Каждый на твоём месте поступил бы так же.

— Но он умер! Там повсюду стража! На окнах решетки!

Аштанар утешала его. Зэбор сказал.

— Жаль, мне так понравилось, как ты проводишь допросы, что я понадеялся, что ты сходишь и все выведаешь.

— Я наверное могу.

— И речи быть не может. Тебе будет слишком больно, — сказала Аштанар, — Но я могу пойти. Инквизиторы меня не обидят, мы старательно работали над образом сказочницы, а даже если станут допрашивать или бросят в застенки, вы меня вытащите.

— И думать не смей об этом, — сказал Ян.

— В этом есть смысл, — сказал Зэбор.

— Вот видишь, — кивнул Ян.

— Я имею в виду, есть смысл в том, чтобы приманкой была Аштанар. Ян, я помогу тебе быть незаметным, Клин знает план крепости, и ты можешь ходить внутри стен.

— Раз такой умный, растолкуй мне все на месте и иди с нею.

— Тоже верно. Тогда ты согласен?

Операция с инквизиторами прошла, как по маслу. Кроме того, что Зэбора с Аштанар все же бросили в подвалы, потому что не бывает у господних слуг таких глаз.

Ян их вытащил. Он очень боялся за Аштанар и долго жалел, но та была в порядке.

Выбравшись с территории, занятой армией инквизиторов, они снова стали думать. Слов было много, Зэбор заключил:

— Мы пришли в Генрих и нашли вещи, которых прежде не предполагали и не знаем их причин. Людей слишком много, это большая армия, и непонятна ее цель. И эта армия не видна на карте мира, как мы узнали от Озори Фонны. И эта армия против магов. Вы согласны? — Возражений не было, — Церковь Девяти Богов чувствует себя хорошо, и даже слишком. Вы все видели, что там сосредоточены большие силы. И все это под боком Сеадетта, который как будто ничего не замечает.

— Нужно аккуратно выяснить, угроза ли они для столицы. Знают ли в Сеадетте, что происходит под самым их носом. Ян, сможешь передать Глэну так, чтобы можно было затем предугадать последствия?

— Думаю нет. Я подумаю, что еще можно сделать. В конце концов, мы можем просто

сами пойти в столицу.

— Не можем, Ян. Возможно это в столице планируют все это. Нас просто убьют за то что узнали слишком много.

Они не успели ничего обсудить, потому что показались инквизиторы.

Они стали убегать.

Инквизиторы гонялись за ними повсюду.

Они растворились и бежали на северо-запад. Здесь правила Валерия, у которой были свои порядки, и инквизиторы не имели права преступать ее границ без объявления войны.

— Они были как гудящий улей, — заметил Клин однажды.

— Что?

— Они нас боялись, слишком много сил гонялось за нами. Как тот лагерь, как Стебиндес, они чувствовали угрозу.

— Откуда-то они поняли, что во всём деле участвовал сильный маг, — хмуро произнес Ян, — Я не знаю, по какой еще причине они могли бросить на это такие силы.

— Как они могли понять это, Ян? — встревожился Зэбор.

Либо потому что везде видят магию и подозрительны, примерно как ты, следопыт, либо знали, как определить мага.

— Ян, там есть маги?

— Я не знаю, я не видел. Но если есть, это не просто маги. Ашганар не умеет видеть ауры, Глэн не умеет, я могу. Третий лад, не меньше.

Они пришли в отчаяние.

Очень нужно было рассказать все это, но они не понимали, кому.

Нимов не было там, где им следовало быть.

Сильные маги оказывались там, где их быть не должно.

И они продолжили поиски.

Трое из них.

Ян отправился в столицу, он просто не мог молчать о том, что происходит. Первая башня, вторая, седьмая — какая разница, он обойдет их все, но найдет того, кто решит их проблему.

Ашганар клятвенно заверила, что не будет рисковать.

Зэбор и Клин обещали защищать ее.

И Ян покинул их и отправился туда, где нимы просто не могли быть в безопасности. В место, откуда правили всем миром.

Они затаились на территории графства Валерии, Зэбор ежедневно спрашивал, что происходит, через сокола.

От Яна вестей не было.

Поток молчал о нем.

Однажды Клин сказал:

— Помните мы встретили караван?

— В котором нашли специи, картошку и какую-то металлическую штуку с зубчиками, и вы сказали, что это был караван торговцев с воздушными племенами? Да, я его помню.

— Я не про то. Я все думал...

— О так ты начал думать.

— О, так ты начал шутить.

— Мальчики, хватит бодаться. Клин, что ты понял?

— В общем я заметил, что мне что-то не нравится в происшедшем. Ни свидетелей, ни потерь со стороны нападавших. Неизвестно кто это сделал и зачем. В общем я понял, есть какая-то новая сила. Раз ни вы, ни кто-то еще не узнает почерк, может быть, это просто что-то новое. Идеальное преступление, понимаете?

— Ты хочешь сказать, что за всем, что мы ищем, может стоять не Нарилия, не Сеадетт, не какая-то конкретная страна, а сила, которая пока неизвестна?

Клин ухмылялся. Аштанар стало не до смеха.

— Ребята, я только сейчас поняла. Ян сказал, помните, третий лад, не меньше. Но выше третьего лада...

— Выше третьего лада те, кто сроднился со стихией, Аштанар. Они странные, но не опасные.

— Да, но вот что я думаю. Меня не допрашивали. Вспомни, Зэбор, нас вежливо приняли, как гостей, а потом сразу подвалы.

— Нас хотели допросить позднее.

— Но что если, предположим, что если им и не нужно было меня допрашивать.

— Выше третьего лада, не нужно допрашивать... Аштанар, ты намекаешь на то, что сильные маги леса могут читать людей?! Никто из лесных не стал бы участвовать в подобном!

— Если только Клину не прав и не появилась новая сила, которой мы не знаем. Сильные маги, следы которых мы находим...

— Слушайте, можем пока попробовать разузнать, есть ли здесь тоже маги.

— Но как? Ян ушел, он нам не скажет.

— Я немного знакома с Валерией. Может быть можем попросить ее о помощи в этом.

— Графиня недавно умерла, забыл сказать, я получил это с сегодняшним соколом...

Аштанар охнула.

— Она была такой хорошей...

— Это что, разные соколы? — спросил Клину. Аштанар обиженно посмотрела на него, тот словно не заметил.

— Одна птица. Прилетела сегодня.

— Ясненько. А эта птица меня помнит?

— Клину, да откуда мне знать, что там помнит птица.

— Я думал вы вроде как зверей читаете. Людей вот оказывается тоже...

— Ааааа, — Заныл следопыт, — Все сложнее. В общем, к власти пришла ее дочь.

— Молодая хоть? Симпатичная?

— Да. Какое тебе дело, девочка только потеряла мать!

— Ну, когда красивые, сложнее договориться.

— В каком смысле, о чем ты, Клину?

— А вот догадайся сам, как добиться доверия девушки и узнать, видела ли она настоящую магию.

— Но ведь тогда ей придется взять тебя в мужья... — растерянно сказал Зэбор. — Ты готов на такую ответственность ради одной догадки?

Зэбора изолировали, стали думать сами. Аштанар краснела, бледнела, но продолжала обсуждать предмет их разговора.

Они поняли, что нужно выяснить, чтобы решить задачу незаметно и быстро.

Им повезло. Графиня хотела демонов.

— К чему разводить разговоры, оба мы знаем, зачем ты здесь. Так приступай.

— Милостивая госпожа, я неопытен и не знаю слов любви.

— Какая дерзость! Ты отказываешься повиноваться?!

За миг, как пощечина заставила демона этой ночи дернуться с болезненным стоном, Десса увидела все же его лицо.

Чуть тронутые смущенным румянцем смуглые щеки.

Глаза, полные раскаяния и тайного вожделения.

— Простите меня, простите, я не должен был позволять себе подобного! О, только не наказывайте меня, прошу!

— Может быть я не накажу тебя, если наконец сделаешь, чтобы мне было хорошо.

— Я, госпожа, я... — Он медленно и робко поднял на нее глаза, они влажно блестели, — Госпожа, я и правда умею доставлять людям удовольствие.

— Так сделай это.

— Если позволите, я делаю это песней и танцем.

— Что же, такого мне еще не предлагали. Так пой, демон. Танцуй для меня. Покажи, что ты умеешь, — Она хищно улыбалась, — Но знай, если ты обманул меня, ты пожалеешь об этом.

— Госпожа, разрешите ли взять вашу лютню?

Десса с удовольствием наблюдала, как молодой мужчина смущенно и чуть виновато настраивал лиру. Ее забавлял и интриговал этот мальчик, его невинность была маской, но может из-за того он столь много стоил? Что же, пусть поет для нее, а она подыграет.

Ее невинный демон ждал дозволения начать играть для нее. Она милостиво кивнула.

Тонкие пальцы прошлись по струнам мелодичным перебором.

Демон сверкнул ярко-зелеными глазами.

Сильные пальцы ударили по струнам, и сердце госпожи Дессы унеслось в такт музыке.

Атлантида сияла, как хорошо отполированная ваза.

Ровными рядами улиц и радиальной застройкой она напоминала Сеадетт.

Что ж, и в этом городе есть что-то хорошее. Во всяком случае потому, что те, кто возводили его, видели наши небоскребы, знали про то, как строить города удобно и делали все для людей. Это были умные люди.

Очень умные люди, ошибки которых она разгребала всю жизнь.

В ней вспыхнула ярость.

Так, не думать об этом.

Браслет на руке привычно пульсировал.

Земля превращалась в дороги, дороги в улицы, выросли массивы домов.

Земля плюс вода это цемент.

Земля плюс огонь получается стекло.

Земля плюс огонь плюс вода — это центральное водоснабжение в каждом доме.

Можно использовать ветряные генераторы. Будет электричество, будет лучший город.

Можно использовать все те штуки, которые напридумывали воздушные племена в своей гонке вооружений.

Брат мой, они же почти догнали нас по развитию, почему никто не пытался остановить их? Почему никто не делился со всеми вокруг тем, что они сделали?

И снова эта ярость.

Хватит. Она уже столько сделала. Она не знала, что делать дальше. Она знала, что хочет лучший мир.

Она решила начать с лучшего города.

Стеклянные стены высоких домов сияли, внутри комнат прорастали растения, становясь живой мебелью, как у лесных магов.

А между домами будут скверы. Чтобы всем было много света, чтобы было много зелени и удобно.

Будет удобно. Будет лучше.

Вокруг не было ни души.

Она бы заметила, если бы кто-то попытался ей помешать.

Ей дали этот покой, ей позволили каприз.

Как будто я ребенок, думала она. Что же, если это работает, буду капризничать.

Они пришли незаметно. Нарилия смотрела, как распускается цветок, когда услышала их шаги. Услышала, не почувствовала их.

Резко обернулась.

Кошка. Змея. Чайка.

Как?

— Здравствуйте! — Сказала Кошка, — Извините за беспокойство. Вы можете уделить нам минутку?

Нарилия не нашла, что сказать. Слишком много чувств вспыхнули в ней, когда она увидела этих ребят. Почему-то Чайка засмеялся.

Держись, это будет непросто.

Змея сказал совершенно серьезно, как он любит, как обычно:

— Извините ее. Она хотела сказать, мы кажется нашли проблему и верим, что вы можете ее решить.

— Вы поняли, как пробудить Лес?...

— И это тоже, но не это главное, — сказал Змея.

— Зэбор, ты же хотел этого всю жизнь, это большая рана мира, как? ...

— Мир жил с этим шесть сотен лет, подождет еще немного. Понимаете, в каждом городе нимов наверху города есть сильные маги, и каждый город нимов расположен так, что его можно уничтожить природным катаклизмом.

— Что? — она лихорадочно вспоминала карту.

— Стебиндес расположен на острове, остров можно затопить. В центре Гами источник огня, с нестабильной огненной магией это может взорвать весь город, в Генрихе...

— Не продолжайте, я поняла. Вы правы, это возможно. Но... — Она искала слова, — Но как поняли вы?

— Мы увидели боль нимов из-за действий магов. — начала рассказывать Кошка, — Мы решили понять ее, мы шли по ее следу. Мы заметили, что в каждом городе, где мы были, есть очень сильные маги, о которых мы не знали прежде, чем начали поиск.

— Третий лад или выше, — заметил Змея.

— Но их должно быть видно на карте!

— Вы это нам говорите? Мы даже не видели карту. Посмотрите, они там будут.

Они нимы, они не могли видеть карту. Как они это сделали?!

— Как вы это сделали?!

Она даже немного смутилась, увидев, как испугалась Кошка.

Зато Чайка хохотал.

Говнюк.

Чертов трикстер.

— Уважаемая бог, мы рассказали вам только что, нам повторить или аргументировать? — осведомился Змея.

Зануда.

— Нет, я понимаю, как вы это сделали. Но как, как вы это сделали?!

— Мы хотели спасти мир, — сказала Кошка.

Ты ж мой свет, моя бедная девочка...

— Ну, мир вы не спасли, — Нарилия увидела реакцию, — Отставить панику, я этим занимаюсь. И ребята, я очень... очень хочу поговорить со всеми вами, но прямо сейчас мне нужно решить то, что вы сказали.

— Вы убьете их, — сказал Змея.

— Как ты догадался?

— Мы так делаем, мое племя. Вы убьете магов, которые что-то задумали и были достаточно умны, чтобы сделать это незаметно.

— Да. А вы думаете, они должны жить?

— Онимьте их! — Сказал Чайка.

— Что ты имеешь в виду, Чайка?

— Вы же бог, заберите у них магию. Пусть станут нимами, раз нимы для вас безопасны. Допросите их, но не надо их убивать.

— А если они безумны? Если они сделают все это снова?

— Что такое безумны? — хором спросили все трое.

Они не знали. В этом мире нет психических расстройств. Как она могла этого не заметить?! Надо было проверить, немедленно. Можно прямо сейчас.

— Это такая болезнь головы, которая мешает думать.

— Тупость, что ли? — спросил Змея.

Ну точно. Ей просто не сказали этого. За годы обучения не сказали, для этого мира это так же нормально, как для нее обратная ситуация.

Все другое, все другие, чему вообще верить?

Брат, ты нужен мне.

Ярости не было.

Вместо этого она чувствовала стыд.

— Ладно, но, чтобы понять все это, нужно было быть магом. Но вы же не маги, вы совсем не маги.

— Ян рассказали мне про четвертый лад.

— Кто такой Ян?

— Мой друг и телохранитель. Он пошёл... Он пошел в столицу рассказать, что тут творится и не вернулся.

— Черт!

Вспышка.

Маленькая девочка, отлично.

— Девочка, смотри как я могу.

Под рукой вырастает горка, на ней прорастает трава, распускаются цветы, плещется и брызжет в душистом ветре ручей.

— Девочка, хочешь так же? Вот, примерь браслет. Теперь проведи рукой...

— Вот и умница. А теперь попробуй без браслета.

— Так, а теперь беги отсюда, деточка.

— Слушай ты, тетерев.

Телепортист замер, пораженный встречей.

— Я раскрыла серьезный заговор. В каждом городе нимов по сильному магу, каждый город расположен так, что его можно уничтожить в один миг. Да стой, не падай. В ваш гадюшник я больше не сунусь, так что запоминай. Всем, всем скажи внимательно следить за землями нимов. Сейчас я начну фокусничать, и пусть только любой из них попробует не оказать содействие. Ну-ка стой прямо. Отправляйся к Элеанор, пусть найдет этих магов и пришлет мне координаты. Мне, и никому кроме. Скажи Джейкобу, пусть ползет в свой подвал, он мне понадобится. Передай, тех, кого я буду присылать, нужно только лишить магии и поместить под стражу. Если у них хоть волос с головы упадет, всем руки поотрываю. Да, и еще один момент. В город приходил маг воды и земли, Ян. Найдите его. И любой ценой оставьте его в живых. Запомнил? Ну так лети, голубь сизокрылый.

Телепортист исчез.

Она же видела, что междоусобицы нимов выглядят так, будто их специально стравливают. Она и раньше понимала, что кто-то из Старейшин мог быть не слишком лоялен.

Если это первая башня, она найдет магов сама. Просто это займет больше времени.

А если это вторая или пятая башня?

Тогда она будет знать это по результатам.

О, бусина воды отозвалась.

Пришли координаты.

И она начала решать проблемки.

Координаты, телепорт, щелк гада в казематы, изменить природу.

Координаты, телепорт, щелк...

Нимы безопасны, ну конечно. Нет, им этого мало. Кто-то считает, мало того, что мага нельзя отравить, что их изолировали и запретили прогресс. Какая-то крыса решила, что тупо средневековое вооружение и способы обороны могут устроить потери.

Вертит за ее спиной, даже не попытались озвучить задачу.

Гады.

Все это выглядит так, будто всех не магов можно в любой момент обезглавить и спокойненько дорезать выживших.

И какая-то сволочь ведь все это задумала. Кто-то спланировал.

Инквизиторы? Инструменты третьей башни. Третья башня? Может быть...

Но Генрих тоже были готовы стереть.

Непонятно.

Координаты больше не приходили. Прикинув по памяти, она посчитала города, в которых побывала.

Вроде все.

Что-то она забыла. Ах да, точно...

Вспышка.

Белый мир.

Вокруг пустота. Услышав отзвуки паники троицы, Нарилия создала для них телесные аватары.

Белый наряд сказочницы Аштанар Камайн.

Яркий и броский костюм Чайки Гелата.

Нелепый, но такой удобный наряд Зэбора Эзобериена Салмели... Черт, в этих лесных именах кто угодно ногу сломит.

И любимые косуху и мартинесы для себя.

— Твою мать, ну там и гадюшник!

— Где? — переспросил Чайка.

— Да в Сеадетте. Вся эта политика, я очень стараюсь, но постоянно всем что-то надо, никто не знает, что творится, работать не хотят, и вечно какие-то интриги.

— Точно?

— Блин, да не знаю я! Понимаете, не знаю! ...Ребята, вы чего?

Они осматривались, испуг был на их лицах.

— Здесь ничего нет, — сказала Кошка.

— Ну да, это черновик. Такой пустой мир, чтобы сделать модель... Так, сейчас сделаю лучше.

Трава под ноги. Небо над головой. На небе пасмурно, видимо она встревожена. Подумав, Нарилия добавила несколько деревьев. Для Змеи, ведь ему наверняка так привычней.

— Знаете, вдруг очень закурить захотелось, — заметил Чайка.

Ох, парень, понимаю тебя...

Точно, он не никогда особо не любил алкоголя.

— А мне — выпить, — сказал Змея.

— И не говорите, — сказала Ашганар.

Что же.

На полянке выросал трактир. Снаружи выглядел как средневековый, но Нарилия подозревала, что внутри будет полный хай-тек.

— Я присоединюсь, пожалуй.

— А то, что мы сказали? Разве тебе не нужно решать этого?

— Вы были в черновике какое-то время, я уже все сделала.

— Но мы ничего не заметили.

— Ну, время относительно.

И они сели квасить. Может потому разговор, который они повели, был для них таким странным.

— Ребята, закачаетесь. Вот это барная стойка, тут краники, просто нажимаешь и льется. Дальше бар. Этикетки вам не знакомы, но попробуйте, тут все очень вкусно. Чайка, не знаю, что ты хочешь курить, но вон там кальян, сигары, трубки, табак и на всякий случай сигареты.

Бард восторженно вылупился, выбрал сигару, с удовольствием закурил.

— Почему ты называешь меня Чайкой? Остальных называешь так, как мы сами обращаемся друг к другу, а меня сценическим именем. Это мое имя до того, как я все забыл?

— Почти. Ты назывался в Чайкой в черновиках, — Она неопределенно помахала рукой, — Ну, там, где я сидела, пока пыталась понять, как у вас тут все устроено.

— А как тут у нас все устроено?

— Ну, ребята, этого в двух словах не объяснишь. Так что скажу, что как есть, так вот у вас и обустроено.

— А как в черновиках зовут нас? — додумался спросить Змея.

— Ты — Змея.

Кошка вдруг стала выглядеть очень напуганной.

— Это из-за моего деморга? — как ни в чем ни бывало уточнил Змея.

— Ну да.

— А ты, ты — Кошка. Это из-за сказки, которая...

— Я знаю эту сказку! Где Собака?! — взвизгнула она.

— Да в общем-то там же, где твоя мама.

— Я найду его на Архипелаге?

Она не знает. Почему она не знает?

— Ашганар, тебе не сказали? Леди Камайн умерла.

Кошка, казалось, готова упасть в обморок. Здесь бы у нее не вышло, но она явно очень старалась.

— Как?... Мама?...

Все бросились утешать ее.

Черт, нужно что-то сказать...

— Ашганар, это я виновата. Если бы я пришла раньше, ничья мать больше бы не погибла.

Сказочница плакала. Она подняла лицо и спросила?

— Ты это серьезно?

— Ну, технически, я же бог, — Нужно было срочно все объяснить ей, — Твоя мама, ты же знаешь, занималась языками. Она отправилась на переговоры с Бальтратом, произошел несчастный случай. Ашганар, там чуть война не началась, я поэтому прибыла раньше.

Сказочница плакала.

Это разрывало сердце.

Она не смогла помочь даже им.

— Аштанар, твоя мама стала частью Блуждающего источника, а ее душа уже переродилась. Маги слышат ее голос, я была уверена, что они тебе передали.

— Нет, мне никто не сказал... Вот почему мы ехали на Архипелаг.

— Может быть. Аштанар, правда, если бы я только знала, я бы нашла тебя, я бы сказала.

Они же маги воды, они всегда говорят правду, что же произошло...

— Сказать правду и сказать то, что себе не выгодно — разные вещи, — всхлипнула Кошка.

— Черт, так вот в чем дело! Вот почему замолчал Поток! Аааа, не в смысле того Потока, о котором ты подумала! В смысле, вот почему маги Архипелага перестали говорить Бальтам про все, что у них происходит.

— А они перестали? — спросил Змея.

— А вы не знали? В общем да. Вспыхнула новая волна недовольства, но это сейчас не важно. Скажи, Аштанар, а ты сама дошла до этого?

— Клин сказал, — Она добавила уважительно, — В смысле, Чайка.

— Ну да, конечно. Мистер Командовать-парадом-буду-я!

— Что?

— А, долго объяснять. Ты что, так и сказал?

— Нет, я вообще не говорил такого.

— Ты объяснил это нимама, я услышала и повторяю.

— Демоны, она права! — орнул Змея, — Мы, наверное, потому про это не знаем, что Поток молчит в обе стороны!

— Ребята, я должна была догадаться. Простите меня пожалуйста. И про природные катастрофы, спасибо, правда, спасибо вам. Спасибо, что верили в меня и сделали все это.

— Мы верили друг в друга, нам ничего больше не оставалось.

— Тогда спасибо, что доверились мне.

Они переглянулись. Змея тихо проговорил:

— Честно говоря, это было не просто. Мы выбирали между тобой и столицей, но Ян так и не пришел.

— Я, я подвела вас, а вы все равно делали это. Ребята, спасибо вам.

— Нарилия, — серьезно сказал Змея, — Мы все трое нимы. Но ведь это ты писала нам Ты переживаешь о нас. Ты писала всем нимама?

— Нет, — не нашла сил солгать она.

— Тогда кто мы для тебя?

— Вы... Ребята, мы мои не-маги.

— В каком это смысле.

— Из вас забрали магию, чтобы пришла я. Ваша магия вот здесь, — Она подняла руку с браслетом. Пять бусин, — Было довольно сложно найти вас, но Джейкоб мне наглядно доказал, что в Сеадетте перерождение. Все перерождаются по кругу, можно увидеть последовательность, новое тело начинается в тот же миг, когда старое умирает. Так, кажется хорошо, что вы сидите. В общем вы давно перерождались, и сейчас вы... Ну не в своих стартовых стихиях родились, но просто не можете иметь магию, потому что...

— Потому что нас убили, чтобы эта магия передалась тебе.

— Я этого не хотела! Я долго кричала, когда узнала, но этот дебильный браслет, понимаете, это штука, благодаря которой я могу мир менять!

— То есть сколько бы мы не пытались, мы не могли бы стать магами? — голос Змеи ломался на глазах.

— Да! Но при том, что ваши души склонны к магии, вы не перерождались среди нимов! Злитесь, ребята, я сама была в ужасе, когда узнала.

— И получается магами нам не стать... — спокойно сказал Чайка.

Пивная кружка была тяжелая. Бусины браслета были стеклянные.

Зазвенели осколки.

— Вот так вот. Вот и все. Хватит с меня.

Какое-то время все сидели молча.

— Я ничего не чувствую... — сказала Кошка.

— Да, никаких изменений, — Змея барабанил по столу.

— Вы не в том мире, чтобы почувствовать эти изменения. Вот вернемся отсюда, почувствуете.

— Где же мы?

— Да в черновике. А-а-а, пропади все пропадом. Черновики — это такие модели, они могут быть простыми, могут быть сложными, как ваш мир. Меня с детства гоняли по черновикам, пока не выучила, что у вас как и какая расстановка сил. Вот так куются боги.

— Почему же этого не хватило?

— Я не знаю, никто так и не смог подготовить меня к тому, чтобы быть богом.

— А как же боги твоего мира?

— В моем мире не было богов.

— Кто же есть у вас?

— Правительство.

Разбился бокал.

— Правительство? Что же произошло в вашем мире, что правители получили такую власть?

— В общем-то то же, что и в вашем. Технически, я не бог. Я неуязвимый правитель, в которого вгрузили ключевые структуры мира, уйму лора, и дали неуязвимость и силу все это решить.

— Что такое лор? — спросил Змея.

— Ну, все про то, как мир устроен.

— И чем это отличается от бога?

— Ну, собственно, мною. Я не бог, и эти гады в столице, что бы они о себе не мнили, тоже не боги. Вот ты, например, Ашганар, скажи, вот у вас есть течения, так? Они заправляют погодой, их слово закон, и все у вас хорошо. Вы что, считаете их богами?

— Нет, но мы считаем их достаточно мудрыми, чтобы дать им право решать за всех.

— Ну вот, и мне дали такое право. Только для всего мира. И что вышло?

Вопрос ушел в пустоту. Звякнула о стол кружка.

— Кто дал?

— Ох, этого я вам так просто сказать не могу. Вы, наверное, захотите его убить. А мне он очень дорог.

— Так, ладно, — непривычно ровным голосом произнес Чайка, — Тогда что же, у нас тоже нет богов?

— Отчего же, есть сейчас бог. Но он не показывается и ни разу не давал о себе знать с тех пор, как я пришла сюда, — Она зачем-то повысила голос. Какая разница, как будто он без этого не услышит, — Хотя я прекрасно знаю, что он следит за мной и помогает. Почему иначе я неуязвима?

— Ну, потому что, потому что...

— Ребята, ох, дорогие мои, вопрос был не к вам. Неуязвимость, да... Смотрите, как это работает. Вопрос с подвохом. Аштанар, свет очей моих, что будет с магом стихии пятого лада, если его ранить?

— Из него польется вода, — ответила Кошка.

— Садись, пять. А почему?

— Он настолько сроднился со стихией, что стал ею.

— А куда она польется?

— Ну куда, наружу...

— Вот, а что сделает маг?

— Он станет частью Блуждающего родника.

— Именно. Сейчас у вас маги пятого лада так редки и устают, что сами хотят стать частью стихии. Маги четвертого лада тоже предпочитают не исцелить раны, а прекратить это.

— Но почему?

— Ох, ребята, а вот об этом я и боялась говорить с кем-либо пока что. Сколько минут в часе?

— Чего в чем? — переспросил Змея.

— Именно. Который сейчас день? Год?

— Ну, год — текущий. День — сегодняшний.

— В моем мире есть такая штука — календарь. Потому что у нас в каждом году определенное количество месяцев, в месяцах определенное количество дней, в днях — часов, в часах — минут и так далее.

— И вы понимаете, когда вы?

— Ну да.

— Тогда научи нас календарю и делов-то! Почему ты просто не сделала этого сразу, раз это так важно? — искренне изумился Чайка.

— Потому что у вас время ускоряется. Как же сказать. У вас просто нет равных интервалов. Дни летят быстрее и быстрее, времена года сменяются чаще, и... И все до третьего лада магии очень быстро стареют. Ну то есть вообще все.

— Так ты пришла поэтому? Чтобы спасти наше время?

— Ну вроде того. Меня скорее прислали, хотя в какой-то мере это было и мое решение.

— Кто прислал?

— Ну, ну если говорить понятным языком — бог.

— Твой бог?

— Ваш бог.

— Твой брат?

Ну начинается.

— Видишь, даже они разобрались. Будешь дальше молчать — все им расскажу!

— Мы внимательно слушаем.

— Знаете, я думаю, вы достойны это знать. Но сначала хочу, чтобы вы выполнили для

меня кое-какое задание.

— Это очень неправильно, — возразила Кошка.

— Это очень понятно, — заметил Чайка.

Больше книг на сайте - Knigoed.net